А.Н. МОСКАЛЕНКО

СЛАВЯНЕ НА ДОНУ

А. Н. Москаленко

СЛАВЯНЕ НА ДОНУ

(Боршевская культура)

ВГУ

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1981

Т М82

Монография посвящена характеристике одной из групп восточных славян, обитавшей в конце I тысячелетия н. э. в бассейне Дона. В работе рассмотрены различные вопросы материальной и духовной культуры, уделено большое внимание характеристике поселений, жилых и хозяйственных построек, а также исследуются погребальный обряд и языческие верования населения Верхнего и Среднего Подонья. История и культура донских славян дана на широком фоне истории восточнославянских племен.

Книга рассчитана на археологов, учителей истории, студентов и всех интересующихся историей нашей страны.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Научный редактор — д-р ист. наук С. А. Плетнева

Рецензенты:

д-р ист. наук И. П. Русанова,
д-р ист. наук А. Д. Пряхин

ИБ № 565

Анна Николаевна Москаленко

СЛАВЯНЕ НА ДОНУ

(Боршевская культура)

Редактор В. А. Муконина. Художник А. Г. Лось
Технический редактор Ю. А. Фосс. Корректор Н. В. Плахина

Сдано в набор 23.03.81. Подп. в печ. 20.05.81. ЛЕ10705. Форм. бум. 60 х х 84/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 1000. Заказ 391. Цена 1 р. 30 к.

Издательство Воронежского университета. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8. Типография издательства ВГУ. Воронеж, ул. Пушкинская, 3.

М $\frac{10604\text{-}021}{\text{М174(03)-81}}$ 6-81 0505010000

© Издательство Воронежского университета, 1981

ОТ РЕДАКТОРА

В 1947 г. молодой кандидат исторических наук А. Н. Москаленко (Уппит) была зачислена на исторический факультет Воронежского государственного университета в качестве доцента. В Воронеж ее привели уже вполне сложившийся интерес к истории культуры славянства и горячее желание продолжить начатое П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым еще до войны исследование славянских памятников Верхнего Дона, известных тогда под названием роменско-боршевских.

Со свойственными ей энергией и увлеченностью А. Н. Москаленко в то тяжелое послевоенное время принялась за изучение известных и поиски и раскопки до нее не известных науке славянских памятников.

С тех пор прошло более 30 лет. За эти годы А. Н. Москаленко не только сама стала серьезным, хорошо известным в СССР и за рубежом археологом-славистом, но и вырастила большую группу учеников, т. е., по существу, создала воронежскую археологическую школу. И в этом неоспоримая и незабываемая заслуга А. Н. Москаленко как перед университетом, так и перед археологической наукой в целом.

Организация археологической науки в университете была осуществлена А. Н. Москаленко благодаря ее неустанным полевым исследованиям, ведшимся ежегодно по несколько месяцев в течение более 20 сезонов. Участвуя в этих исследованиях, молодежь мужала, превращалась в самостоятельных ученых.

Большие и систематические работы на славянских памятниках дали в руки А. Н. Москаленко огромный материал, требующий публикаций и обобщений. Статьи А. Н. Москаленко, вводящие в науку новые источники, неизменно встречали у археологов живой интерес и отклик. В 1965 г. вышла

ее книга «Городище Титчиха», в которой были опубликованы результаты многолетних работ на этом замечательном памятнике, раскопанном ее экспедицией почти полностью. Несмотря на частные недостатки этой публикации, книга стала одной из необходимых для археологов, занимающихся историей и археологией славянства.

После выхода в свет монографии А. Н. Москаленко начала работу над следующей книгой, посвященной славянам на Дону, которую и закончила в целом перед своим выходом на пенсию. К сожалению, тяжелая болезнь не позволила ей продолжать полевые исследования и заставила отказаться от преподавательской и научной деятельности. Не смогла она и подготовить написанную ею рукопись к печати. Ей помогли в этом ее друзья и ученики, и в первую очередь А. З. Винников. Прекрасно знакомый с материалами, описанными и интерпретированными в рукописи, участник многих ее экспедиций, специалист по раннесредневековой истории славян, А. З. Винников тщательно обработал рукопись, превратив ее в предлагаемую читателю книгу.

Книга открывается обширной и в настоящее время исчерпывающей историографической частью, в которой освещаются как общие вопросы развития славяноведения в СССР, так и работы, посвященные исследованиям роменской и боршевской славянских культур. Эта глава, несомненно, будет крайне полезна и интересна историкам и археологам, преподавателям вузов и школ, студентам исторических факультетов.

В следующих главах А. Н. Москаленко обобщает материалы со значительного количества исследованных ею памятников, дает тщательно разработанную типологию жилищ, создает достаточно убедительную относительную их хронологию. Особенно большое внимание она уделяет раскопанным ею могильникам.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, дополняющих, а порой и вполне правомерно заменяющих текст.

Хороший язык, которым написана работа, ее лаконичность, большое количество наблюдений и обобщений по общим и частным вопросам истории славянства, поднятым и, как правило, решенным в книге, делают ее интересной и нужной не только специалистам — историкам и археологам, но и широким массам советской интеллигенции.

С. А. Плетнева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Славянское население Подонья составляло сравнительно небольшую и несколько территориально изолированную группу восточных славян. Такая изолированность донских славян от остального славянского мира и их положение на краю славянской ойкумены, соседство с неславянскими народами и государствами (финно-уграми, Хазарским каганатом, кочевниками) заслуживает специального и пристального изучения.

В то же время необходимо подчеркнуть, что донские славяне всей своей историей были связаны с основной славянской территорией. Уровень их экономического развития и общественных отношений во многом определялся уровнем социально-экономического развития у основной массы восточнославянского населения. То же следует сказать и о развитии идеологии и прежде всего о религиозных представлениях. Все это позволяет нам выделить донскую группу славян как самостоятельную тему исследования.

В основу предлагаемой монографии положены результаты полевых работ, проводившихся в бассейне Верхнего и Среднего Дона, начиная с конца прошлого столетия. Особенно значительный вклад в изучение славянских поселений Подонья внесла экспедиция ГАИМК, работавшая в 1928—1929 гг. под руководством П. П. Ефименко. В 30-е гг. эпизодически велись обследования памятников сотрудниками Воронежского краеведческого музея И. Д. Смирновым, Н. В. Валукинским, Д. Д. Леоновым и др. В послевоенный период, начиная с 1948 г., изучением славянских памятников Подонья систематически занимается экспедиция Воронежского государственного университета (руководители А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин, А. З. Винников); разведочные работы проводились экспедициями ЛОИА АН СССР (И. И. Ляпушкин, В. П. Левенок). В работе экспедиции ВГУ активно участвовали члены научного студенческого археологического кружка, студенты-практиканты исторического факультета ВГУ, а также ученики воронежских школ, возглавляемые учителями Н. М. Анучиным, Т. С. Сегал и др.

Настоящее исследование мы рассматриваем как второй этап в изучении славянской культуры Подонья. Первые итоги были подведены в работе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова «Древнерусские поселения на Дону» (МИА, 1948, № 8). К концу 60-х гг. накопились новые материалы, которые позволили дать более обстоятельную характеристику и внести определенные коррективы в сложившееся ранее представление о характере славянской культуры Подонья.

В заключение считаю своим долгом выразить глубокую благодарность всем участникам возглавлявшихся мною экспедиций. Благодарю также А. Д. Пряхина, заведующего кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ, по инициативе которого издается настоящая работа, С. А. Плетневу, заведующую сектором славяно-русской археологии ИА АН СССР, осуществившую редактирование книги, и А. З. Винникова, подготовившего ее к печати.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1. Историография

До Великой Октябрьской революции, когда полевые исследования сводились к работам разведочного характера, возможностей для широких исторических обобщений практически не было. В тот период не появилось ни одной монографии, посвященной истории древнерусского населения на Дону. В то же время во многих работах историков, археологов и лингвистов в связи с различными сюжетами их исследований поднимался вопрос об этнической и племенной принадлежности населения Подонья конца I тысячелетия н. э. Большинство исследователей, основываясь главным образом на сведениях арабских авторов, считали, что в последние столетия I тысячелетия н. э. здесь жили славяне, и расходились во мнении лишь по поводу того, какое из славянских племен заселяло Дон. Только немногие видели в населении интересующего нас района не славян, а алан. Отдельные исследователи полагали, что до XII в. здесь вообще не было оседлого населения.

Одной из первых работ, в которой затрагивалась проблема племенной принадлежности и происхождения древнерусского населения на Дону, было исследование профессора Варшавского университета Н. П. Барсова по исторической географии [1]. Автор полагал, что Дон был заселен северянами и вятичами. Вятичи, по мнению Н. П. Барсова, проникали на Верхний Дон и Воронеж по р. Сосне [2].

В начале 80-х гг. XIX в. вышли в свет две работы по истории Украины. Они были написаны начинающими в ту пору историками П. В. Голубовским и Д. И. Багалеем. В отличие от Н. П. Барсова оба автора попытались использовать не только данные письменных источников, но и некоторые ар-

хеологические материалы. И тот и другой пришли к заключению, что Подонье было заселено северянами [3]. Иная точка зрения высказана историком Рязанской земли Д. И. Иловайским. Он полагал, что до верховьев Дона распространялась территория вятичей [4].

В последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. в связи с развитием археологических исследований появляется возможность расширить круг источников для решения многих проблем истории древней Руси. Это в равной мере относилось и к истории населения интересующего нас района. А. И. Мартинович, раскапывавший в начале XX в. курганный могильник на Лысой горе под Воронежем, первый определил эти курганы как славянские [5] и, таким образом, фактически поставил вопрос о том, что все родственные и одновременные этим курганам поселения и могильники, расположенные на р. Воронеж, тоже следует связывать со славянами.

На археологических материалах строил свои заключения и А. А. Спицын. Надо полагать, что он не случайно взялся за раскопки городища и курганного могильника у с. Борщево. При всей многогранности его научных интересов славянская тематика занимала в них одно из существенных мест. А. А. Спицын не сразу пришел к выводу о том, что в бассейне Дона жили славяне. Первоначально он лишь отметил сходство поселения и курганов у с. Борщево с верхнеокскими памятниками [6]. И лишь значительно позже он пришел к заключению, что славяне, двигаясь с запада, дошли до Оки и Дона. Борщевские курганы на Дону, по его мнению, можно приписать только вятичам [7]. В одной из последних работ, посвященной русским племенам, А. А. Спицын снова обращается к курганным древностям XI—XII вв. и более ранним памятникам. В этом исследовании А. А. Спицын пишет, что курганы с трупосожжением и вещами VIII—IX вв. в верховьях Оки, в частности в районе Орла, а также под Воронежем «...некому приписать, кроме вятичей и северян» [8].

Современник А. А. Спицына, крупнейший русский лингвист и специалист по летописям А. А. Шахматов, занимаясь проблемой образования русских наречий и народностей, касался и вопроса о расселении славянских племен. При этом его точка зрения не оставалась неизменной. В одной из своих ранних работ, вслед за П. В. Голубовским и Д. И. Багалеем, А. А. Шахматов высказывает мысль, что на Дону жили

северяне [9]. Эту же точку зрения он отстаивает и в полемике с проф. Е. Ф. Будде [10]. Позже А. А. Шахматов отказался от этой мысли, исходя главным образом из своей новой интерпретации текста летописи о походе Святослава на вятичей. А. А. Шахматов пришел к заключению, что на Дону в X в. жили не северяне, а вятичи [11]. Более обстоятельно эта точка зрения излагается им в работе, посвященной древнейшему периоду истории русского языка, где проблема донского населения рассматривается в связи с концепцией происхождения славян и их последующего расселения [12]. И, наконец, в своей последней работе о древнейших судьбах русского племени А. А. Шахматов вновь пересматривает свое отношение к тому, какое именно из славянских племен заселяло берега Дона. В главе, посвященной расселению восточных славян, он обращается к данным «Повести временных лет», считая ее сведения вполне достоверными. На этот раз славянское население на Дону он называет не вятичами, а восточнорусскими племенами. При этом А. А. Шахматов отмечает, что в обзор летописца попали не все русские племена, и это необходимо иметь в виду, в особенности при рассмотрении населения бассейна Дона [13]. Следовательно, последняя точка зрения А. А. Шахматова сводилась к тому, что Подонье населяли не вятичи и не северяне, а какие-то восточнославянские племена, имен которых мы не знаем, так как летописец их не назвал.

В связи с исследованием истории Украины вопроса о племенной принадлежности населения Подонья касался и М. Г. Грушевский. Первоначально он полагал (вероятно, не без влияния работ П. В. Голубовского и Д. И. Багалея), что Подонье было заселено северянами [14]. Позже он отказался от мнения о наличии северянского населения на Дону, мотивируя это тем, что киевские книжники XI в. знали не все племена и сообщенные ими племенные названия покрывали далеко не всю территорию восточнославянской колонизации. По мнению М. Г. Грушевского, племенное имя донских славян неизвестно [15]. Эту мысль он отстаивал в дискуссии с Н. П. Барсовым, П. В. Голубовским, Д. И. Багалеем, А. А. Шахматовым (ранние работы) и другими исследователями. О славянах на Дону пишет и М. К. Любавский в своем труде по исторической географии России [16].

В литературе, однако, как отмечалось, был и иной взгляд на этнический состав населения Подонья. Он принадлежал

Ф. Ф. Вестбергу. Ф. Ф. Вестберг не соглашался с мнением многих исследователей о том, что арабские источники говорят именно о славянах на Дону (Танаисе), и полагал, что здесь жили не славяне, а аланы [17].

И, наконец, третью точку зрения представляли взгляды тех исследователей, которые полагали, что на Верхнем и Среднем Дону в конце I тысячелетия н. э. вообще не было оседлого населения. Впервые это мнение было высказано еще в самом начале XIX в. первым историком Воронежского края Е. А. Болховитиновым [18]. Е. А. Болховитинов был большим знатоком письменных источников, и работа его в некоторой своей части не потеряла интерес и до наших дней. Отсутствие каких-либо конкретных данных о славянах на Дону привело его к заключению, что эти места вообще в ту пору оседлым населением заселены не были. Этой же точки зрения придерживался в своей работе и другой воронежский историк — Л. Б. Вейнберг. «Непроницаемая тьма покрывает всю древнюю историю Придонского края», — пишет он. Первыми оседлыми поселенцами на берегах р. Дона и Воронежа были, по его мнению, хазары. Они поселились в этих местах в XII в. [19] Его взгляды разделял и Е. Л. Марков. [20].

К выводу об отсутствии на Дону оседлого населения пришел также автор труда по исторической географии С. М. Середонин [21]. В своем заключении он основывался лишь на данных летописи.

Те историки, которые признавали наличие на Дону славянского населения, интересовались и его последующей судьбой. Все они полагали, что донские славяне в конце I тысячелетия н. э. или несколько позже покинули свои поселения под натиском кочевников. Расхождения были лишь по вопросу о том, куда ушло население с Дона. П. В. Голубовский полагал, что с Дона население ушло на свою родину в землю северян [22]. А. А. Шахматов, точка зрения которого по вопросу племенной принадлежности древнерусского населения на Дону, как указывалось выше, менялась во всех работах независимо от того, кто, по его мнению, заселял берега Дона — вятичи, северяне или какое-то безымянное племя, полагал, что население с Дона ушло в район Средней Оки [23]. Иначе представлял себе направление движения населения с Дона М. Г. Грушевский. Он считал, что под натиском кочевников славяне начали отступать не на Оку, а в район Посеймья, с которым донские славяне исторически были связаны в значительно большей степени [24]. При этом следует отметить, что все указанные выше авторы высказывали свои предположения фактически априори, так как в их распоряжении не было по этому вопросу никаких реальных материалов.

Таким образом, большинство дореволюционных исследователей полагали, что в конце I тысячелетия н. э. на берегах Дона существовали славянские поселения. Они считали, что на Дон переселились выходцы из близживущих славянских племен. В последующей судьбе этих переселенцев решающую роль сыграли кочевники, которые заставили их покинуть берега Дона. По вопросу о том, куда ушло население с этих мест, единого мнения не было.

Итоги раскопок археологов XIX — начала XX вв. в верхнем и среднем Подонье подведены в известной монографии Ю. В. Готье, вышедшей в свет в 1930 г. [25] Он писал, что восточные славяне в Донском бассейне жили в VII—X вв. Граница славянской культуры в этом районе, по его мнению, спускалась до Воронежа. Так же, как и дореволюционные исследователи, он интересовался тем, откуда, из каких мест шел поток переселенцев на Дон. При решении этого вопроса Ю. В. Готье опирался на известные ему факты. С одной стороны, Ю. В. Готье ссылается на раскопки курганов у так называемого Хазарского городища, проведенные в начале XX в. членами Воронежской ученой архивной комиссии. С другой стороны, он имел в виду раскопки П. М. Еременко курганов в районе г. Ельца, входившего тогда в состав Орловской губернии [26]. По его мнению, погребальный обряд Воронежских курганов свидетельствует о северянском населении в этих местах, а раскопки П. М. Еременко, давшие якобы радимические погребения, позволяют автору делать заключение, что радимичи также внесли свою долю в раннюю колонизацию Среднего Дона.

Новый этап в развитии историографии древнерусских поселений на Дону связан с полевыми работами советских археологов. В 1928—1929 гг. на Верхнем и Среднем Дону раскопки славянских памятников проводила экспедиция ГАИМК под руководством П. П. Ефименко.

Вскоре после завершения указанных раскопок начинают появляться работы, в которых дается историческая интерпретация полученных материалов. Первой научной публикацией, посвященной предварительным итогам археологических исследований, была статья П. П. Ефименко [27]. Наиболее

существенным наблюдением и выводом П. П. Ефименко является его заключение о том, что открытые им жилища на Большом Боршевском городище имели вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений. По его мнению, эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового гнезда. Этому заключению о наличии на городище общинно-родовых отношений не противоречит и та характеристика развития хозяйства на данном поселении, которая дается П. П. Ефименко. Он отмечает, что население занималось главным образом охотой и рыбной ловлей, хотя жителям известны были также скотоводство и земледелие. Бытовой уклад жителей городища был весьма примитивен. Это проявляется в том, что металлических изделий встречено очень мало, в то время как кость являлась обычным широко распространенным материалом для выделки орудий, украшений и т. п. Привозных вещей немного.

В этой же статье описываются и результаты раскопок курганов в с. Борщево. Автор отмечает, что во всех курганах имелись оградки из вертикально поставленных дубовых плах и погребальные камеры в виде небольших срубов.

В 1934 г. вышел в свет коллективный труд по истории докапиталистических формаций, в котором одна из глав (первобытно-коммунистическое общество) принадлежала перу В. И. Равдоникаса [28]. В. И. Равдоникас несколько иначе, чем П. П. Ефименко, характеризует общественный строй и хозяйство у населения, жившего на Большом Боршевском городище. Для воссоздания общественных отношений В. И. Равдоникас, так же, как и П. П. Ефименко, основывается на данных о жилищах, но, кроме того, привлекает и материалы погребений. В. И. Равдоникас отмечает, что, поскольку в каждом жилище на Большом Боршевском городище имелся свой очаг, есть все основания говорить о распаде древнего коллективного потребления. В то же время, как показали раскопки, боршевские жилища были связаны между собой в единое целое внутренними ходами. Это свидетельствует о том, что отдельные семьи еще не вполне обособились друг от друга. По мнению В. И. Равдоникаса, они были объединены сохранившимися от первобытного коммунизма коллективными связями.

В отличие от П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас высказывает мысль, что главным занятием населения Боршевского городища была не охота, а земледелие с применением плуга, скотоводство и особенно рыбная ловля. Железо, отмечает В. И. Равдоникас, было у них в большом ходу.

В 1935 г. выходит в свет статья М. И. Артамонова в помощь педагогу-историку, в которой он дает обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. В этой статье М. И. Артамонов касается и результатов исследования древнерусских поселений на Дону, в частности Большого Боршевского городища. Это городище приводится им в числе поселений дофеодального периода. Он повторяет вывод П. П. Ефименко о жилищах, соединенных в комплексы, замечая, что это указывает на более тесные связи их владельцев. Главным занятием боршевцев он считает земледелие. Боршевские курганы характеризуются М. И. Артамоновым как коллективные захоронения [29].

В 1938 г. появляется краткая статья воронежского краеведа Н. В. Валукинского [30], предназначенная также в помощь учителю. Здесь подводятся общие итоги раскопок городища на месте дома отдыха имени М. Горького (Кузнецовского городища). Славянский слой на городище датируется Н. В. Валукинским IX—X вв. На основании вещественного материала, полученного в процессе раскопок, автор приходит к заключению, что население городища занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, а также металлургическим производством и ткачеством. Развитыми были и торговые связи. По существу эту же характеристику хозяйства Н. В. Валукинский позже распространяет и на культуру древнерусского населения Подонья в целом [31].

Таким образом, уже первые размышления над полученными материалами позволили авторам поставить вопрос о народе, который оставил эти памятники, о времени, когда он жил, о хозяйстве, общественных отношениях и некоторых чертах религиозных представлений населения этих городищ. Как мы показали выше, не по всем вопросам имелись сходные точки зрения. Расхождения наблюдались в датировке этих памятников, в характеристике хозяйства и общественных отношений.

Важной вехой в историографии древнерусских поселений в бассейне Верхнего и Среднего Дона явился выход в свет в 1948 г. монографии П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова [32]. Это было не только первое монографическое исследование о славянских поселениях на Дону, но и первое такого рода ис-

следование о древнерусском населении конца I тысячелетия н. э. вообще.

В основу работы легли многолетние археологические исследования памятников древнерусской культуры в бассейне Дона и в особенности результаты раскопок 20-х и 30-х гг. Монография состоит как бы из двух частей: введения, где определяется место донских славян в истории восточнославянского мира, характеризуются их социально-экономический строй и религиозные представления, и описания отдельных памятников.

По мнению авторов, изученные ими поселения и могильники принадлежали древнерусскому населению, в котором они видели летописных вятичей. Древнерусские поселения Подонья считаются ими одной из территориальных групп русских памятников второй половины I тысячелетия н. э., распространенных на всем пространстве Восточной Европы.

Характеристика хозяйства у древнерусского населения на Дону, содержащаяся в рассматриваемой монографии, отличается от характеристики хозяйства, данной в упомянутой выше статье П. П. Ефименко. Авторы отказались от мысли о том, что главным занятием населения обследованных городищ была охота, и в достаточной мере убедительно показали, что основу их хозяйства составляло земледелие. О развитии земледелия свидетельствуют остатки злаков, находки ручных жерновов, наличие на городищах хлебных ям и закромов, где хранилось зерно, а также специального мельничного помещения, открытого на Большом Боршевском городище. Орудий обработки земли найдено не было. Авторы высказали предположение, что землю обрабатывали деревянным плугом.

В работе показано также место в хозяйстве донских славян скотоводства, охоты и рыбной ловли. При этом авторы отмечают, что, кроме этих видов хозяйственной деятельности, донские славяне занимались также лепкой посуды, ткачеством, обработкой кости и рога. Местное металлургическое производство находилось, по их мнению, на очень невысокой ступени развития. Изделий из железа в обиходе у этого населения было мало. В то же время авторы отмечают, что в процессе раскопок найдено большое количество костяных и роговых орудий, изготовленных в рамках домашнего хозяйства. Привозные изделия, к которым относятся посуда, украшения и монеты, единичны. Все это позволило П. П. Ефименко и

П. Н. Третьякову прийти к заключению о слабом развитии ремесленного производства и торгового обмена. Этот край, отмечают авторы, являлся глухой окраиной. В быту населения здесь сохранялись многие архаические черты, присущие эпохе, предшествовавшей возникновению Киевской Руси. Данных для характеристики общественных отношений в процессе раскопок было получено мало, что затрудняло решение этой проблемы. Отправными моментами для выяснения общественных отношений послужили планировка жилищ, особенности погребальных сооружений и весь облик материальной культуры. По мнению авторов, для Большого Боршевского городища были типичны жилища, соединенные между собой внутренними крытыми переходами. В состав такой компактной группы входили и постройки хозяйственного назначения. Кроме того, на этом поселении встречены также и отдельно стоящие жилища. На других городищах жилища располагались или по одному или совсем небольшими группами. Различие во взаимном расположении жилищ и хозяйственных построек авторы объясняют различным уровнем общественных и семейных отношений. Соединение жилищ крытыми переходами, по их мнению, вызывалось тем обстоятельством, что «обитатели их составляли единую общину, вероятно, большую патриархальную семью». Обычай соединения многих жилищ в одно целое «всегда находит объяснение в прочных еще устоях родового строя», в то время как отдельно стоящие постройки отражали «хозяйственное обособление отдельных семей, возникающее в процессе распада старых родовых связей...». Таким образом, на основании анализа взаимного расположения жилых и хозяйственных построек авторы приходят к заключению, что на Большом Боршевском городище имели место еще прочные устои родового строя, тогда как на других поселениях шел процесс распада родовых связей.

Подтверждение мысли о прочных устоях родового строя авторы видят также и в том, что курганы Боршевского могильника являлись, как правило, «коллективными погребальными сооружениями». Примитивный уровень развития общественных отношений полностью гармонировал, по мнению авторов, с архаичностью культуры в целом.

В числе задач данного исследования было и определение времени существования древнерусских поселений на Дону. Анализ материалов с Большого Боршевского городища позволил датировать этот памятник IX—X вв. На Малом Бор-

шевском городище не было найдено вещей, на которые можно было бы опереться при датировке. Поэтому авторы ограничились лишь сравнением общего облика культуры этих городищ и пришли к заключению, что «Малое городище является памятником той же эпохи, что и Большое». По их мнению, поселок Малого городища является выселком из Большого, возникшего ранее. В курганах Боршевского могильника были встречены лишь две вещи, существенные для датировки, и обе они относятся к IX—X вв. Архангельское городище по аналогии с Большим Боршевским они также относят к IX—X вв. К этому же времени, судя по отдельным вещам и общему облику культуры, принадлежало и Кузнецовское городище. Кузнецовский и Лысогорский могильники возникли в IX—X вв [33]. Таким образом, исследование конкретных памятников казалось бы должно было привести авторов к выводу о том, что древнерусские памятники на Дону существовали в IX—X вв., однако в вводной части работы, где дается исторический анализ полученных материалов, авторы эту культуру датируют не IX—X вв., как это естественно вытекает из имевшихся в их руках материалов, а VIII—X вв. [34]

Раскопки показали, что жизнь на поселениях окончилась примерно в одно и то же время. При этом П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отмечают, что исследованные ими городища были покинуты в такой обстановке, которая давала возможность унести все, что представляло ценность. Они полагали, что поселения были оставлены в связи с опасностью нападения кочевников. Вопрос о том, куда могло уйти древнерусское население с берегов Дона и Воронежа, авторами не затрагивался.

С момента выхода в свет исследования П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова прошло более тридцати лет, но и по сей день эта работа является единственным монографическим исследованием о славянах на Дону в целом. Однако это не значит, что донская группа славянства из поля зрения археологов и историков выпала. Вопрос о древнерусских поселениях на Дону затрагивался и в общих исследованиях по истории восточнославянских племен и их соседей и в связи с изучением частных проблем истории древней Руси. Некоторые исследователи рассматривали социально-экономические отношения славянского населения на Дону, его племенную принадлежность и датировку интересующих нас памятников.

Вопрос об основном направлении в хозяйстве славян на Дону и об уровне развития их производительных сил в целом нашел отражение во многих работах. Точку зрения П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова разделяли И. И. Ляпушкин, В. В. Мавродин, А. Л. Монгайт, И. М. Гапусенко [35] и другие авторы.

По мере того как велось изучение славянских поселений на других территориях и, в частности, в районе Днепровского Левобережья, в руках археологов появлялся новый материал для характеристики хозяйства. Исследователи пришли к заключению, что уровень развития хозяйства здесь не был столь примитивным, каким он представлялся по аналогии с изученными ранее древнерусскими поселениями на Дону. И если ранее отдельные исследователи характеризовали хозяйство «роменцев» на основании данных, полученных во время раскопок памятников боршевского типа, то теперь происходит обратное явление. Выводы, полученные в результате раскопок городищ роменского типа, в равной мере распространяются и на славянские поселения по Дону и Воронежу. Так, И. И. Ляпушкин после раскопок Новотроицкого городища отмечал, что в действительности на всех поселениях роменско-боршевского типа, а не только на Новотроицком городище уровень развития материальной культуры примитивным не был. В ту пору у славян лесостепной зоны от Днепра до Дона не было ни одной отрасли хозяйственной деятельности, ни одной стороны быта, куда бы не проникали изделия из металлов. При этом, судя по Новотроицкому городищу, все они отличались добротностью выделки и устойчивостью форм [36]. Более подробно вопрос об уровне развития хозяйства И. И. Ляпушкин рассматривает в работе, посвященной славянам Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Автор дает единую характеристику хозяйства восточных славян, живших на огромной территории от р. Прута до Дона, подчеркивая, что все они были прежде всего земледельцами с достаточно высоким уровнем развития других отраслей хозяйства [37].

Таким образом, среди большинства исследователей после выхода в свет работы П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова не было расхождения по вопросу о том, что именно земледелие составляло основу хозяйства донских славян. Расхождения имелись лишь в оценке уровня развития хозяйства в целом.

Принципиально иной была характеристика хозяйства донских славян, данная В. И. Громовой на основании анализа остеологического материала с Боршевских и Кузнецовского городищ. В. И. Громова установила, что костей диких животных на поселениях было встречено значительно больше, чем костей домашних животных. Подобное соотношение костного материала, как отмечает В. И. Громова, встречается лишь «на тех культурных стадиях, когда домашние животные еще не успели вытеснить из пищевого режима человека диких животных» [38]. Это позволило ей прийти к заключению, что, очевидно, жители воронежских городищ были прежде всего охотниками, чему способствовала природа этих мест, дававшая возможность существовать с наименьшей затратой труда [39].

В неразрывной связи с уровнем развития хозяйства находится и уровень развития семейных и общественных отношений. Одни исследователи полностью соглашались с выводами П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова и рисовали общественные отношения у славян на Дону как общинно-родовые и патриархальные [40]. Другие же вносили в эту характеристику некоторые уточнения. Т. Н. Никольская в своей рецензии на монографию П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова принимает их мнение о наличии на Большом Боршевском городище большой патриархальной семьи, но высказывается против заключения о том, что для общественного строя донских славян были типичны прочные устои родовых отношений. Она полагает, что правильнее говорить о пережитках родового строя [41].

Несколько изменил свое представление об общественных отношениях у донских славян в сравнении с указанной выше монографией и сам П. Н. Третьяков. В более поздних работах он не говорит об устоях родового строя. В них речь идет о том, что на Большом Боршевском городище поселок распадался на несколько обособленных частей — дворов больших патриархальных семей. Эти семьи были объединены в территориальную общину [42].

Занимался проблемой общественных отношений у донских славян и И. И. Ляпушкин. Для решения этих вопросов он анализировал главным образом систему расположения жилых и хозяйственных построек. Он подверг сомнению правомерность вывода П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова о наличии на Большом Боршевском городище комплексов соединенных между собой построек. Здесь, так же, как и на других одновременных славянских поселениях, были изолированные друг от друга однокамерные постройки. Вслед за этим выводом И. И. Ляпушкин делает заключение о том, что в полуземлянках восточных славян VIII—X вв. размером 12—20 м² жили не большие патриархальные, а малые (индивидуальные) семьи, объединенные в сельскую общину [43]. К этому вопросу И. И. Ляпушкин вновь возвращается в исследовании о Новотроицком городище. Совокупность всех материалов, полученных в процессе исследования этого памятника, позволяет автору прийти к заключению, что это поселение представляло собой территориальную общину, а ее члены были земледельцами-общинниками [44]. По мнению автора, «материалы городища полнее, чем когда-либо, раскрывают облик культуры и быта восточных славян этого времени». Говоря о культуре восточных славян, как отмечает сам автор, он имеет «в виду не только обитателей исследуемого поселка и населения Левобережья, а все восточное славянство лесостепной полосы от Дона до Днестра» [45].

Проблемы семейных отношений у донских славян касался и М. О. Косвен в работе о семейной общине и патронимии. Он полагал, что вполне определенное свидетельство наличия патронимии дают некоторые археологические памятники и в их числе Боршевское городище, Монастырище, Березняки. Для подтверждения своей мысли М. О. Косвен приводит наиболее характерные черты этих поселений. В его работе читаем: «Общий вид городища или комплекс сооружений, занимающий довольно большую площадь, нередко в несколько десятков гектаров; определенная отграниченность или отгороженность этой территории, в частности — валом; довольно большая отдаленность такой территории от других существующих в той же местности городищ (3—5 км), т. е. известная изолированность данной территории; на одном городище ряд жилых помещений, в частности землянок, с постройками хозяйственного назначения; жилые помещения довольно большой для первобытной эпохи площади, в 15—20 м²; среди этих жилых помещений — одно центральное, большей площади, с очагом посередине; примыкающие к этому жилью особые хозяйственные сооружения; крытые переходы между отдельными жилищами; связанные с данным городищем группы курганов, т. е. места захоронения людей этого городища; предполагаемая численность обитателей такого городища, по оцен-

ке, например, П. П. Ефименко, в «не одну сотню человек» [46].

Из приведенной выше цитаты, а также из ссылок М. О. Косвен не знаком также и с названными выше работами И. И. Ляпушкина, в которых подвергается критике мнение исследователей Боршевского городища о наличии на нем соединенных между собою жилищ. Обращает на себя внимание также и тот факт, что М. О. Косвен в своем описании перемешал разновременные, а возможно, и разноэтнические памятники (городища Березняки, Роменское и Боршевское). В его тексте имеются и фактические ошибки. Ни на одном из указанных автором поселений не было «комплекса сооружений», занимающего площадь в несколько десятков гектаров. Центральное помещение с очагом посередине с Березняковского городища никем из исследователей не определялось как жилое помещение. Это было общественное здание. Из текста М. О. Косвена можно понять, что и на Березняковском городище были крытые переходы между жилищами, и т. д. Нам представляется, что на основании такого использования фактов делать какие-либо серьезные выводы нельзя. Однако идея патронимии на славянских поселениях интересна и заслуживает внимания.

Третьим вопросом, который рассматривается в работах различных исследователей, был вопрос о том, выходцами из каких именно союзов племен были основаны поселения по Дону и Воронежу.

Мнение о вятическом населении Подонья наряду с П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым [47] разделяют также М. И. Артамонов [48], А. Л. Монгайт [49], А. В. Арциховский [50], Д. Т. Березовец [51], Т. Н. Никольская [52], М. Ю. Брайчевский [53], Б. А. Рыбаков [54].

Иначе к этому вопросу подошли В. В. Мавродин и И. И. Ляпушкин. Первоначально В. В. Мавродин полагал, что на Дону обитали не только вятичи, но и какое-то особое славянское племя, называемое в древнееврейском документе «славиун», отличное от вятичей и северян [55]. В более поздних работах В. В. Мавродин говорит лишь о вятическом населении на Среднем Дону [56].

И. И. Ляпушкин не считал возможным связывать памятники боршевской культуры с вятичами. Сначала он высказал мнение, что славянские поселения на Дону не были ни северянскими, ни вятическими, а принадлежали одной из тех незначительных племенных групп, которые совсем не упоминаются в летописи. По его мнению, это могли быть «славиюн» из письма хазарского царя Иосифа [57]. В своих более поздних работах он подчеркивает сходство роменской и боршевской культур и объединяет их в единую роменско-боршевскую культуру, которую он был склонен связать с северянским племенным союзом [58]. В монографии, посвященной истории восточных славян накануне образования древнерусского государства, И. И. Ляпушкин снова пересмотрел свою прежнюю точку зрения. Здесь им высказывается мысль о том, что в лесостепной полосе Днепровско-Донского междуречья, включая сюда и Верхнюю Оку, т. е. там, где распространена роменская и боршевская культуры, невозможно по материалам конца I тысячелетия н. э. отличить роменские памятники от синхронных им памятников остальных районов указанной территории [59].

Г. Ф. Соловьева, специально занимавшаяся изучением союзов племен вятичей, радимичей и северян VIII—XIV вв. н. э. по данным погребальных памятников, так же, как и многие другие исследователи, отмечает сходство боршевских курганов с ранними окскими курганами — Белевскими, Лихвинскими и др., но в то же время она воздерживается от установления племенной принадлежности населения, оставившего эти курганы, и лишь отмечает, что «этническая принадлежность их окончательно не установлена» [60].

В последние годы вышел из печати ряд работ П. Н. Третьякова, где он вносит существенные коррективы в высказанные им ранее суждения об этнической принадлежности населения роменско-боршевской культуры и развивает далее свои идеи об ее происхождении. П. Н. Третьяков пишет, что летописных полян, вятичей, северян, дреговичей, кривичей и других неправильно называть славянами. Это были не славянские, а древнерусские группировки [61], которые поглотили ряд восточнобалтийских группировок и некоторые финно-угорские племена. Это были новообразования — территори-

альные политические союзы, возникшие на исходе первобытной истории. Происхождение роменско-боршевской культуры в целом он связывает с передвижением населения из северо-восточного Поднепровья и бассейна Верхней Оки [62]. Те особенности погребального ритуала (кольцевые оградки, погребальные камеры), которые он ранее связывал с вятичами, теперь П. Н. Третьяков считает спецификой балтской культуры. К традициям балтов, по его мнению, относится также и орнамент на керамике в виде перевитой веревочки и гребенчатого штампа [63], который столь характерен для населения Днепровско-Донской лесостепи.

Таким образом, проблемы происхождения и этнической принадлежности славянского населения на Верхнем и Среднем Дону и по сей день вызывают много разноречивых суждений. Их значение выходит далеко за рамки только интересующего нас района. Они связаны с изучением восточного славянства в целом.

В заключение историографического обзора остановимся на датировке славянских поселений на Дону и на последующей судьбе их жителей. В 30-е гг. по поводу датировки интересующих нас памятников были высказаны две точки зрения. П. П. Ефименко датировал их VIII—X вв., тогда как Б. А. Рыбаков полагал, что эти поселения существовали в VI—VII вв. [64] Правильность точки зрения П. П. Ефименко стала очевидной после того, как была завершена обработка материалов и подготовлена к печати, а затем и опубликована монография П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова [65]. И. И. Ляпушкин посвятил проблеме датировки городищ роменско-боршевской культуры специальную статью [66]. Он полемизирует с Б. А. Рыбаковым и принимает датировку славянских поселений на Дону, предложенную П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым. Там же он объединяет памятники боршевского типа в единую роменско-боршевскую культуру, которая датируется VIII—X вв. [67]

После опубликования монографии П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова и рассмотренной выше статьи И. И. Ляпушкина датировка памятников боршевского типа VIII—X вв. стала общепризнанной [68].

Мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова о том, что население покинуло свои поселки в относительно спокойной обстановке и захватило все необходимое и наиболее ценное,

исследователями было поддержано. Главную причину ухода населения с берегов Дона и Воронежа эти исследователи видели в постоянных опустошительных набегах печенегов [69].

Вопросом о том, в какие места переселилось интересующее нас население, никто из советских археологов и историков специально не занимался. Однако вслед за А. А. Шахматовым высказывались предположения, что донские славяне могли переселиться на север и, в частности, в среднее течение Оки, в район, который был менее подвержен набегам кочевников. Наиболее аргументированно эту точку зрения отстаивает А. Л. Монгайт, который обращает внимание на сходство лепной боршевской и рязанской керамики и на сходство жилищ [70].

Подводя итог историографического обзора, следует отметить, что древнерусские поселения по Дону и Воронежу привлекали внимание многих исследователей. По мере того как в их руках появлялся все более массовый археологический материал, возможности для характеристики этого населения увеличивались.

В процессе многолетних занятий данной темой нами был накоплен значительный новый материал, позволяющий вновь вернуться к истории этой группы восточного славянства. Новый фактический материал и наши взгляды по отдельным вопросам нашли отражение в опубликованных работах [71].

§ 2. Источники

Написание работы по избранной нами теме осложняется отсутствием письменных известий о славянском населении на Верхнем и Среднем Дону. Мы не располагаем ни одним письменным свидетельством, о котором можно было бы определенно сказать, что оно относится к интересующей нас группе славян. Поэтому в данной работе письменные источники использованы лишь в разделах, связанных с общеславянской проблематикой.

По существу единственным источником по истории славянского населения на Дону конца I тысячелетия н. э. являются материалы, полученные при изучении археологических памятников.

Как мы уже говорили, накопление археологических материалов началось более 100 лет назад — во второй половине XIX в.

В 70-е гг. Воронежский статистический комитет получил задание от Археологической комиссии — собрать сведения о курганах и городищах на территории Воронежской губернии. Это задание было возложено на уездных исправников. В их донесениях описано большое количество памятников [72]. Наиболее подробные сведения были представлены исправниками Коротоякского, Острогожского, Павловского, Валуйского и Бирючинского уездов. Донесения по Задонскому, Землянскому, Нижнедевицкому, Воронежскому и другим уездам весьма лаконичны. Во многих донесениях не только перечисляются памятники, но и дается описание их внешнего вида, указываются размеры и сообщается о найденных здесь вещах. В числе других памятников в донесениях исправников впервые описываются Большое Боршевское, Голышевское или Архангельское и другие городища.

В 80-х гг. секретарь Воронежского губернского статистического комитета энтузиаст-краевед Л. Б. Вейнберг впервые специально обследовал часть интересующих нас памятников. Он осмотрел четыре городища на правом берегу р. Воронеж и провел небольшие раскопки курганного могильника на Лысой горе. «Я бесполезно рылся в течение лета в искусственных земляных сооружениях, в которых, кроме угля, золы и костей жвачных животных, более ничего не находил, — пишет Л. Б. Вейнберг в отчете, представленном в Археологическую комиссию, — между тем как на совершенно, по-видимому, ровном, ничего не обещающем месте, беспрестанно попадались черепки сосудов» [73]. В 1890 г. Л. Б. Вейнберг снова совершил экскурсию в те же места. На этот раз его сопровождал краевед Е. Л. Марков, который сделал зарисовки и посвятил обследованным памятникам специальный очерк [74]. Он описывает шесть городищ (Хазарское [75], Михайловское, три Белогорских, одно у Зубовской лощины) и могильник на Лысой горе. На Белой горе были проведены небольшие земляные работы. «При самой поверхностной раскопке, — пишет Е. Л. Марков, — которую мы могли произвести, и везде, где только пробовали мы, сейчас же... показывались во всей своей наготе кости... куски кирпичей и угля, железо, обращенное в ржавчину, и прочее» [76]. Кроме того, ими был осмотрен ряд городищ в черте г. Воронежа.

В начале XX в. члены Воронежского губернского статистического комитета, Ученой архивной комиссии и Комиссии по устройству музея А. И. Милютин, С. Е. Зверев, В. Д. Язы-

ков, А. И. Мартинович продолжили изучение памятников по р. Воронеж. Их внимание привлек Лысогорский могильник. Было установлено, что он насчитывает до 350 курганов [77].

Тогда же несколько курганов было раскопано. В изложении доклада, прочитанного А. И. Мартиновичем на XIV Археологическом съезде, указывается, что на Лысогорском могильнике раскопано 11 могил [78]. В отчете, присланном А. И. Мартиновичем в Археологическую комиссию, имеются данные лишь по восьми курганам. При этом в качестве отчета фигурирует статья, опубликованная им в трудах Воронежской ученой архивной комиссии [79]. Чертежи и в статье, и в материалах к отчету отсутствуют, что затрудняет проверку данных автора. А. И. Мартиновичем впервые приводится описание наружного вида курганов. В семи из раскопанных насыпей погребальный обряд был сходным, и лишь восьмой курган несколько отличался от них. В семи курганах в западной половине [80] на глубине от 54 до 108 см обнаружены зольные площадки толщиною в центре до 8 см. На их поверхности встречались значительное количество угля, фрагменты посуды и необожженные кости крупного рогатого скота, а глубже найдены мелкие осколки жженых костей, по-видимому, человека, и куски обожженного грунтового слоя глины кирпичного цвета. В северо-восточной поле курганов отдельно от зольной площадки, обычно выше грунта, находился один горшок со жжеными человеческими костями. В восьмом кургане выше дна зольной площади и вне ее встречено пять горшков. Четыре из них стояли рядом в одну линию. В двух содержалась зола и жженые кости человеческие, а в остальных, кроме земли, ничего найдено не было. Над этими горшками находился еще один — пятый сосуд. В нем были зола и осколки жженых человеческих костей.

Раскопки А. И. Мартиновича, несмотря на отсутствие надежной документации, все же дали первое представление о характере погребального обряда на Лысогорском могильнике.

В те же годы членами Воронежской комиссии были проведены раскопки двух других могильников, также расположенных на берегу р. Воронеж. Один из них находится в с. Шилово ныне Хохольского района Воронежской области, другой — вблизи с. Чертовицкого Рамонского района той же области. В Шиловском могильнике было раскопано несколько насыпей. Но о результатах раскопок известно лишь то, что они дали тот же обряд погребения, что и на других ана-

логичных памятниках [81]. В Чертовицком могильнике раскопано 15 насыпей. Подробного отчета о раскопках нам найти не удалось. Как указывает А. И. Мартинович, во всех раскопанных курганах был выявлен один и тот же обряд погребения: трупосожжение на месте с погребением остатков в глиняных горшках [82].

В первом десятилетии XX в. подверглись специальному изучению и славянские памятники в Среднем Подонье. В период подготовки к XII Археологическому съезду в Харькове (1902 г.) местный краевед Л. М. Савелов составил археологическую карту Коротоякского уезда. Им было зарегистрировано и описано 12 городищ и свыше 630 курганов по р. Дон, Девица и Потудань. Среди них Большое Боршевское, Малое Боршевское, которое он называет «Кудеяровым городищем», Боршевский курганный могильник. По данным Л. М. Савелова в этом могильнике насчитывалось 86 курганов. Они разбросаны по правому берегу Дона на горе, называемой «Городищем». Более подробно им описывается Голышевское (Архангельское) городище. Он отмечает, что оно было укреплено несколькими линиями валов. В числе городищ, упомянутых Л. М. Савеловым, вероятно, фигурирует и городище у нынешнего хутора Титчиха. Он описывает урочище «Городище» на правом берегу Дона неподалеку от «Бугриков», где имеется полукружный вал. Л. М. Савелов полагает, что это было сторожевое место [83].

В 1905 г. славянские памятники в с. Борщево привлекли внимание А. А. Спицына. Он осмотрел Большое Боршевское городище и отметил, что оно укреплено валом, «идущим дугою» [84]. На основании характера керамики А. А. Спицын отнес его к типу донецких городищ [85]. А. А. Спицын раскопал две полуземлянки на селище, примыкающем к Большому Боршевскому городищу. Они находились на юго-восточном склоне мыса. Площадь полуземлянок 3,55 × 3,2 и 4,64 × × 3,55 м. Обе они в свое время погибли от пожара, о чем свидетельствуют остатки обугленного дерева. Одна полуземлянка отапливалась очагом, в другой была печь. Во время раскопок найдены кости животных (коровы, лося и др.), рыб, птиц, черепки посуды и куски шлака [86]. А. А. Спицын отмечает, что керамика из этих жилищ сходна с черепками, найденными на городище [87].

А. А. Спицын исследовал также курганный могильник. В его отчете содержится схематический план расположения

восьми раскопанных курганов, схемы погребальных сооружений и описание раскопок [88]. Для раскопок А. А. Спицыным были выбраны курганы, расположенные вблизи от Большого Боршевского городища. В шести курганах, раскопанных полностью, оказались трупосожжения [89]. В пяти из этих курганов (1, 2, 3, 4, 5), судя по отчету, встречены остатки погребальных камер [90]. Они располагались на поверхности материка. В погребальных камерах четырех курганов находились кальцинированные кости, в трех из них стояли сосуды. В кургане 3 была встречена также и бронзовая бляшка. В погребальной камере кургана 4, от которого уцелел, как отмечено в отчете, лишь один «чурбан», лежавший в направлении З—В, и следы угля, кальцинированных костей не было. Лишь в насыпи встречено 2—3 кости крупного домашнего животного. В кургане 6 кальцинированные кости находились в восточной поле кургана недалеко от центра возле сосуда. Здесь же А. А. Спицыным отмечается легкий угольный слой. Курган 7 докопан не был, а в кургане 8 никаких следов погребений не оказалось.

При публикации результатов раскопок А. А. Спицыным отмечалось большое сходство боршевских курганов с курганами близ д. Федяшевой на Оке. По его мнению, они принадлежали тому же населению [91].

Кроме памятников в с. Борщево, А. А. Спицын осмотрел городище в соседнем с. Голышевка (ныне Архангельское Хохольского района) и собрал здесь небольшую коллекцию керамики. По мнению А. А. Спицына, это городище в целом позднее и входило в систему русских укреплений XVI—XVII вв. [92] Вместе с тем А. А. Спицын выделяет на площади Голышевского городища два древних небольших городка, «судя по черепкам, относящихся ко времени, близкому к Боршевскому» [93]. Позже Голышевское городище посетил Н. Е. Макаренко. Он описал его внешний вид, составил план и подтвердил наблюдения А. А. Спицына [94].

Таким образом, в результате небольших работ разведочного характера, проведенных во второй половине XIX и начале XX вв., стали вырисовываться некоторые особенности интересующей нас культуры. Уже тогда было отмечено, что обследованные городища располагались на высоких, труднодоступных мысах. Для их укрепления с напольной стороны использовались земляные валы. Были изучены первые жилища, которые оказались полуземлянками, и получены некото-

рые данные для характеристики культурного слоя в целом. Исследования курганных могильников позволяли говорить о языческом обряде погребения. Был поставлен вопрос о времени существования этих памятников и о народе, которому они принадлежали. Эти исследования как бы проложили дорогу для последующих работ.

Еще шли бои на фронтах гражданской войны, когда возобновились археологические исследования. Воронежский губернский музей одной из своих основных задач считал изучение славянских древностей [95]. В 1922 г. С. Н. Замятин раскопал одну курганную насыпь на Боршевском могильнике, а в 1924 г. Д. Д. Леоновым были вскрыты три кургана на Лысогорском могильнике [96].

Особенно большое значение для изучения интересующих нас памятников имели работы экспедиции ГАИМК в 1928—1929 гг. под руководством П. П. Ефименко. Экспедиция провела раскопки поселений и курганного могильника в с. Боршево Воронежской области, а также нескольких памятников, расположенных по правому берегу реки Воронеж [97].

Основным объектом исследования было Большое Боршевское городище. Исследованию подверглась северная часть городища, где отчетливо виднелись западины. За пределами полуземляных построек культурный слой на этом городище сохранился неравномерно. На гребне мыса он смыт настолько, что на современной древней поверхности проступала меловая щебенка — верхняя часть материка. Западная часть площадки, как отмечали исследователи, также почти лишена культурных отложений, и лишь на восточной стороне они сохранились лучше. Мощность культурного слоя достигала здесь 0,75—1 м.

Большое Боршевское городище — первое из древнерусских поселений на Дону, где была вскрыта значительная площадь (около 700 м²). В процессе раскопок исследованы восемнадцать полуземлянок, шесть ям для хранения продуктов и остатки нескольких наземных сооружений. При изучении жилищ удалось выявить отдельные детали их устройства (облицовка меловых стен котлованов плахами или срубами, форма крыши), типы отопительных сооружений. Тогда же было отмечено, что на раскопанном участке имеются жилища и хозяйственные постройки, соединенные между собой переходами. В число находок входят не только керамика и другие вещи, принадлежавшие древнерусскому населению, но и людям, жившим на этом месте в период раннего железного

века. Металлических вещей встречено немного. Среди них всего четыре ножа, один сильно коррозированный предмет, два массивных острия и обломок небольшого железного кольца.

Как отмечает в своем отчете П. П. Ефименко, культурные остатки с этого городища очень немногочисленны, крайне однообразны и свидетельствуют они о сравнительно низком уровне материальной культуры населения.

Кроме Большого Боршевского городища, в этом селе изучались Малое Боршевское городище и прилегающее к нему селище, а также курганный могильник. Раскопки на Малом Боршевском городище и прилегающем к нему селище проводились в 1929 г. Они носили разведочный характер. Одной из главных целей раскопок было выяснение вопроса о том, каково отношение этого городища к Большому Боршевскому [98]. Малое Боршевское городище и селище расположены примерно в двух километрах южнее Большого Боршевского городища. Оконечность мыса укреплена валом и рвом. Здесь было отмечено восемь западин. Селище значительно больше укрепленной части поселения (не менее чем в четыре раза). На нем было зафиксировано восемнадцать западин. Культурный слой и на городище и на селище сохранился достаточно хорошо.

На укрепленной части поселения раскоп (56 м²) был заложен вблизи от вала. Исследовано одно жилище. На селище раскопки велись в его центральной части (вскрыто свыше 100 м²). Здесь обнаружены остатки трех жилищ. По своему устройству все они напоминали полуземлянки Большого Боршевского городища, но были вырублены менее тщательно. В отличие от Большого Боршевского городища, как отмечал П. П. Ефименко, здесь жилища между собою переходами связаны не были.

В древнерусском культурном слое (ниже этого слоя встречается керамика эпохи бронзы) находок очень немного.

На Боршевском могильнике раскопки велись в 1929 г. По соседству с основным курганным могильником, который исследован А. А. Спицыным, тогда была выявлена еще группа курганов, которая располагается к западу от городища по другую сторону оврага. Экспедицией раскопано четыре кургана из основного могильника. Погребальный обряд оказался в них сходным. Во всех курганах были встречены погребальные камеры и оградки. Отсутствие в раскопанных кур-

ганах следов кострищ позволило П. П. Ефименко сделать вывод, что трупосожжение совершалось на стороне.

На р. Воронеж раскопки велись на Кузнецовском и Михайловском городищах и на двух могильниках.

Территория Кузнецовского городища была занята постройками и фруктовым садом, что затрудняло выбор места для исследования. Раскопы были заложены на свободном участке в центральной части поселения. Площадь одного из них — 65 м², другого — 70 м². Культурный слой городища сильно гумусированный. При эксплуатации сада он неоднократно перекапывался. Его мощность — 0,35—0,40 м. Здесь встречены остатки материальной культуры не только древнерусского населения, но и эпохи бронзы. На вскрытой площади были обнаружены остатки семи полуземляных помещений и хозяйственная яма.

Городище у Михайловского кордона расположено примерно в 3 км от Кузнецовского городища вверх по р. Воронеж. По всей площади заметны следы жилищ в виде многочисленных западин. Для раскопок были выбраны два участка с западинами. Слой почти не содержал находок.

Целью раскопок двух могильников — Кузнецовского и Лысогорского — являлось получение новых материалов о погребальном обряде, поскольку во время дореволюционных раскопок насыпи курганов вскрывались не полностью. На Кузнецовском могильнике были раскопаны два кургана, на Лысогорском — один [99].

Работы экспедиции ГАИМК 1928—1929 гг. имели очень большое значение для исследования древнерусских поселений на Дону. За эти годы впервые был получен большой и хорошо документированный материал.

В конце 20-х и в 30-е гг. продолжались разведочные работы Воронежского краеведческого музея. Его сотрудники Т. М. Олейников, Н. В. Валукинский, И. Д. Смирнов и Д. Д. Леонов систематически посещали известные ранее славянские поселения и могильники, собирали подъемный материал, следили за земляными работами, проводившимися в черте города и в его окрестностях. Это помогло выявить новые памятники. Именно в эти годы был открыт ряд славянских городищ на р. Воронеж (в черте г. Воронежа и его окрестностях) и на Дону. К сожалению, отчеты сохранились далеко не по всем обследованным памятникам [100].

Наиболее интересные исследования в 30-е гг. были проведены на Кузнецовском городище. В 1932 г. земляными работами, связанными со строительством на месте древнего городища дома отдыха имени М. Горького, были повреждены несколько землянок. Сотрудники музея краеведения узнали об этих работах лишь после их завершения, когда основная масса рабочих была уже распущена. Те рабочие, с которыми удалось побеседовать, сообщили, что во время земляных работ найдены два железных серпа, металлический браслет, много осколков керамики, камни от очагов и пр. Ни браслет, ни серпы не сохранились. Из находок уцелели лишь шесть глиняных пирамидальных блоков с отверстиями [101]. Во время осмотра строительной площадки зафиксированы остатки тринадцати полуземлянок. Зачистка разрезов дала значительное количество керамики «обычного славянского типа», два целых горшка, несколько поврежденных очагов. Кроме того, были собраны выброшенные во время строительных работ различные поделки из рогов оленя и лося, глиняные пряслица, большие глиняные грузила, часть жернова [102].

В 1933 г. на городище сотрудниками музея краеведения г. Воронежа И. Д. Смирновым и Н. В. Валукинским при консультации П. П. Ефименко проведены раскопки. Им предшествовал тщательный осмотр территории поселения, что позволило выявить большое количество шлака. С целью разведки на месте одной из западин, расположенной на склоне в северной части поселения, был заложен небольшой раскоп. Здесь встречено немного осколков керамики, костей животных, шлака и остатки от костров. Поскольку в этом месте не удалось выявить древнюю землянку, работы были прекращены.

Вторым объектом обследования была полуземлянка эпохи бронзы. И только после завершения ее раскопок исследователи вновь вернулись к изучению древнерусского слоя. Обследовались землянки, поврежденные в 1932 г. при строительстве дома отдыха. В полуземлянке 8 был выявлен очаг, сложенный из плит песчаника и известняка, кости животного и целый глиняный горшок. По описанию И. Д. Смирнова трудно понять, как же была сложена печь, которую он называет очагом. Схематический рисунок профиля этой полуземлянки также мало что разъясняет. По всей видимости, верхняя часть печи возводилась из плит песчаника и известняка, а ее основание было глиняным.

В промежутке между землянками 8 и 9 оказалось прост-

ранство в 10—12 м, не поврежденное строительством. На этом участке был заложен раскоп. На исследованном участке выявлено небольшое (2,8×3,2 м, глубиной 0,5 м) полуземляное помещение, названное исследователями городища «мастерской для производства железа № 1». В заполнении этой полуземлянки встречены три костяных острия, сильно коррозированные железный нож и железная пластинка, а также кости рыб и животных. Особый интерес представляет часть глиняного сосуда «плоской формы в виде глубокой тарелки с куском чушки плавленного железа» и большое количество (до 80 кг) шлака. В процессе расчистки на полу выявлены остатки очага, который, судя по чертежу, находился в северо-восточном углу помещения [103], часть камней от него оказалась разбросанной по полу. В очаге, как отмечает И. Д. Смирнов, встречены шлак и уголь. Примерно в центре полуземлянки размещалась вымощенная площадка, выложенная из песчаника и известняка. В юго-восточной части помещения обнаружены обломки большого сосуда, который, как полагали исследователи, служил для охлаждения кусков железа. Вдоль стен помещения располагались ямы от столбов, стоявших, по мнению И. Д. Смирнова, «несколько наклонно». В центре находилась еще одна столбовая яма. Вход в помещение был с западной стороны.

После окончания обследования мастерской раскоп был расширен на юго-запад. На этом участке раскопа выявлена полуземлянка 9. Ее размеры 3×3,2 м. При расчистке слоя, заполнявшего полуземлянку, на глубине 0,5 м встречены бронзовая бусина, две бронзовые спиральки финского типа и фрагмент сосуда, по форме напоминающего амфору. Он был вылеплен из красной глины. В северо-восточной части раскопа на глубине 1,5 м оказался разрушенный строительством очаг и неподалеку от него целый лепной горшок. На дне землянки встречено бронзовое украшение — спиралька с надетой на нее подвеской в виде бубенчика, глиняное шестигранное грузило, гладкая трубчатая кость с отверстием на одной стороне [104], кости животных, обломки керамики.

Рядом с землянкой 9 находилась еще одна полуземлянка, названная в отчете «мастерской производства железа № 2» [105]. Ее северная часть была разрушена фундаментом современного здания. Землянка имела почти квадратную форму (3,5×3,7 м). Отличительной особенностью этого помещения был «мощный очаг», занимавший в разваленном виде

более половины землянки. При детальной расчистке очага выяснилось, что в его центральной части имеется песчаный останец диаметром около 1 м, высотой от 5 до 15 см, с небольшим углублением в центре. В углублении встречено несколько кусков керамики с обжигом с внутренней стороны, которые И. Д. Смирнов определил как части металлоприемника. Вокруг этого углубления сохранились in situ плоские плитки известняка, уложенные в два-три ряда друг над другом. Поверх этой выкладки лежали крупные камни. При расчистке очага встречено несколько кусков шлака. В западной части землянки сохранились остатки деревянной облицовки— бревна и два столба. Дерево обгорело. В грунте, заполнявшем помещение, в отличие от других землянок встречено очень немного фрагментов керамики и костей животных. И. Д. Смирнов вполне справедливо полагает, что это помещение не было жилым. Здесь производилась плавка руды.

На расстоянии 3,2 м к востоку от мастерской производства железа обнаружена небольшая (1,07×2,03 м) землянка 17. При ее расчистке встречены кости животных и фрагменты керамики. На полу находился очаг, сложенный из плит известняка на глиняном растворе. Над очагом обнаружены большие фрагменты плоского глиняного сосуда с низкими прямыми стенками в виде громадного поддонника (очевидно, жаровня) [106]. Отличительной особенностью теста, из которого вылеплен этот предмет, является большое число примесей и ноздреватость. Его высота 14 см, диаметр свыше 50 см. По всей видимости, речь идет о так называемых противнях, обломки которых встречены и на других городищах. Здесь же встречен кусок рога со следами обработки, бронзовая лунница [107].

При анализе отчета И. Д. Смирнова за 1933 г. нельзя не обратить внимания также на сообщение о том, что у Михайловского кордона и в Архиерейской роще (напротив стадиона «Динамо») встречены выходы руды [108]. К чести исследователей из Воронежского краеведческого музея следует отметить, что уже в ту пору они привлекли специалистов, с тем чтобы провести химический и металлографический анализы железных изделий. К сожалению, анализы были проведены недостаточно квалифицированно [109].

В 1934 г. работы краеведческого музея были продолжены. Их возглавлял И. Д. Смирнов. Отчет И. Д. Смирнова о произведенных работах представляет собой дневниковую

запись, которая велась ежедневно [110]. О методике исследования по имеющимся данным полное представление получить трудно. Ясно лишь, что раскопки велись отдельными небольшими площадями и траншеями. В 1934 г. была доследована полуземлянка 8, а также вскрыты мастерские по производству железа 3 и 4, кладовая для хранения зерна (землянка 22) и землянки 23—26.

В мастерской № 3 площадью около 16 м², глубиной 0,8 м имелись остатки очага, сложенного из плит известняка, песчаника и валунных камней. Стенки очага, обращенные к стенам землянки, были обмазаны толстым слоем глины. При его разборке выявлены большие куски шлака. В полу постройки имелись ямки для столбов. В заполнении этой землянки на разной глубине встречены фрагменты керамики и железный шлак. Кроме того, на глубине 0,5—0,8 м найдены железный нож и часть рога оленя. На полу обнаружена лунница, украшенная зернью.

Мастерская № 4 была повреждена строительными работами. Ее точные размеры установить не удалось. Наибольший интерес в этой землянке представляют остатки очага. Он выложен из известняка и песчаника. И. Д. Смирнов отмечает, что расположение камней «оказалось в виде неправильной семиконечной звезды. В промежутках и сверху камней находилась в большом количестве железная руда».

Землянка 22 также разрушена во время строительных работ. Уцелели лишь ее южная и восточная части. На дне землянки сохранилось угольно-зольное скопление, в котором находились обугленные зерна пшеницы и ячменя. Часть зерна была направлена на анализ в лабораторию СХИ. И. Д. Смирнов называет это помещение кладовой.

На участке к востоку от мастерской № 3 была обнаружена небольшая землянка (1,20 × 1,30 м). При расчистке в ней найдено большое скопление зольной массы. На глубине 0,30—0,50 м встречены большие куски глиняного сосуда типа жаровни.

Землянка 23 площадью около 8 м², глубиной — 0,70—0,85 м. В южном углу располагалась груда камней от очага. В заполнении землянки на глубине 0,70 м встречен железный наконечник копья. На полу лежали бронзовая пластинка и фрагменты сосудов.

Землянка 24 площадью около 16 м², глубиной 1—1,05 м. В ее заполнении встречено значительное число обломков по-

суды и костей животных, а также отдельные изделия — бронзовая пластинка, которая, как полагает И. Д. Смирнов, могла служить «сырьем для дальнейших поделок», перстень, костяное острие. Заслуживают внимания находки и в этой постройке злаков — зерен пшеницы и ржи. Здесь же встречены бобовое зерно и две скорлупки от орехов. Куча известняковых камней от очагов находилась в юго-восточном углу помещения.

Очень любопытной по своему заполнению оказалась небольшая (1,25×1,50 м, глубина 0,35—0,60 м) землянка 26. В центре землянки в обугленном слое было обнаружено 16 кг зерна пшеницы и других злаков. На самом дне под большим осколком днища глиняного сосуда лежали куски березовой коры. Как полагал И. Д. Смирнов, землянка служила для хранения зерна.

Поскольку мы фактически не располагаем графическим материалом, трудно проверить выводы И. Д. Смирнова о соединении землянок 23 и 25 проходом. Он же отмечает, что в целом три землянки составляют единый жилой комплекс, который отделен рядом небольших землянок подсобного хозяйственного значения (землянки 17, 7, 26 и, вероятно, 22), где обнаружены запасы зерна. В 1940 г. исследование городища было продолжено Н. В. Валукинским. Ему удалось дополнительно изучить стратиграфию культурных отложений.

Таким образом, сотрудниками краеведческого музея была проделана значительная работа по исследованию Кузнецовского городища. В общей сложности здесь в той или иной мере выявлено двадцать семь полуземляных построек. Среди них были и жилые, и хозяйственные помещения. До сих пор металлургические мастерские, так же как и помещения для хранения зерна, открытые на Кузнецовском городище, являются уникальными для древнерусских поселений на Дону [111].

Благодаря работам советских археологов в 20—30-е гг. были получены важные данные, впервые позволившие ставить вопрос о различных сторонах материальной и духовной культуры славянского населения в Подонье. Эти материалы явились не только основой для первых обобщений, но и фундаментом для последующих работ.

Археологические исследования были возобновлены после Великой Отечественной войны. В 1948 г. Воронежский университет, музей краеведения, а позже и экспедиция Институ-

та археологии АН СССР (руководители И. И. Ляпушкин, В. П. Левенок) вновь начали полевые исследования славянских памятников в бассейне Дона, прерванные войной. Наряду с обследованием и изучением ранее известных памятников за эти годы выявлено значительное число новых поселений. На ряде из них, так же, как и на курганных могильниках, проводились раскопки.

Первые работы в послевоенные годы носили разведочный характер. В 1948—1949 гг. экспедицией Воронежского университета обследовались городища и курганные группы по р. Воронеж (Кузнецовское, Михайловское, Лысогорский могильник) и по р. Дон (Боршевские городища и курганный могильник, Архангельское городище, городище в с. Костенках, с. Устье, у хут. Титчиха). В районе расположения этих памятников проходила линия фронта, и поэтому важно было выяснить степень их сохранности. Попутно собирался подъемный материал. Визуальный осмотр Архангельского городища был дополнен небольшими земляными работами. На северном мысу между первым и вторым валами в том месте, где имелась западина, был заложен раскоп. Здесь расчищена хозяйственная яма раннего железного века. Кроме того, изучалось устройство укреплений на плато, относящихся также, как выяснилось, к раннему железному веку [112].

В 1949 г. Воронежским университетом совместно с областным музеем краеведения была проведена разведка по р. Воронеж от г. Липецка до с. Вертячьего Хлевенского района [113]. Главной целью разведки являлось обследование берегов р. Воронеж, с тем чтобы выявить древнерусские поселения. Разведка показала, что на этом участке древнерусских поселений нет.

В 1950 г. донские городища были осмотрены экспедицией ИИМК, возглавляемой И. И. Ляпушкиным [114].

Начиная с 1952 г. археологическая экспедиция Воронежского университета, кроме разведки, проводила и раскопки древнерусских памятников. Ряд лет в работе экспедиции принимал участие Воронежский областной музей краеведения.

Первые раскопки (1952—1953 гг.) проведены на Архангельском городище [115], расположенном на южной окраине с. Архангельского Хохольского района Воронежской области. Городище занимает два отрога и часть плато третьей террасы правого берега р. Дон, сложенных из меловых отложений. Как уже отмечалось выше, этот памятник многослойный. Наи-

более древняя линия укреплений была возведена еще в период раннего железного века. К этому времени относятся вал и рвы, окаймляющие плато, а также поперечные вал и ров, проходящие через плато с юго-запада на северо-восток. Наше основное внимание привлекли мысы — северный, укрепленный двумя линиями валов, и южный, у устья которого также отчетливо видны остатки вала. Именно на мысах мы рассчитывали встретить остатки древнерусского поселения.

В 1952 г. раскопы были заложены на конце северного мыса. Работы велись на трех участках. Раскоп № 1 площадью около 32 м² заложен на западном краю мыса. Мощность культурного слоя здесь от 27 до 60 см. Фрагменты сосудов, встреченных в процессе раскопок, принадлежали к различным историческим эпохам. Наряду с обломками посуды боршевского типа здесь была найдена также керамика раннего железного века и эпохи бронзы.

Раскоп № 2 (232 м²) располагался почти на оконечности мыса. В отличие от раскопа № 1 подавляющее большинство керамики с этого раскопа принадлежало сосудам боршевского типа. Фрагменты сосудов раннего железного века и эпохи бронзы единичны. В процессе раскопок были вскрыты остатки наземной столбовой постройки, которую удалось проследить по расположению столбовых ямок. Ее площадь — 80 м². Судя по тому, что на этом участке встречены куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев, стены постройки были плетеными и обмазывались глиной. Эту постройку мы связываем с древнерусским поселением.

Раскоп № 3 (320 м²) был разбит примерно в центральной части мыса. Характер культурного слоя здесь тот же, что и в первых двух раскопах. Изучение находок показывает, что на этом городище вещи, связанные со славянским населением, встречались преимущественно в первом пласту, и чем глубже, тем их становится меньше. В основном здесь преобладали материалы раннего железного века. В связи с раскопками этого года следует упомянуть также и об открытых нами остатках прямоугольной столбовой постройки, которая привлекла внимание исследователей и получила разноречивое осмысление. Площадь этого сооружения — около 170 м². От него сохранились остатки стен из дубовых столбов, нижние концы которых были установлены в канавку шириной 0,4—0,5 м, глубиной 0,7 м. Сохранность столбов различная. Средний диаметр их 20—30 см. Остатки столбов возвышались

над уровнем материкового мела на 16—30 см. Вход ширин
2 м находился с юго-западной стороны. Изнутри постройк
вероятно, была обшита досками, местами сохранились их о
ломки. Внутри постройки, преимущественно в ее восточн
половине, имелись ямы от столбов. Здесь же сохранились о
татки большого столба, стоявшего в яме прямоугольной фо
мы. На другой половине располагались три большие тщател
но отделанные ямы глубиной от 1,1 до 1,4 м. В нижней ча
сти ям в заполнявшем их грунте встречены зольные просло
ки толщиной от 2 до 5 см, несколько фрагментов керамик
отдельные кости животных. В этой же половине постройки о
наружены остатки черепа и несколько костей взрослого ч
ловека, лежавшего на спине в вытянутом положении. Пос
тройка погибла от пожара. Об этом можно судить по обугле
ным концам столбов.

Уже в полевых условиях перед нами встал вопрос о вр
мени этого сооружения. В отчете, представленном в комит
полевых исследований, а позже в статье, где публиковали
результаты раскопок Архангельского городища, мы высказ
ли предположение, что эта постройка относится к раннем
железному веку. Нам уже и тогда было известно, что
XVII в. на месте городища был стоялый острог. Однако, п
скольку на всей вскрытой площади не было встречено ник
ких материалов XVII в., мы не сочли возможным отнести эт
постройку к XVII в. Преобладание в культурном слое мат
риалов раннего железного века, наличие следов пожара ка
в ямах, так и на площади постройки, обугленность самой п
стройки, позволили предполагать, что ямы и постройка одн
временны. Поскольку в ямах встречена керамика раннего ж
лезного века, то к этому же времени мы предположительн
отнесли постройку. В подтверждение этого вывода нами ук
зывалось также, что подобная конструкция построек бы
хорошо известна в I тысячелетии до н. э. (Каменское город
ще, Мастюгинские, Частые курганы, курган у с. Глева
и т. д.) [116].

А. Е. Алихова, проводившая раскопки на городище К
зина гора под Курском, отмечает, что ею в слое раннего ж
лезного века открыта постройка, сходная по своей конфигу
рации с постройкой Архангельского городища [117]. П. Н. Тр
тьяков высказал предположение, что эта постройка была язы
ческим славянским святилищем [118], и, таким образом, дати
рует ее концом I тысячелетия н. э. В настоящее время м

располагаем архивными материалами, любезно предоставленными нам В. П. Загоровским, где содержится описание острога XVII в. на Архангельском городище. Там сообщается, что в 161 г. (1653 г.) был устроен стоялый острог над рекою Доном на горе, на Гольшевском старом городище. Высота его от земли 2,5 сажени, длина и ширина 6 сажен. «В углу башня на стене и на столбах» [119]. Обращают на себя внимание размеры острога. Он был квадратный. В длину и ширину 12 м 78 см. Именно такой формы и размера были и остатки деревянной постройки, раскопанной нами. Вряд ли это совпадение следует считать случайным.

В 1953 г. продолжалось исследование северного мыса. Главное внимание было сосредоточено на участке к западу и востоку от раскопа № 3 1952 г. (444 м²). Кроме того, небольшой раскоп (36 м²) был заложен на этом мысу между валами в 8 м к западу от раскопа в 1950 г. Четыре разведочных раскопа, одна траншея и четыре шурфа были заложены на южном мысу городища (78 м²) и два раскопа общей площадью 72 м² — на плато. Всего в 1953 г. было вскрыто 630 м².

Раскопки на оконечности северного мыса к западу от раскопа № 3 1952 г. позволили выявить ряд столбовых ям от наземной постройки и две хозяйственные ямы грушевидной формы. В одной из них встречены куски шлака и фрагменты керамики боршевского типа. В культурном слое преобладала боршевская керамика. Обломков сосудов раннего железного века и эпохи бронзы встречено значительно меньше. Из вещей заслуживает внимания бронзовая позолоченная бляха, аналогичная той, которая была найдена в 1952 г., клинок ножа, железное кольцо и различного вида пряслица.

На участке, раскопанном к востоку от раскопа № 3 1952 г., обнаружено девять хозяйственных ям. Судя по керамике, эти ямы — раннего железного века. Вообще на этом участке материалы раннего железного века преобладали.

Раскоп, заложенный севернее раскопа № 2 1952 г., позволил еще раз убедиться в том, что на этой части поселения, судя по керамике, преобладают материалы боршевской культуры. Здесь исследована еще одна хозяйственная яма.

Обследование южного мыса показало, что насыщенность слоя культурными остатками очень незначительна. На всей вскрытой площади здесь встречены единичные фрагменты керамики раннего железного века. Каких-либо определенных

следов древнерусского поселения тут обнаружено не было.

Раскопы на плато также дали материалы преимущественно раннего железного века. Исследование этого интересного и сложного по своей системе городища привело к заключению, что основным местом древнерусского поселения была оконечность северного мыса.

В 1953 г. во время работ на Архангельском городище участники экспедиции снова осмотрели городище Титчиха и на мысовой части заложили разведочный шурф 2×4 м. Он дал керамику боршевского типа. Разведка свидетельствовала, что городище Титчиха отличается от ранее изученных городищ боршевского типа не только своими размерами, но и хорошей сохранностью культурного слоя. Это и побудило начать систематическое исследование городища.

Городище Титчиха расположено в 600 м севернее хутора Титчиха Старохворостанского сельского Совета Лискинского района Воронежской области. Оно занимает один из отрогов и часть плато третьей террасы правого берега Дона, сложенных из меловых отложений. От реки городище отделено неширокими пойменной и надпойменной террасами. Площадка городища возвышается над поймой на 85—98 м. Мысовая часть поселения с западной и восточной сторон ограничена широкими оврагами. Северная оконечность мыса, обращенная в сторону реки, имеет следы подрезки [120]. Протяженность мыса с юга на север 120 м, с запада на восток (в центре площадки) — около 100 м. С южной и частично восточной сторон мыс окаймлен валом, который мы называем внутренним. Он еще и в наши дни производит впечатление довольно мощного укрепления. Протяженность вала около 130 м. Над современной дневной поверхностью рва он возвышается местами до 3,5 м. С западной стороны вал доходит до оврага, с восточной стороны несколько заходит на мыс. В настоящее время большая часть площадки мыса, а также его западный, восточный и кое-где северный склоны поросли лиственным лесом.

Поселение на плато начинается у подножья внутреннего вала. Оно занимает не только довольно ровную открытую площадку, но и часть восточного склона. С южной стороны его ограничивает второй вал — наружный. Он лучше сохранился на юго-западной окраине поселения, в остальной части он едва заметен. Протяженность поселения на плато с

запада на восток — около 350 м, с юга на север — около 170 м.

Поверхность городища хорошо задернована. Лишь на отдельных участках имелись остатки траншей и блиндажей военного времени, а также ямы от разработок мела. На современной дневной поверхности отчетливо видны округлые западины, которые образовались на месте древних полуземлянок. На мысу основная масса западин располагается в центральной части. На плато их больше всего на участке, прилегающем к внутреннему валу, и на восточном склоне. Всего на городище насчитывается около ста таких западин.

Здесь было раскопано 7188 м². Площадь раскопа VII, расположенного за пределами наружного вала, в эту цифру не включена. Здесь находилось поселение раннего железного века. Таким образом, по вскрытой площади городище Тихчиха значительно превосходит все ранее исследованные городища боршевского типа. Благодаря тому, что грунт (мел и глина), в котором были вырыты котлованы жилищ и хозяйственных ям, очень плотный, они не потеряли своей первоначальной формы. Изучение жилых и хозяйственных построек на городище Титчиха позволило, с одной стороны, уточнить некоторые спорные вопросы, связанные с принципами домостроительства славян на Дону (например, о соединенных между собой жилищах), с другой — дало новые материалы для характеристики домов и хозяйственных построек. Городище Титчиха — первое поселение боршевской культуры, на котором были проведены раскопки укреплений.

В сравнении с ранее изученными поселениями боршевского типа на Титчихе собрана более разнообразная коллекция вещей. На городище встречено 164 железных предмета, тогда как на четырех поселениях, исследованных до Великой Отечественной войны, только 15. Многие виды изделий из металла, кости, стекла и камня, найденные на Титчихе, не были известны по прежним раскопкам памятников боршевского типа. Большая часть вещей на Титчихе найдена за пределами жилищ. В самих жилищах встречаются обычно лишь некоторые вещи— ножи, костяные острия, пряслица от веретен и отдельные украшения. Только как исключение в полуземлянке 16 встречен клад арабских монет, а в другой полуземлянке (17) в развале печи найдены сцепленные между собой два пятилучевых и два проволочных колечка и рядом с ними бусина. Это тоже, вероятно, был клад.

В расположении отдельных находок на свободной от по-
строек площади удалось установить некоторую закономер-
ность. Так, пряслица чаще всего встречаются вблизи жилищ.
Различные рыболовные принадлежности, вероятно, храни-
лись либо возле дома, либо на крыше. Именно поэтому гру-
зила от сетей, рыболовные крючки встречаются в верхней
части заполнения жилищ или вблизи от них. Орудия для пле-
тения сетей чаще находятся на участках, свободных от пост-
роек. Например, на площади в 20 м² (в квадратах 30 л, 30 м,
31 л, 31 м, 32 с) найдено пять костяных острий. На этом мес-
те, вероятно, было удобно плести сети и растягивать их для
починки.

Основная часть вещей с Титчихинского поселения, как и
на других городищах боршевского типа, оказалась поломан-
ной. Среди целых вещей чаще всего встречаются ножи, пряс-
лица, амулеты и бусы, реже — костяные острия и некоторые
металлические украшения. Из числа железных изделий целых
сравнительно немного.

Обращает на себя внимание и другая особенность кол-
лекции. В ней почти нельзя выделить серии предметов. На
городище найдено только четыре серпа, из них целый лишь
один. Ножницы по металлу, пешня, кочедык, ключ и другие
вещи представлены единичными экземплярами. От топора и
наральника сохранилось по одному обломку. Только ножи,
рыболовные крючки, наконечники стрел и бусины встречены
в большем количестве. Трудно представить себе, что много-
численное население городища могло обходиться одной пеш-
ней или одним топором, одним наральником, одним кочеды-
ком. Конечно, этих орудий у титчихинских жителей было зна-
чительно больше и их типы и виды были, вероятно, более раз-
нообразны, чем те, что встречены в процессе раскопок. Соз-
дается впечатление, что здесь сохранились лишь те предме-
ты, которые их владельцами были потеряны или выброшены
за ненадобностью, и лишь клад монет и клад украшений бы-
ли по каким-то причинам забыты владельцами при уходе с
поселения.

Параллельно с раскопками городища Титчиха обследова-
лись и другие памятники в бассейне Дона. Внимание архео-
логов привлекают не только ранее обследованные районы и
памятники, но и те территории, которые до недавнего време-
ни оставались белыми пятнами на археологической карте По-
донья.

В 1957 г. экспедиция П. Д. Либерова, изучавшая памят-
ники раннего железного века, обследовала и Архангельское
городище. Было заложено три шурфа — один на южном мы-
су, второй на плато и третий на южной части северного мы-
са. В шурфе на южном мысу никаких культурных остатков
встречено не было. В двух других шурфах оказалось неболь-
шое количество керамики раннего железного века [121]. Шур-
фовка, по существу, лишь подтвердила наблюдения, которые
были сделаны нами в процессе исследования этого городища
в 1952—1953 гг.

В 1958 г. В. П. Левенок проводил обследование поймы и
долины среднего течения р. Дон от устья р. Воронеж до
с. Архангельского Гремяченского района. На этом участке им
были зафиксированы памятники различных эпох [122].

В 1959 г. члены археологического кружка Воронежского
университета обследовали городище в с. Нижний Воргол Елец-
кого района Липецкой области. Оно располагается на одном
из мысов коренного левого берега р. Воргол. Мощный вал и
глубокий ров отделяют от плато две трети площадки мыса.
На мысу отчетливо видны округлые западины. На городище
собрана керамика, которая свидетельствует о том, что этот
памятник многослойный. Здесь встречены обломки посуды
эпохи бронзы, боршевского типа и великокняжеской поры.

В 1960 г. Верхнедонская археологическая экспедиция
Липецкого областного краеведческого музея и Ленинград-
ского отделения ИА АН СССР, возглавляемая В. П. Левен-
ком, вела работы в бассейне Верхнего Дона [123]. Этой экспеди-
цией обследовались берега р. Воргол и городище в центре
г. Липецка, где была собрана лепная керамика VIII—IX вв.
На правом берегу р. Воргол у фруктового сада пионерской
базы в урочище «Рязань» открыто и обследовано селище с
лепной керамикой роменско-боршевского типа; другое сели-
ще обнаружено у входа в узкую пещеру. Здесь был заложен
шурф, в котором найдено много керамики роменско-боршев-
ского типа. В том же году экспедиция обследовала Ворголь-
ское городище. Здесь было заложено 17 шурфов, которые да-
ли керамику того же времени, что и наша разведка 1959 г.,
вычерчен план городища.

В 1961 г. на Воргольском городище экспедицией Воро-
нежского университета проводились раскопки [124]. Раскоп
(6×6 м) заложен в юго-западной части центрального мыса.
Мощность культурного слоя здесь 30—45 см. В центре

раскопа обнаружена почти квадратная полуземлянка. С этой полуземлянкой следует связать неглубокую (25 см) хозяйственную яму округлой формы.

Для выяснения мощности культурного слоя вне западин в середине центрального мыса было заложено два шурфа. Они показали, что вне западин культурный слой небольшой по мощности и слабо насыщен культурными остатками. При этом преобладают материалы эпохи бронзы. В шурфах, заложенных на плато перед внутренним валом и на двух соседних мысах, культурных отложений, связанных с древнерусским поселением конца I тысячелетия н. э., не оказалось.

В том же 1961 г. экспедицией Воронежского университета было осмотрено селище в с. Нижний Воргол у входа в пещеру Копченый камень, где в осыпях собраны фрагменты керамики боршевского типа [125], шесть селищ обнаружены на высоком правом берегу реки между с. Нижний Воргол и Казаки Липецкой области. Все они располагались на мысах. На этих поселениях при зачистке обнажений выявлен незначительный по мощности и слабо насыщенный материальными остатками слой боршевского типа. Керамика боршевского типа была обнаружена и в пещере Воронов камень.

В 1962 г. Верхнедонская археологическая экспедиция и экспедиция Воронежского университета продолжали разведочные работы. Экспедиция Воронежского университета вела разведки по р. Воронеж и по р. Быстрая Сосна. Во время разведки по р. Воронеж был обследован правый высокий берег реки от г. Воронежа до с. Чертовицкое и несколько севернее его, а также участок берега южнее р. п. Рамонь. Часть обследованной территории была подвергнута изучению еще с конца XIX в. На некоторых памятниках, как указывалось выше, велись раскопки. В нашу задачу входило выяснение современного состояния ранее известных памятников, выявление новых, составление планов и сборов материалов [126].

Первым памятником, осмотренным участниками экспедиции, было широко известное в литературе Кузнецовское городище, расположенное ныне в черте г. Воронежа. В настоящее время вся его площадка и прилегающие к ней участки застроены. Оборонительные сооружения в виде валов и рвов, которые еще в конце 20 — начале 30-х гг. были видны очень четко, снесены полностью. На городище собрано небольшое количество керамики боршевского типа и раннего железного века.

Другим объектом обследования был Лысогорский могильник. Еще в 1952 г. при обследовании нами курганного могильника в обрыве берега были зафиксированы остатки полуземлянки. В ней частично сохранился очаг, найдены фрагменты керамики. В 1962 г. здесь же в обнажении берега был выявлен культурный слой толщиной в 15—20 см, который содержал кости животных и обломки посуды боршевского типа. Кроме того, зачищена хозяйственная яма, в заполнении которой обнаружен почти целый сосуд.

К северу от Лысогорского могильника вверх по течению реки был осмотрен еще ряд памятников. Среди них Михайловское городище, где в обнажении раскопа 1928 г. была собрана керамика боршевского типа и раннего железного века; городище у сада учебно-опытного лесхоза Рамонского района Воронежской области. Оно занимает высокий мыс правого берега реки. Его площадка имеет почти округлую форму. На поверхности видны несколько западин от жилищ. Мыс, на котором расположено городище, отделен от плато седловиной. С этой стороны городище укреплено валом и рвом. Вся площадка поселения поросла густым лесом. Двумя шурфами был выявлен культурный слой толщиной 20—40 см, в котором встречено несколько фрагментов от сосудов боршевского типа.

Далее обследовалась группа памятников в районе Белогорского кордона — два могильника и городище. Первый Белогорский могильник расположен на высоком берегу реки южнее Белогорского кордона Рамонского района Воронежской области. Могильник состоит из двух компактных групп. Курганы южной группы (девять насыпей) расположены двумя параллельными рядами. В северной группе 39 насыпей. Высота курганов Белогорского могильника до 1,5 м, диаметр до 10 м. Могильник порос лесом.

Второй Белогорский курганный могильник расположен на мысу коренного берега реки, на расстоянии 1 км от Белогорского кордона вверх по течению. Он простирается вдоль берега на расстояние около 500 м и в сторону плато на 700—800 м. Могильник насчитывает около 500 насыпей. Шесть из них выделяются своими размерами: их высота около 3 м, диаметр — около 18 м. Основная масса курганов имеет высоту не более 1,5 м при диаметре, не превышающем 10 м. Все курганы поросли густым лесом.

Городище, известное в литературе как Белогорское, рас-

положено возле Белогорского кордона между двумя могильниками. Оно занимает мыс, вытянутый вдоль реки. Городище поросло густым лесом. В обнажении культурного слоя со стороны реки были зачищены остатки двух полуземлянок и четыре хозяйственные ямы, в заполнении которых найдена керамика боршевского типа.

Еще один курганный могильник был выявлен на мысу приблизительно в 500 м вверх по течению реки от второго Белогорского могильника. Он насчитывает около шестидесяти насыпей высотой до 1,5 м, диаметром до 10 м. Весь могильник зарос лесом.

Тогда же была обследована известная ранее группа памятников возле с. Чертовицкого Рамонского района и в районе поселка Рамонь. Близ с. Чертовицкого осмотрено городище. Оно расположено на мысу в 500 м от села вниз по течению реки. От территории плато площадка городища отделена седловиной. Здесь же имеется глубокий ров, который своей внешней стороной переходит в скат седловины. Вал очень незначительный, вероятно, это выброс из рва. Крутизна склонов мыса в некоторых местах усилена искусственной подрезкой. Размеры площадки городища 60×80 м. Вся она поросла лесом. На площадке поселения были заложены два шурфа. В культурном слое, толщина которого 20—30 см, собрана керамика боршевского типа.

Возле поселка Рамонь и в самом поселке также изучались городища. Первое из них расположено в 500 м от Рамони вниз по течению реки. Оно занимает прибрежную часть большого мыса с довольно крутыми склонами. От остальной территории мыса поселение отделяется глубоким рвом, который с северной стороны переходит в искусственную подрезку склона мыса. Длина площадки городища 60 м, ширина 80 м. На ней имеется более 30 западин от жилищ. Городище поросло густым лесом. На площадке городища было заложено два шурфа, в которых выявлен культурный слой толщиной 30—35 см. В культурном слое встречена керамика боршевского типа.

Второе городище находится в самом поселке Рамонь (на южной окраине). Оно занимает мыс длиной около 150 м и шириной около 90 м. Со стороны плато площадка городища огораживается невысоким валом и рвом. Почти со всех сторон склоны мыса, на котором расположено городище, имеют искусственную подрезку. На площадке городища имеется

10 западин от жилищ. Путем шурфовки здесь выявлен культурный слой толщиной 20—25 см, в котором встречена керамика боршевского типа, а также несколько фрагментов от сосудов раннего железного века.

Разведка по р. Воронеж позволила изучить некоторые особенности в устройстве городищ — их форму, размеры, расположение валов и рвов, а также их взаимосвязь с отдельными курганными группами.

Быстрая Сосна привлекла внимание нашей экспедиции с иной точки зрения. Разведка должна была уточнить районы распространения памятников боршевского типа. В 1962 г. обследованию подверглись левый берег Быстрой Сосны от с. Чернавки до с. Сосновки Ливенского района Орловской области, а также берега небольших речек, впадающих в Быструю Сосну — Чернавы (правый берег от с. Чернавы до с. Троицкого), Ливенки (от г. Ливны до слияния Лесной и Польной Ливенки), Ельчик (по правому берегу от г. Ельца до д. Хмелинец). На обследованном участке древнерусских городищ не встречено, но обнаружено десять неукрепленных поселений (возле дер. Апухтино, Ермолово, с. Чернава Липецкой области, д. Козловки, д. Сусловки, с. Успенки, с. Ливны, д. Бунино Орловской области). Все они располагаются на высоком берегу Быстрой Сосны. На поселениях собраны фрагменты керамики боршевского типа, а на некоторых и глиняная обмазка.

В этом же году Верхнедонская археологическая экспедиция, продолжавшая разведки в Липецкой области, выявила два поселения роменско-боршевского типа. Одно из них располагается у северного конца с. Ксизово Задонского района на правом берегу р. Дон [127]. Второе поселение находится на левом берегу р. Дон, в дер. Даньшино к югу от урочища Могилки [128].

В 1963 г. исследование памятников боршевского типа экспедицией Воронежского университета велось на Верхнем и Среднем Дону. В бассейне Верхнего Дона продолжались разведки. В этом году маршрут проходил по р. Красивая Меча от г. Ефремова до с. Алексеевки Ефремовского района Тульской области [129]. Здесь было выявлено три селища и два городища.

В среднем течении Дона объектом исследования явился комплекс памятников в с. Борщево. Главной целью этих работ было выяснение устройства укреплений и дальнейшее

исследование погребальных памятников. Кроме того, требовались дополнительные материалы для характеристики культурного слоя поселений.

На Малом Боршевском городище исследованию подверглись вал и укрепленная часть поселения, прилегающая к валу [130]. Всего здесь вскрыто 364 м². Культурный слой на территории раскопа мощностью 30—50 см состоял из чернозема с меловой щебенкой. В нем обнаружена керамика боршевского типа и эпохи бронзы. Стратиграфически слой эпохи бронзы от слоя боршевского времени отделить не удается. На вскрытой площади расчищены две полуземлянки и одна хозяйственная яма, которые можно связать с древнерусским слоем. В насыпи вала были встречены остатки деревянных конструкций.

На Большом Боршевском городище изучалось устройство оборонительных сооружений. Согласно наблюдениям П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, это городище было укреплено валом и рвом [131]. Вал, по их описанию, был сложен из меловой щебенки и над площадкой городища возвышался не более чем на 1 м. Ров, как они отмечали, сохранился еще хуже. Наш раскоп шириной 2 м и длиной 26 м был заложен в восточной части седловины. Здесь был выявлен культурный слой толщиной 50—70 см, состоящий из чернозема с меловой щебенкой, и остатки трех рвов. Таким образом, раскопки внесли некоторые коррективы в сложившееся ранее представление о характере укрепления Большого Боршевского городища. В тот же год проводилось исследование территории селища, примыкающего к Большому Боршевскому городищу. Здесь заложен раскоп 144 м². На территории раскопа были видны четыре западины. На вскрытой площади выявлен культурный слой толщиной 30—40 см, состоящий из чернозема с большим вкраплением меловой щебенки. Культурный слой однороден. В нем найдено большое количество фрагментов керамики боршевского типа и костей животных. В основании культурного слоя расчищены четыре хозяйственные ямы.

Четвертым объектом обследования явился Боршевский могильник. Основная часть курганного могильника, расположенная на плато, которое примыкает к Боршевскому городищу, насчитывает в настоящее время 77 насыпей. Шесть насыпей находятся в 500 м к северо-западу от этой курганной группы, на мысу, отделенном от Большого Боршевского городища оврагом. Курганы располагаются близко друг от друга. На некоторых курганах видны ямы от кладоискательских раскопок. В 1963 г. было вскрыто шесть насыпей. Один из курганов находился в малой курганной группе, остальные — в восточной части основного могильника. Раскопки курганов позволили выявить новые особенности погребального обряда.

В 1964 г. экспедиция Воронежского университета продолжала исследование Воргольского и Архангельского городищ, проводила разведку по р. Олым, Снова и Дон.

На Воргольском городище раскопы были заложены в трех местах [132]. Раскоп I разбит неподалеку от вала. Его площадь — 498 м². Местом для раскопа II (площадь — 100 м²) был избран край мыса. Целью раскопа III (площадь 120 м²) было исследование укреплений. В толще слоя раскопа I встречены культурные остатки различных эпох, в том числе и материалы, связанные с культурой боршевского типа. Особый интерес на этом раскопе представляют остатки древнерусского языческого святилища. К древнерусскому поселению относятся также полуземляная постройка и несколько ям.

На Архангельском городище раскопки велись на валу, огораживающем наружную площадку северного мыса. Вал и ров в центральной части были перерезаны четырехметровой траншеей. В сооружении этих укреплений удалось выделить два строительных периода.

Обследование устья р. Олым не дало материалов боршевского типа. На Дону и р. Снове маршрут разведки проходил по территории Задонского района Липецкой области. На этом участке выявлены два открытых поселения и одно городище интересующего нас времени.

В 1965 г. археологическая экспедиция Воронежского университета продолжала исследование курганного могильника у с. Борщево и Лысогорского могильника в черте г. Воронежа [133]. На курганном могильнике у с. Борщево раскопано 17 насыпей, расположенных в восточной части могильника. В результате раскопок удалось установить, что погребальный ритуал в Боршевском могильнике был гораздо более разнообразный, чем это представлялось по довоенным исследованиям.

На Лысогорском могильнике было раскопано две насыпи, которые располагаются вблизи от обрыва берега, примерно в центре могильника.

В 1966 г. продолжалось исследование Малого Боршев-

ского городища [134], начатое экспедицией ВГУ в 1963 г. В 1966 г. в центральной части поселения была вскрыта площадь в 440 м², на которой расчищены две полуземлянки древнерусского населения, два жилища и одна хозяйственная яма эпохи бронзы. Особенно существенной находкой явился клад куфических монет.

Тогда же были проведены раскопки селища, расположенного на соседнем мысу, южнее Малого Боршевского городища. Работы велись в центральной части поселения. Было вскрыто 128 м². Толща культурного слоя здесь 30—50 см. В нем встречены материалы древнерусского поселения и эпохи бронзы. Керамика интересующего нас времени того же типа, что и на Малом Боршевском городище. На вскрытом участке было раскопано одно полуземляночное жилище.

В 1967 г. экспедицией ВГУ велись исследования интересного городища и курганного могильника, расположенного на правом берегу р. Воронеж, на так называемой Белой горе [135]. На этом городище раскапывалась линия укреплений. Здесь, так же, как и на поселениях по Дону, в валу оказались остатки деревянных конструкций. На могильнике, состоящем из 48 насыпей, было раскопано четыре кургана, давших достаточно устойчивый обряд погребения.

В 1968 г. эта же экспедиция продолжала исследование Лысогорского могильника, где вскрыто две насыпи [136], а также проводилась разведка по р. Снова в пределах Липецкой области, во время которой было выявлено три древнерусских поселения [137].

В результате археологических исследований накоплен значительный материал. В данную работу включены материалы 28 городищ, 39 селищ и 7 курганных групп. Они позволили поставить и решить ряд конкретных вопросов, касающихся уровня развития хозяйства, социальных отношений, идеологических представлений, хронологии и политической истории славян, обитавших в конце I тысячелетия н. э. на Верхнем и Среднем Дону.

---

[1] Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885, с. 149, 157.

[2] Н. П. Барсов имеет в виду, вероятно, р. Быструю Сосну.

[3] Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV в. Киев, 1881, с. 3; Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882, с. 19, 22.

[4] Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858, с. 4.

[5] Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. — Труды ВУАК. Воронеж, 1908, вып. 4, с. 62.

[6] Спицын А. А. Новые сведения о городищах Дьякова типа. — Записки отделения русской и славянской археологии. СПб., 1905, вып. 1, т. 7, с. 93; Он же. Воронежская губерния. Отчет ИАК за 1905 г. СПб., 1908, с. 83.

[7] Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории. — В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 8.

[8] Спицын А. А. Основные русские племена (по данным археологии). — В кн.: Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929, с. 28.

[9] Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. — ЖМНП, 1899, апрель, с. 334.

[10] Шахматов А. А. Несколько слов по поводу статьи проф. Е. Ф. Будде. — ЖМНП, 1899, сентябрь, с. 179.

[11] Шахматов А. А. Южные поселения вятичей. — Изв. Академии наук, СПб., 1907, VI серия, № 16.

[12] Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, вып. II, с. 9. См. также: Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.

[13] Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 34.

[14] Грушевський М. Усторія Украіни — Руси. Львів, 1904, т. 1, с. 511.

[15] Грушевський М. Спірні питання староруської етнографії.— В кн.: Статьи по славяноведению. СПб., 1904, вып. 1, с. 315; Он же. Киевская Русь. СПб., 1911, т. 1, с. 232.

[16] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909, с. 16.

[17] Вестберг Ф. Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, 1908, февраль.

[18] Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний Е. Болховитиновым. Воронеж, 1800, с. 5.

[19] Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891, с. 63.

[20] Марков Е. Л. Хазарские городища на реке Воронеж.— Русский вестник, 1891, т. 217, ноябрь.

[21] Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916, с. 119.

[22] Голубовский П. В. История северской земли до половины XIV в., с. 11.

[23] Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, с. 339; Он же. Южные поселения вятичей, с. 728; Он же. Очерк древнейшего периода русского языка, с. 24; Он же. Древнейшие судьбы русского племени, с. 35.

[24] Грушевський М. Спірні питання староруської етнографії, с. 311; Он же. До питания про розселенне Вятичів.— Записки наукового товариства імени Шевченка, 1910, кн. VI, т. 98, с. 7—9.

[25] Готье Ю. В. Железный век Восточной Европы. М.—Л., 1930.

[26] Ю. В. Готье, вероятно, имел в виду раскопки П. М. Ерёменко в

с. Новоселицком Тербуновской волости. Им было раскопано там тр кургана, два из которых дали обряд трупоположения в могильной ям а в третьем под курганной насыпью встречена яма, которую он называе могилой. В ней имелись следы костра (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 68, 1896 г.)

[27] Ефименко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем До ну.— Сообщения ГАИМК, 1931, вып. 2.

[28] Ковалев С. И., Некрасов Е. К., Равдоникас В. И. Смирнов И. И. Краткое введение в историю докапиталистически формаций.— Известия ГАИМК, 1934, вып. 39, с. 15.

[29] Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпох возникновения феодализма в Восточной Европе.— ПИДО, 1935, № 1 с. 270.

[30] Валукинский Н. В. Археологические раскопки около Воронеж жа.— ИЖ, 1938, № 6, с. 111.

[31] Валукинский Н. В. По следам древних предков. Воронеж 1940, с. 46.

[32] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские посе ления на Дону.— МИА, 1948, № 8.

[33] Там же, с. 75—76, 82.

[34] Там же, с. 6, 8.

[35] Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья.— СА, 1952, 16, с. 36—37. В более поздних работах И. И. Ляпушкин пересмотрел свою точку зрения; Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956 с. 43; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 255—256; Гапусенко И. М. Воротьба східних слов'ян за вихід до Чорного моря. Київ, 1966, с. 39.

[36] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958 № 74.

[37] Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 133.

[38] Громова В. И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа.— МИА, 1948, № 8, с. 113—114.

[39] Там же, с. 114.

[40] Брайчевский М. Ю. Об антах Псевдомаврикия.— СЭ, 1953, 2, с. 31; Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство, с. 43. В этой работе автор по существу повторяет ту же характеристику общественных отношений у донских славян, которая им была дана и в более ранней монографии (Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 118); Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 329.

[41] Никольская Т. Н. Городища VIII—X вв. Воронежской обл.— ВДИ, 1950, № 4, с. 94.

[42] Третьяков П. Н. У истоков древней Руси.— В кн.: По следам древних культур. М., 1953, с. 22; Он же. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 288.

[43] Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян днепровского Левобережья VIII—X вв.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 3.

[44] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 224.

[45] Там же, с. 229—230; В таком же плане решает этот вопрос И. И. Ляпушкин и в работе «Славяне Восточной Европы...», с. 167.

[46] Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 99

[47] О вятичах на Дону П. Н. Третьяков писал и в своих последующих работах (У истоков древней Руси, с. 22; Восточнославянские племена, с. 259; Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 297).

[48] Артамонов М. И. Белая Вежа.— СА, 1952, 16, с. 46.

[49] Монгайт А. Л. Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49, с. 19—20; Он же. Рязанская земля, с. 85.

[50] Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954, с. 194.

[51] Березовець Д. Т. До питання про літописних сіверян.— Археологія. Київ, 1953, т. VIII, с. 37.

[52] Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, 72, с. 84.

[53] Брайчевський М. Ю. Походження Русі. Київ, 1968, с. 132.

[54] Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— СА, 1953, 18, с. 135; Он же. Первые века русской истории. М., 1964, с. 17.

[55] Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, с. 57.

[56] Мавродин В. В. Древняя Русь. Л., 1946, с. 88; Он же. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 26.

[57] Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам.— МИА, 1941, № 6, с. 239.

[58] Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа.— СА, 1959, XXIX—XXX, с. 83.

[59] Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 89.

[60] Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, 1956, 25, с. 148.

[61] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 70.

[62] Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— СА, 1969, 4, с. 78; Он же. У истоков древнерусской народности, с. 100.

[63] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 66, 102.

[64] Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1934, 1, с. 322.

[65] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.

[66] Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры.— СА, 1947, 9, с. 121.

[67] Там же, с. 134.

[68] Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.— СА, 1953, 18, с. 170; Никольская Т. Н. Городища VIII—X вв. Воронежской области, с. 93; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964; Бломквист Е. Ф. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 11; Шовкопляс У. Г. Основи археології. Київ, 1964, с. 225.

[69] Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки.— СА, 1953, 18, с. 181; Ляпушкин И. И. Славяно-русские по-

селения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам.— МИА, 1941, № 6, с. 240; Он же. Городище Новотроицкое, с. 15

[70] Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки, с. 181; Он же. Рязанская земля, с. 329.

[71] Москаленко А. Н. Из древнейшего прошлого Гремяченского района (по данным археологии).— В кн.: Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области. Воронеж, 1953; Она же. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской области в 1954 (предварительное сообщение).— Труды ВГУ, Воронеж, 1955, вып. 3, т. 42; Она же. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1956, вып. 62; Она же. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона.— Славянский сборник, вып. исторический. Воронеж, 1958, I; Она же. Об уровне развития хозяйства боршевской культуры.— В кн.: Первая научная сессия Воронеж, 1962; Она же. Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, вып. 1; Она же. Городище Титчиха. Воронеж, 1965; Она же. Святилище на р. Воргол.— СА, 1966, 2; Она же. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1966, вып. 2; Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону.— В кн.: Из истории Воронежского края (Труды ВГУ, Воронеж, 1966, т. 64); Москаленко А. Н., Винников А. З. Городище и курганный могильник на Белой горе под Воронежем.— АО., М., 1967; Москаленко А. Н., Винников А. З. Раскопки Лысогорского могильника.— АО, 1968 года. М., 1969; Москаленко А. Н. К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.

[72] Сведения о курганах и городищах Воронежской губернии, 1873. Архив ЛОИА, ф. 4, д. 193. Материалы донесений исправников частично опубликованы: Записки русского археологического общества. СПб., 1896, вып. 1—2, т. VIII, новая серия, с. 286—306; Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Воронеж, 1887, т. 1, приложение.

[73] Архив ЛОИА, ф. 1, 1889, д. 49, л. 11.

[74] Марков Е. Л. Хазарские городища на реке Воронеж.— Русский вестник, 1891, т. 217, ноябрь.

[75] Хазарским Е. Л. Марков называл городище, которое в литературе известно как Кузнецовское. В настоящее время на его территории расположен дом отдыха имени М. Горького.

[76] Марков Е. Л. Указ. соч., с. 126—127.

[77] Труды ВУАК. Археологические исследования и раскопки. Из отчета за 1903—1904 гг., Воронеж, 1908, вып. IV, с. XXXVII.

[78] Труды XIV АС. М., 1911, т. 3, с. 114.

[79] Архив ЛОИА, ф. 1, 1906, д. 71, л. 6; Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г., с. 64.

[80] В докладе А. И. Мартиновича на XIV Археологическом съезде отмечается, что зольные площадки всегда располагаются в юго-восточной половине кургана (Труды XIV АС, т. 3, с. 113). По-видимому, здесь вкралась ошибка. Как показали последующие раскопки этого могильника, там, где есть зольные площадки, они располагаются именно в западной половине курганов, как это отмечено и в статье А. И. Мартиновича.

[81] Труды ВУАК. Журналы заседаний и отчеты Воронежской архивной комиссии 1903—1907 гг. Воронеж, 1908, вып. IV, с. XXXVIII.

[82] Труды XIV АС, т. 3, с. 114.

[83] Савелов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении.— В кн.: Труды XII АС, 1905, т. I, с. 160—162.

[84] Спицын А. А. Поездка в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг.— Архив ИА, ф. 5, д. 90, л. 4.

[85] Отчет ИАК за 1905 г. СПб., 1908, с. 83.

[86] Спицын А. А. Поездка в Воронежскую губернию..., л. 4. В последующем при публикации им указаны иные размеры жилищ (3,55×3 и 4,45×3,55 м) и отмечено, что печи были сложены из камней на глине (см. Отчет ИАК за 1905 г., с. 84).

[87] Отчет ИАК за 1905 г., с. 84.

[88] Спицын А. А. Поездка в Воронежскую губернию..., л. 2. Курган № 7 раскопан неполностью.

[89] В работу А. А. Спицына вкралась неточность. Он указывает, что остатки трупосожжения найдены во всех раскопанных курганах (Отчет ИАК за 1905 г., с. 83).

[90] А. А. Спицын отмечает, что гробовища имелись лишь в двух курганах (Отчет ИАК за 1905 г., с. 83).

[91] Отчет ИАК за 1905 г., с. 84.

[92] Там же.

[93] Там же.

[94] Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов.— В кн.: Известия ИАК. СПб., 1911, вып. 43, с. 76.

[95] Отчет по историко-археологическому и этнографическому отделу Воронежского губернского музея с 1 июля 1918 по 1 июля 1919 г., с. 10.— Научный архив ВОМК.

[96] Отчет Воронежского государственного историко-культурного музея за 1923/1924 гг., л. 17.— Научный архив ВОМК. К сожалению, документации по этим раскопкам не сохранилось.

[97] Полевой дневник П. П. Ефименко о раскопках в с. Костенках и Борщево.— Архив ЛОИА, ф. 2, 1928, № 218; Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. Коллекции, собранные за время работы экспедиции, хранятся в Эрмитаже.— ОНПК, опись хранения № 1946, 785, 786, 850, 954.

[98] Ефименко П. П. Отчет о работах в Воронежском округе ЦЧО летом 1929 г.— Архив ЛОИА, ф. 2, 1930, № 113, л. 28; Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 72.

[99] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 111—112.

[100] Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, № 208, л. 6. Отчет об археологических разведках, проведенных летом 1927 г. заведующим историческим отделом Воронежского государственного музея Т. М. Одейниковым. Архив ЛОИА, ф. 2, 1930, № 168, л. 4; Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа.— СА, 1948, 10.

[101] Смирнов И. Славянские городища под Воронежем.— Архив ЛОИА, ф. 2, 1933, № 215, л. 10. Эти вещи хранятся в ВОМК.

[102] Там же.

[103] В отчете И. Д. Смирнова указывается, что «очаг разбросан в квадратах 1, 4, 8, 5» (Смирнов И. Славянское городище под Воронежем.— Архив ЛОИА, ф. 2, 1933, № 215, л. 24).

[104] Эта костяная поделка опубликована в работе Ефименко П. П. и Третьякова П. Н., «Древнерусские поселения на Дону», табл. XVIII.

[105] Смирнов И. Д. Указ. соч., л. 29.

[106] Там же, с. 30.

[107] Лунница опубликована: Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Указ. соч., табл. XVIII.

[108] Смирнов И. Д. Указ соч., л. 24.

[109] Колчин В. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, 32, с. 47—48.

[110] Краткий отчет археологических работ на славянском городище на территории дома отдыха имени М. Горького под Воронежем в 1934 г. научного сотрудника областного музея краеведения И. Д. Смирнова. Научный архив ВОМК. Материалы раскопок этого года, за исключением горсти зерна, не сохранились. Металлические и костяные изделия опубликованы в работе Ефименко П. П. и Третьякова П. Н. «Древнерусские поселения на Дону», с. 103.

[111] Частично результаты раскопок Воронежского областного краеведческого музея см.: Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 102; Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа, с. 299—300.

[112] Москаленко А. Н. К вопросу об изучении Голышевского городища, с. 23; Она же. Архангельское (Голышевское) городище, с. 103.

[113] Москаленко А. Н. Отчет об археологических разведках, проведенных по р. Воронеж в 1949 г.— Архив ИА АН СССР.

[114] Ляпушкин И. И. Отчет за 1950 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, 1950, № 70.

[115] Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 3 на право производства археологических раскопок Архангельского (Голышевского) городища Гремяченского района и разрушаемых курганов около Платавских выселок Репьевского района Воронежского области в 1952 г.— Архив ИА; Она же. Отчет к открытому листу № 54 на право производства археологических раскопок Архангельского городища Гремяченского района Воронежской области в 1953 г.— Архив ИА; Она же. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., с. 84. Коллекция вещей, собранная в процессе раскопок, и полевая документация хранятся в ВОМК.

[116] Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг., с. 88.

[117] Алихова А. Е. Особый тип сооружений на городище Кузина гора.— СА, 1958, № 3, с. 199.

[118] Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, с. 32.

[119] ЦГАДА, ф. 210, разрядный приказ, книга Белгородского стола, № 30, л. 25.

[120] Мыс, на котором расположено городище, местное население называет горой «Трудень».

[121] Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной скифской экспедиции в 1957 г., с. 5.— Научный архив ВОМК.

[122] Левенок В. П. Археологический отчет о разведках на Среднем Дону в пределах Воронежской области в 1958 г., с. 35.— Научный архив ВОМК. Коллекция керамики хранится в ВОМК.

[123] Левенок В. П. Отчет об археологических работах Верхнедонской экспедиции в 1960 г.— Архив ИА, Р—1, № 2225, л. 19.

[124] Москаленко А. Н. Отчет о раскопках на Титчихинском и Воргольском городищах в 1961 г.— Архив ИА.

[125] Пряхин А. Д. Археологические памятники борщевской культуры на р. Воргол.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, вып. 1, с. 121.

[126] Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей.— Архив ИА.

[127] Левенок В. П. Отчет о полевых работах Верхнедонской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1962 г.— Архив ИА, Р—1, 2552, с. 19.

[128] Там же. Материалы с этих поселений хранятся в Липецком областном краеведческом музее.

[129] Пряхин А. Д. Отчет к открытому листу № 113 на право производства археологических разведок по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой областей.— Архив ИА.

[130] Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 128 на право производства археологических раскопок славянских памятников в с. Борщево Гремяченского района Воронежской области.— Архив ИА.

[131] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 15.

[132] Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г. — Архив ИА, с. 2.

[133] Москаленко А. И. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1965 г.— Архив ИА.

[134] Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1966 год. — Архив ИА, с. 14.

[135] Москаленко А. Н. и Винников А. З. Городище и курганный могильник на Белой горе.— АО 1967 года. М., 1968, с. 61—62.

[136] Москаленко А. Н. Винников А. З. Раскопки Лысогорского могильника.— АО 1968 года. М., 1969, с. 60—61.

[137] Чеботарева Н. Ф. Разведка 1968 года по реке Снова.— В кн.: Сборник научных студенческих работ. Воронеж, 1970, вып. 2, с. 51—52.

ГЛАВА ВТОРАЯ

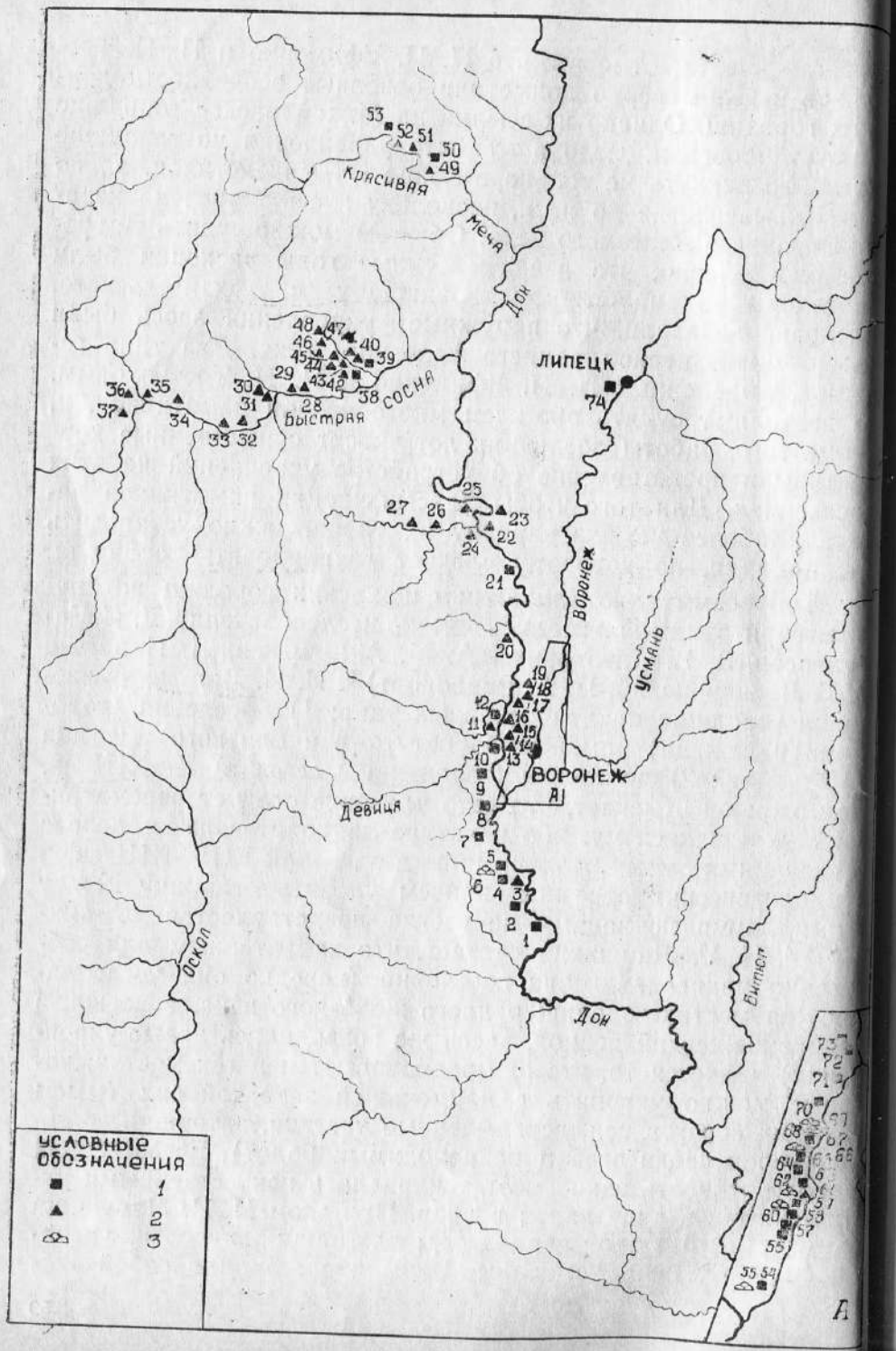
ПОСЕЛЕНИЯ

§ 1. Городища и селища

Изучение древнерусских поселений на Верхнем и Среднем Дону, как отмечалось выше, началось еще в конце прошлого века, но особенно интенсивно оно велось советскими исследователями. Их работами установлено, что в бассейне Верхнего и Среднего Дона в конце I тысячелетия н. э. были распространены два типа поселений: укрепленные и неукрепленные (рис. 1). Классификацией славянских городищ этого района исследователи специально не занимались. В работах, посвященных этим памятникам, в лучшем случае давалось описание каждого из городищ в отдельности [1]. Лишь в монографии П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова впервые были выделены два типа городищ. Одни из них, как отмечали авторы, по своему внешнему виду напоминают городища дьякова типа, но отличаются от них своими размерами. Эти городища располагаются на отрогах высокого коренного берега реки. Укрепленную часть поселения, защищенную валом, составлял конец отрога. Городища второго типа были, по мнению авторов, несколько более поздними. Они отличались большими размерами. Эти городища в меньшей степени были связаны с рельефом местности и укреплялись валами и рвами, имевшими большую протяженность. Внутри наружной линии укреплений площадь поселения иногда разделяли валы меньших размеров. В качестве примера такого рода городищ приводилось городище у Михайловского кордона. Авторы высказывают предположение, что для сооружения укреплений использовались не только земля, но и дерево [2]. Об использовании дерева при строительстве укреплений в ту пору можно было говорить лишь предположительно, так как ни одно из укреплений раскопано не было.

Забегая вперед, отметим, что П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков в целом верно подметили основные особенности донских городищ. Однако их ссылка на Михайловское городище требует проверки. Дело в том, что укрепления на городище могли возникнуть не только в конце I тысячелетия н. э., но и в I тысячелетии до н. э., поскольку здесь встречена керамика раннего железного века. Об этом можно судить тем более определенно, что в послевоенные годы раскопки были проведены на аналогичном городище у с. Архангельского. Раскопки показали, что наружные укрепления здесь были сооружены в период раннего железного века. Два типа городищ, выделенных П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым, не позволяют судить обо всем многообразии памятников, а, кроме того, работы последних лет вносят существенные коррективы в представление об устройстве укреплений на этих поселениях. Для того чтобы классификация памятников давала наиболее четкую картину их типов, важно установить тот принцип, по которому следует группировать городища.

Вопросами классификации славянских городищ по другим территориям занимались многие исследователи (Д. Я. Самоквасов, В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, Л. Падалка, В. Г. Ляскоронский, П. А. Раппопорт) [3]. И. И. Ляпушкин разделил городища на два основных типа: 1) поселения (городища и селища) роменско-боршевского и близкого им типа VIII—X вв.; 2) поселения (городища и селища) X—XIII вв. При этом он отмечает, что «это членение следует рассматривать лишь как схему, ибо в натуре приходится иметь дело с поселениями самых различных — в пределах VIII—XIII вв.— хронологических отрезков, причем уловить границу между этими двумя периодами не всегда представляется возможным» [4]. И. И. Ляпушкин считает, что характерным для собственно раннеславянских поселений (нередко они устраивались на местах городищ раннего железного века, а позже, в великокняжеский период, здесь же возводились новые укрепления) является то, что они располагаются в тех местах, которые можно укрепить с наименьшей затратой сил (мысы высоких берегов рек, всхолмленные участки, затерянные в долинах рек среди озер и непроходимых болот). Естественная малодоступность таких мест усиливалась искусственными укреплениями в виде валов и рвов. При этом И. И. Ляпушкин отмечает, что в этот период рвы для защиты поселения играли большую роль, чем валы. Валы представляли собой схо-



рее всего просто выбросы из рвов. Когда поселения располагались на останцах, валы и рвы не сооружались [5].

Периодизация поселений, предложенная И. И. Ляпушкиным, в основных чертах была принята П. А. Раппопортом и другими исследователями [6]. П. А. Раппопорт интересовался древнерусскими укреплениями прежде всего с точки зрения «их основного функционального содержания — тактической схемы организации их обороны». П. А. Раппопорт конкретизировал классификацию И. И. Ляпушкина и внес в нее небольшие изменения. Древнерусские оборонительные сооружения VIII—XIII вв. он разделил вслед за И. И. Ляпушкиным на две основные группы: 1) городища, которые существовали с VIII по X в. включительно; 2) городища конца X—XIII вв. [7] Внутри этих больших групп им выделяются отдельные типы городищ. Для VIII—X вв. характерны простые мысовые и сложномысовые городища [8]. Все они подчинены рельефу местности. Более детальная классификация этих городищ, как отмечает П. А. Раппопорт, затруднена тем, что земляные укрепления на этих городищах не изучены. П. А. Раппопорт вслед за И. И. Ляпушкиным полагает, что главное внимание в системе обороны этих городищ уделялось устройству рвов, а не валов. Внутри земляных валов VIII—X вв. никаких деревянных конструкций не сооружали [9].

Принцип классификации городищ, предложенный И. И. Ляпушкиным и П. А. Раппопортом, положен в основу

Рис. 1. Схема расположения славянских памятников IX—X вв. на Верхнем и Среднем Дону: 1 — городище, 2 — селище, 3 — могильник. *1* — Хут. Титчиха; *2* — с. Архангельское; *3—6* — с. Борщево; *7* — с. Костенки; *8* — пос. Орловка; *9* — с. Устье; *10* — г. Семилуки; *11* — с. Семилуки; *12* — с. Семилуки; *13—16* — с. Подклетное и с. Подгорное; *17—19* — с. Подгорное; *20* — д. Вериловка; *21* — с. Конь-Колодезь; *22* — д. Веденка; *23* — с. Даньшино; *24* — с. Сосновка; *25* — с. Ксизово; *26* — *27* — с. Сновское; *28* — д. Апухтино; *29* — д. Ермолово; *30—31* — с. Чернава; *32* — д. Козловка; *33* — д. Сусловка; *34* — с. Успенка; *35* — г. Ливны; *36—37* — д. Бунино; *38—39* — с. Нижний Воргол; *40—41* — с. Нижний Воргол; *42—48* — с. Нижний Воргол и с. Казаки; *49* — д. Дубики; *50* — д. Дубики; *51* — с. Солдатское; *52* — с. Солдатское; *53* — с. Маслово; *54—55* — с. Шилово; *56* — г. Воронеж (южная окраина); *57* — г. Воронеж (Акатова поляна); *58* — г. Воронеж (у стадиона «Динамо»); *59—60* — г. Воронеж (Дом отдыха имени Максима Горького); *61—63* — г. Воронеж (Лысая гора); *64* — Михайловский кордон; *65* — Сад учебно-опытного лесхоза; *66—68* — Белогорский кордон; *69* — с. Чертовицкое; *70* — с. Чертовицкое; *71* — с. Староживотинное; *72—73* — р. п. Рамонь; *74* — г. Липецк

нашей классификации древнерусских городищ на Среднем и Верхнем Дону.

Классификация древнерусских городищ на Дону осложняется тем, что на них встречаются остатки культуры не только древнерусского населения конца I тысячелетия н. э., но и раннего железного века, эпохи бронзы, а на некоторых — великокняжеской поры. Такими многослойными памятниками являются все городища, где велись раскопки. Совершенно естественно, что многослойность памятников затрудняет их классификацию, поэтому о времени сооружения того или иного вида укреплений и об их устройстве определенно можно говорить лишь после того, как они будут подвергнуты раскопкам. Тем не менее в настоящее время мы располагаем более или менее полными данными об устройстве укреплений городищ.

Известные нам городища, согласно классификации П. А. Раппопорта, в большинстве своем относятся к городищам мысового типа (рис. 2). К ним мы относим Малое Боршевское, Устьинское, Шиловское, Акатова поляна, городище у стадиона «Динамо», городище II у р. п. Рамонь, у д. Дубики, Нижний Воргол и др. (всего 18 городищ). Все они располагаются на одном из мысов высокого берега и с напольной стороны укреплены валом и рвом. Их размеры, как правило, невелики. Так, площадка Малого Боршевского городища — 35 × 55 м; Шиловского — 20 ×70 м. Есть городища и несколько большие по площади. Например, площадка городища II у р. п. Рамонь 90×130 м, городище Н. Воргол — 50×140 м.

В этой группе городищ раскопки укреплений проводились на Малом Боршевском и Воргольском городищах.

На Малом Боршевском городище, как показали исследования, насыпь вала покоилась на слое погребенной почвы, на поверхности которой имелась небольшая зольная прослойка. Вал (высота около 2 м) сложен из чернозема с большой примесью меловой щебенки. В насыпи встречены остатки деревянной конструкции, основание которой лежало на зольной прослойке; она частично обгорела. Это был ряд срубов, которые ставились почти вплотную друг к другу. Судя по лицевым стенкам, их длина была около 2 м. Поперечины уцелели значительно хуже, что не дает возможности восстановить форму срубов в целом. Крепились они в обло с остатком до 20 см. Перед валом был выкопан неглубокий (0,7 м)

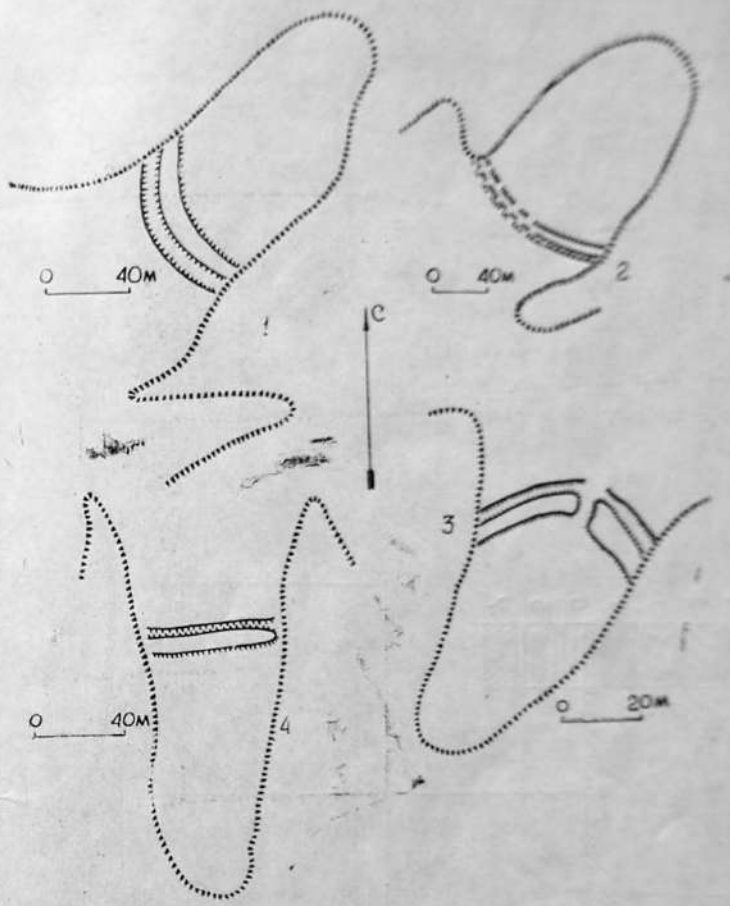


Рис. 2. Планы мысовых городищ (первый тип): *1* — Малое Боршевское городище (4); *2* — II Рамонское городище (73); *3* — городище у д. Дубики (50); *4* — Воргольское городище (39)

ров шириной 4,5 м. В заполнении рва, так же, как и в валу, встречена керамика эпохи бронзы и боршевского типа (рис. 3).

На Воргольском городище конструкция укреплений затруднена не только вследствие их плохой сохранности, но также и потому, что они возводились в несколько приемов, связанных с жизнью различного по времени населения (рис. 4). В сооружении вала можно выделить три строительных перио-

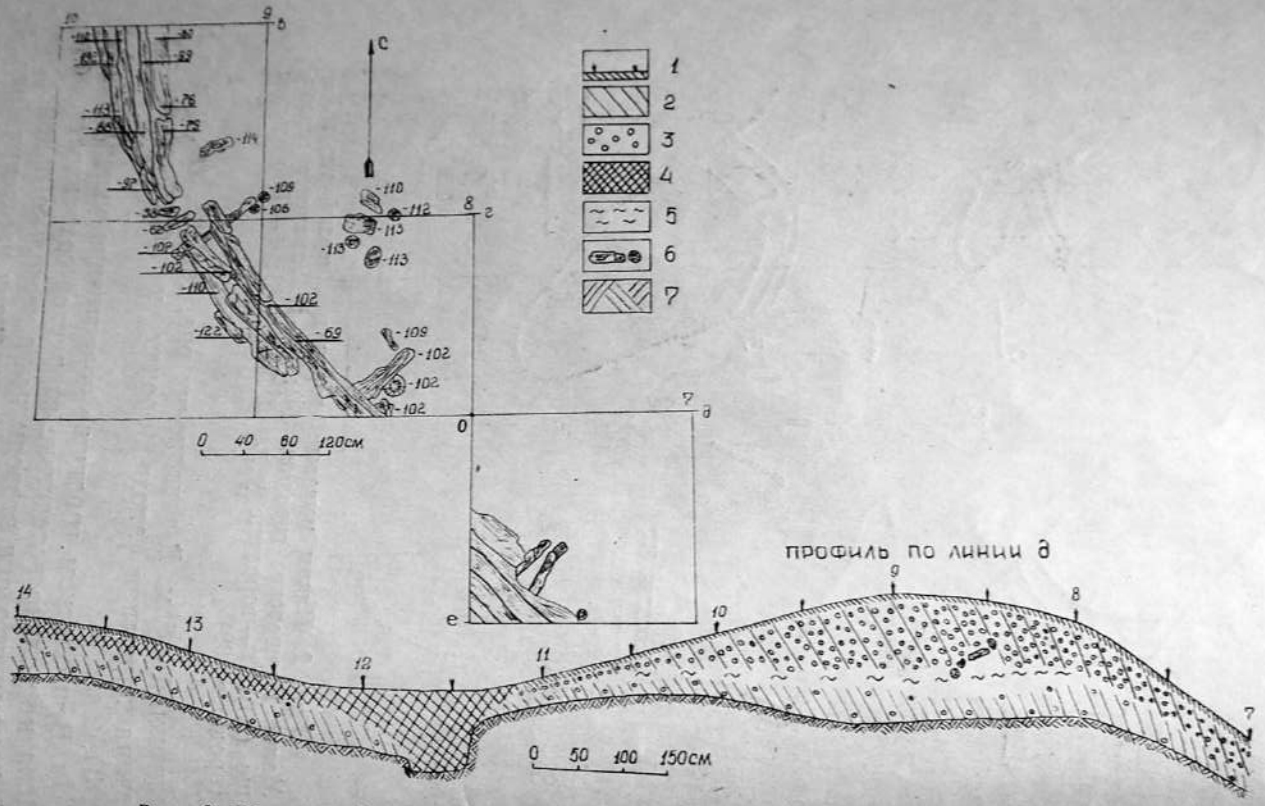


Рис. 3. План и разрез укреплений Малого Боршевского городища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — мел, *4* — траншея военного времени, *5* — зола, *6* — дерево, *7* — материк

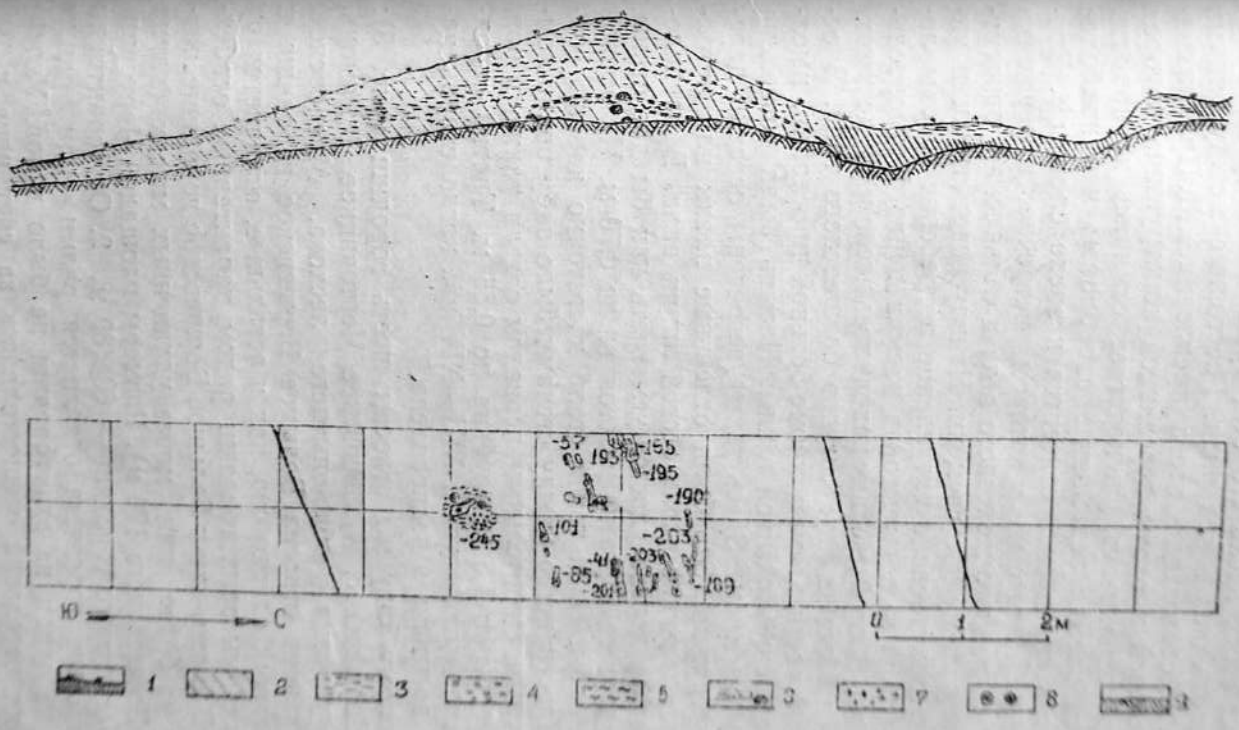


Рис. 4. План и разрез укреплений Воргольского городища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — глина, *4* — обожженная глина, *5* — зола, *6* — обожженное дерево, *7* — астрагалы, *8* — горшки, *9* — материк

да, которые четко расчленяются зольными прослойками. В основании вала, вдоль его оси, была выявлена каменная кладка, выложенная в два ряда. Расстояние между рядами около 2 м. Исследователь этого укрепления А. Д. Пряхин связывал с кладкой и следы деревянной конструкции, которая очень плохо сохранилась. Он полагает, ссылаясь на находки в этой части насыпи керамики эпохи бронзы, что наиболее древняя часть укрепления относится к эпохе бронзы [10]. Второй строительный период, в котором встречается керамика эпохи бронзы, раннего железного века и славянская, относится к интересующему нас времени. Началу реконструкции укреплений предшествовало ритуальное погребение головы лошади в округлой яме, вырытой в насыпи первого строительного периода. В этой же яме находилось несколько десятков астрагалов и обломки двух сосудов боршевского типа. В основании этой части насыпи, кроме зольной прослойки, имелся также слой обожженной глины. Насыпь была возведена из чернозема и глины. Здесь также встречены остатки деревянной конструкции. Это были отдельные плахи или нетолстые бревна, лежащие вдоль осевой линии вала. В расположении остатков дерева удается усмотреть как бы две стены, отстоящие друг от друга на расстоянии до 0,70 м. Их опорой служили столбы. Один такой столб достаточно хорошо сохранился. Пространство между стенами было забутовано землей. Со вторым строительным периодом связан также и ров. Его ширина около 1,5 м, глубина до 0,55 м. Третий строительный период относится к XIII—XIV вв., когда старая насыпь была досыпана и подправлена.

Ко второму типу мы относим шесть городищ (рис. 5): Большое Боршевское, Кузнецовское, Чертовицкое, I Рамонь, городище у сада учебно-опытного лесхоза, Масловское. П. А. Раппопорт относил Большое Боршевское городище к типу мысовых [11], однако оно, как и остальные, отличается от классических мысовых городищ рядом характерных особенностей: 1. Все они, как и Большое Боршевское городище, расположены на более или менее удлиненных мысах (длина Большого Боршевского 174 м). Размеры площадок Чертовицкого и I Рамонского городищ — 60×80 м. 2. От территории плато площадка городища отделяется рвами или одним рвом. Ни на одном из этих городищ не было валов. Укрепление таких поселений осуществлялось за счет рвов и той земли на краю рвов, которая выбрасывалась сюда в процес-

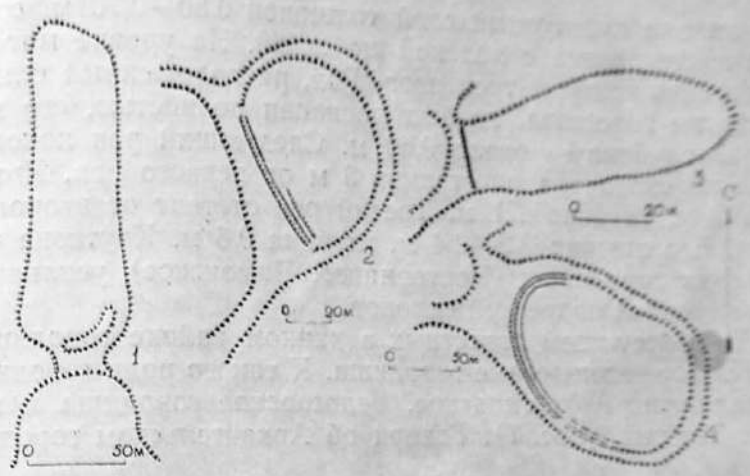


Рис. 5. Планы городищ второго типа: *1* — Большое Боршевское городище (5), *2* — I Рамонское городище (72), *3* — Масловское городище (53), *4* — городище у сада учебно-опытного лесхоза (65)

се их сооружения. Об этом можно судить, например, на основании раскопок укреплений Большого Боршевского городища (рис. 6). Раскоп, заложенный в восточной части седлови-

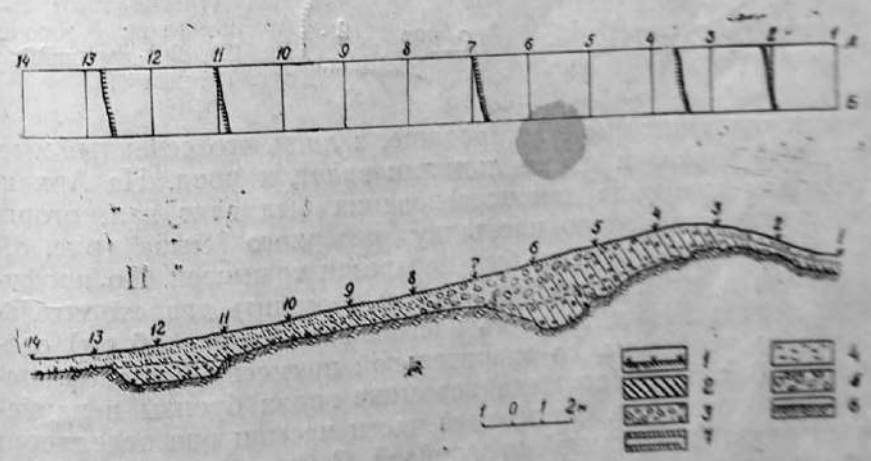


Рис. 6. План и разрез укреплений Большого Боршевского городища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — мел, *4* — зола, *5* — меловой выброс, *6* — материк, *7* — ров

ны, выявил культурный слой толщиной 0,50—0,70 м, состоящий из чернозема с меловой щебенкой. На уровне материка очертились контуры трех рвов. Ров, расположенный ближе к площадке городища, не был раскопан полностью, его выявленная глубина — около 0,60 м. Следующий ров находится ниже по склону на расстоянии 3 м от первого рва. Его ширина 7 м, глубина 1,1 м. Третий ров отстоит от второго на 7,7 м. Его ширина 3,3—3,4 м, глубина 0,6 м. Крутизна мыса на таких городищах (Чертовицкое, Рамонское) усиливается искусственной подрезкой склонов.

Третьим типом известных в данном районе городищ являются сложно-мысовые городища. К такого рода городищам принадлежит Архангельское, Белогорское городища и городище Титчиха (рис. 7). Говоря об Архангельском городище,

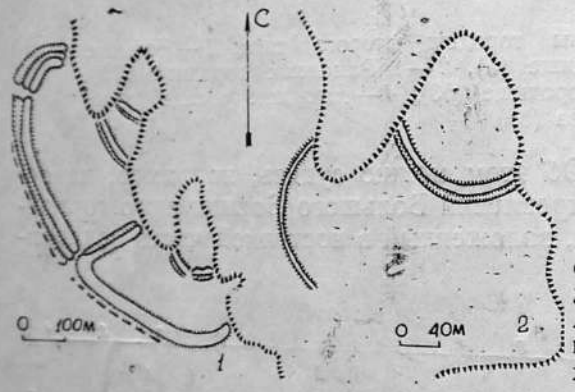


Рис. 7. Планы сложно-мысовых городищ (третий тип): *1* — Архангельское городище (2), *2* — городище у хут. Титчиха (1)

мы имеем в виду не все городище, а лишь его северный мыс, который укреплен двумя линиями валов и рвов. На Архангельском городище для исследования был взят вал, огораживающий наружную площадку северного мыса (рис. 8). В центральной части он был перерезан траншеей. По профилю вала и его заполнению удалось выделить два строительных периода. Нижняя часть насыпи вала (около 80 см) сложена из чернозема со значительной примесью меловой щебенки. В слое обнаружена керамика эпохи бронзы и раннего железного века. От верхней части насыпи она отделяется едва заметной угольной прослойкой. С более древней частью насыпи, вероятно, следует связать и внутренний ров. Его ширина около 3,5 м, глубина 40—70 см. В заполнении рва встречены остатки плах или бревен, лежавших вдоль рва у его

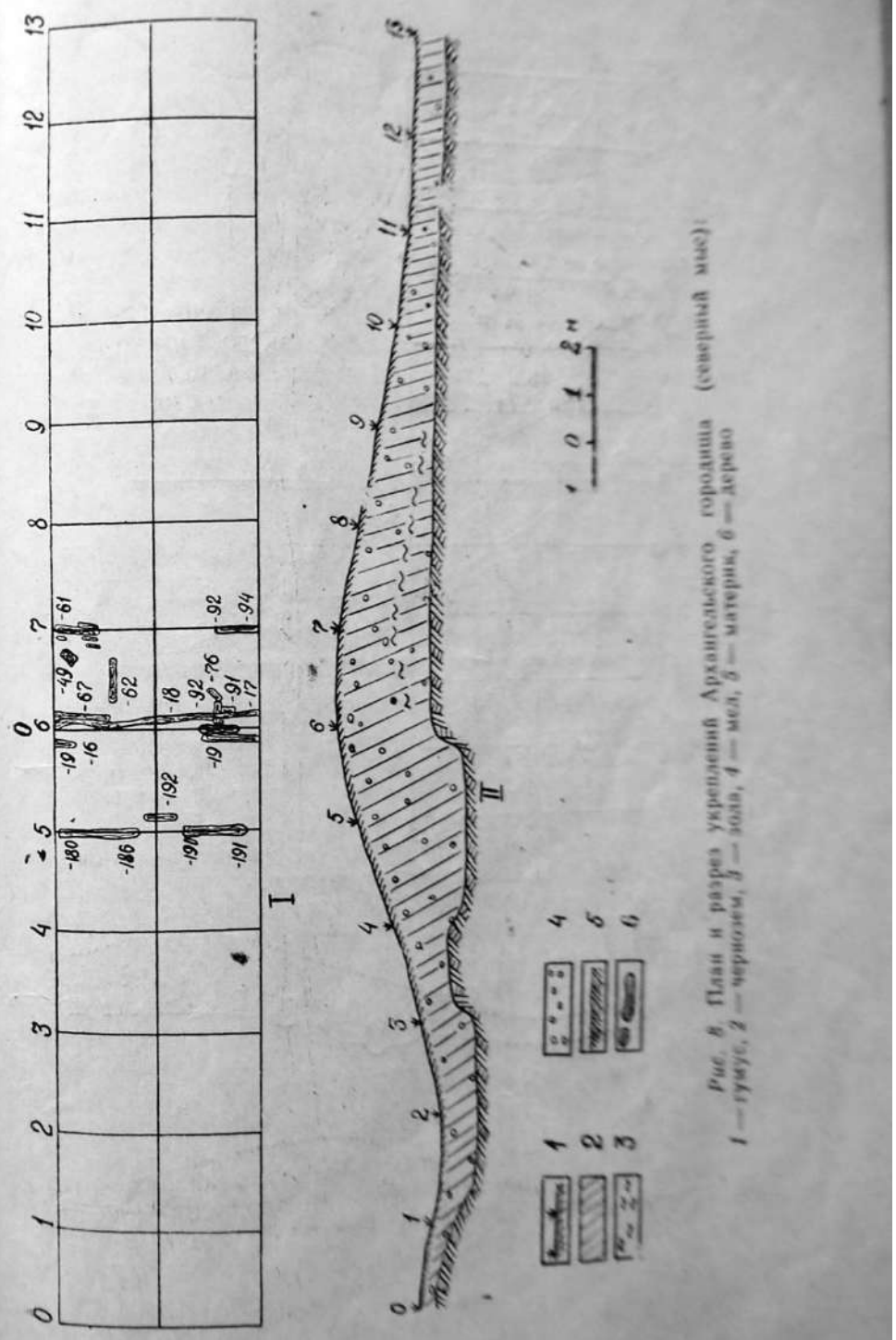


Рис. 8. План и разрез укреплений Архангельского городища (северный мыс):
1 — гумус, *2* — чернозем, *3* — зола, *4* — мел, *5* — материк, *6* — дерево

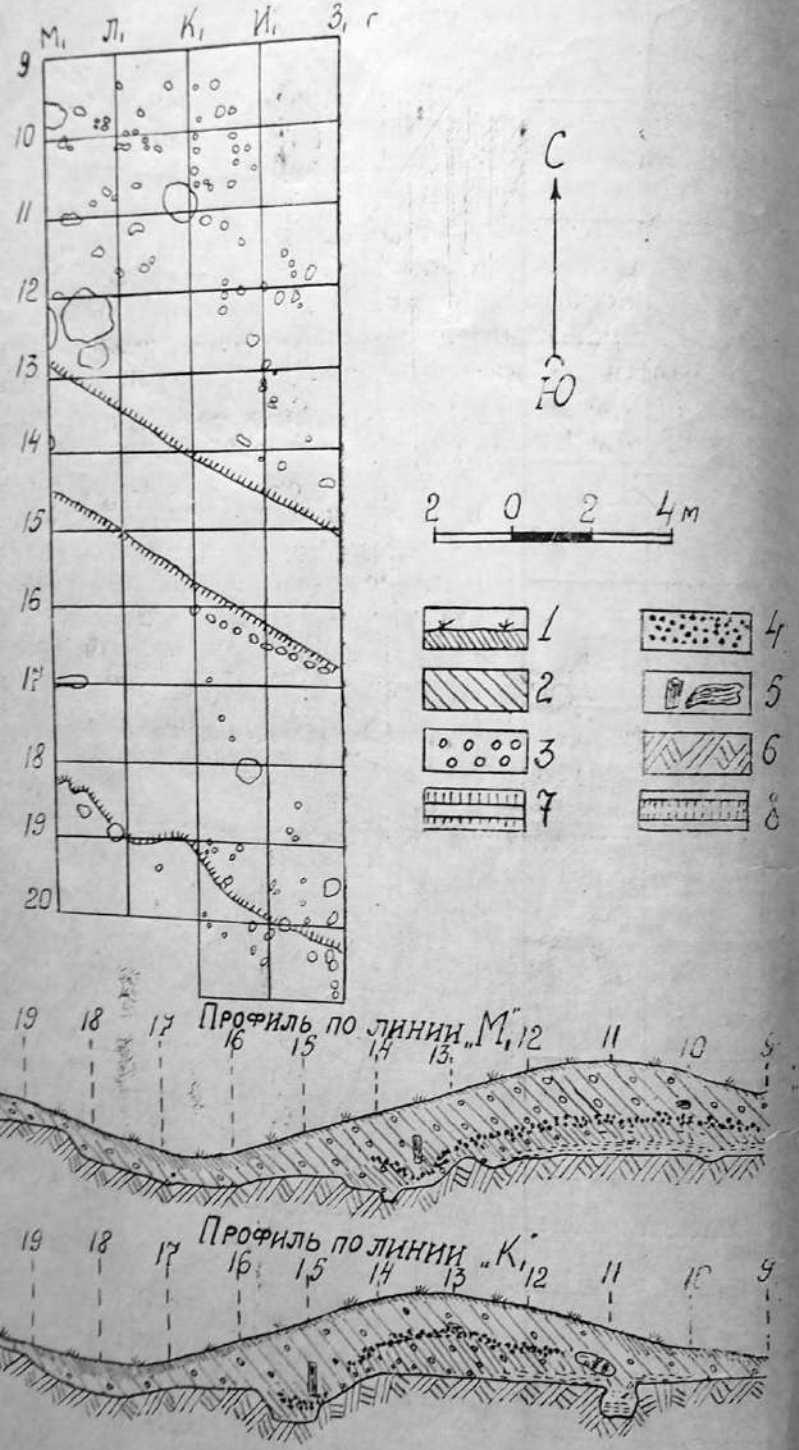
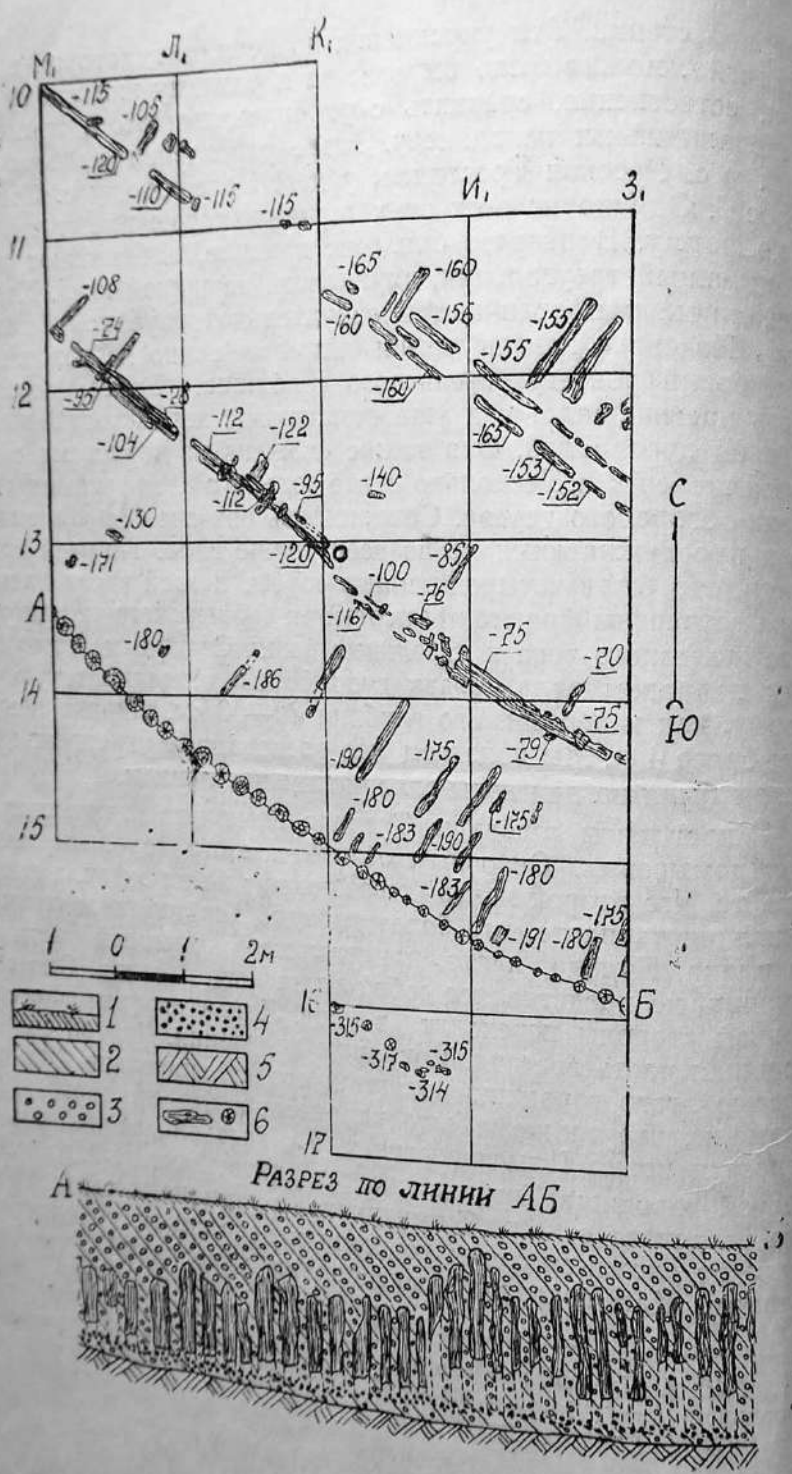


Рис. 9. План и профили раскопа внутреннего вала Титчихинского городища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — мел, *4* — уголья, *5* — дерево, *6* — материк, *7* — вал, *8* — ров

северной стенки. Эти укрепления по керамике, которая в них встречена, можно было бы отнести к раннему железному веку и, естественно, сравнить с укреплениями этого времени, расположенными неподалеку. Такие укрепления были раскопаны у с. Русская Тростянка, у дер. Волошино, у с. Сторожевое [12]. Однако на всех этих городищах рвы имеют совсем иную форму. В разрезе они, как правило, напоминают равнобедренный треугольник, опущенный вершиной вниз. Кроме того, такие рвы отличаются значительной глубиной (свыше 2 м). По своей конфигурации они совершенно не похожи на неглубокий ров Архангельского городища. Более поздняя часть насыпи вала, как уже отмечалось, хорошо отчленяется зольной прослойкой. Она также сложена из чернозема с меловой щебенкой. Несколько выше зольного слоя выявлены остатки обгорелого дерева. Сохранились они очень фрагментарно и прослеживаются не по всей толще вала. По всей видимости, это были четырехстенные срубы. В этой части насыпи вала встречены фрагменты керамики боршевского типа и раннего железного века и отдельные вещи. С данным строительным периодом вала связан второй ров, имевший такую же форму, как и первый. Его глубина 30—50 см, ширина немногим более 4 м. Мы полагаем, что раскопанные укрепления целиком были воздвигнуты славянским населением.

Укрепления городища Титчиха несколько отличаются от сложномысовых. Основным отличием этого городища является то, что второй вал был воздвигнут не на мысу, а захватывал часть плато, что более типично для городищ сложного плана. Правда, плато, прилегающее к мысовой части городища, не представляет собой сплошного массива. Оно с западной стороны переходит в лог. Логом ограничивается и большая часть восточной окраины поселения. Другой особенностью этого городища являются его сравнительно большие размеры, что также не было характерно для сложномысовых городищ конца I тысячелетия н. э. Третьей отличительной чертой городища Титчиха следует считать мощный вал. Все это позволяет отнести Титчихинское городище к переходному типу от сложномысовых городищ к городищам со сложным планом. Как показали исследования укреплений Титчихин-



ского городища в сооружении внутреннего вала было два строительных периода, которым соответствовало два рва (рис. 9). Насыпь вала первого периода сложена из чернозема, в ней встречаются вкрапления меловой щебенки. Эта часть вала в настоящее время возвышается над материком на 0,5—1,2 м. В отдельных местах насыпь подправляли, о чем свидетельствуют следы обожженной глины. Вдоль вала проходит небольшой ров, вырытый в мелу. Ширина рва — 1,6 м. Надо рвом вал возвышается на 2,5—2,8 м. В процессе раскопок можно было отчетливо видеть, что вал сильно ополз, особенно в сторону рва. Первоначально этот вал был почти в два раза выше и значительно круче, чем в наши дни.

В связи с усилением внешней опасности укрепления Титчихи были реконструированы. Перед началом работ на валу и во рву была сожжена растительность. Об этом свидетельствует сплошная тонкая зольная прослойка, перекрывающая тогдашнюю дневную поверхность вала и рва. Затем вдоль вала на расстоянии 3 м друг от друга были установлены две линии разных по устройству срубов (рис. 10). Первая, наружная, линия состояла из трехстенных, вторая, внутренняя, вероятно, из четырехстенных срубов. В обеих линиях срубы ставились почти вплотную друг к другу. На отдельных участках лицевая стенка у трехстенных срубов сохранилась на 5—9 венцов. Поперечины уцелели значительно хуже. Их удалось проследить только по нижним венцам. Длина каждого из срубов около 2 м, ширина до 1 м. Срубы крепились в обло с остатком в 15—18 см. Толщина бревен, из которых сложены срубы, до 25 см. С наружной стороны и изнутри до определенной высоты (приблизительно 2 м) эта конструкция была засыпана грунтом. Грунт, присыпанный к внешней стене, образовывал вал, а засыпка изнутри делала всю эту конструкцию еще более устойчивой.

Вторая линия срубов сохранилась значительно хуже, так как срубы не были засыпаны землей. От них частично уцелели только обгоревшие нижние венцы. Обе линии срубов сооружались одновременно, о чем свидетельствует не только расположение тех и других на зольном слое, но и их одинаковая ориентировка. Тогда же на дневной поверхности вдоль

Рис. 10. Остатки деревянной конструкции во внутреннем валу Титчихинского городища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — мел, *4* — угольки, *5* — материк, *6* — дерево

рва был установлен частокол из массивных дубовых бревен диаметром 25—30 см. Часть их уцелела на высоту до 2 м. Почти у всех столбов основание сгнило, и на месте столба образовалась пустота. Это дает возможность проследить, как устанавливался частокол. Столбы ставили прямо в старый ров, а затем засыпали землей. Верхняя часть столбов не сохранилась полностью. Надо полагать, что они значительно выступали из земли и концы их, вероятно, были заострены.

Как уже упоминалось выше, второму валу соответствовал второй ров. Он так же, как и первый, был вырыт в мелу. Его ширина 5—7,2 м, глубина от современной дневной поверхности 1,55—2 м. Дно рва почти плоское.

В целом система внутренних укреплений выглядела следующим образом. Первым препятствием с напольной стороны на подступах к мысовой части поселения был ров, затем частокол и, наконец, вал. Насыпь вала начиналась примерно на расстоянии 1 м от внутреннего края рва и имела уклон около 35 градусов. Есть основания полагать, что конструкция из трехстенных срубов возвышалась над валом примерно на высоту роста человека. Защитники крепости размещались на площадке на уровне девятого венца срубов и могли следить за действием противника через бойницы, прорубленные в наземной части укрепления. Не исключена возможность, что эта часть конструкции имела перекрытие. Четырехстенные срубы, как уже указывалось, землей засыпаны не были. Их перекрывали бревенчатые накаты. При датировке обоих строительных периодов можно основываться преимущественно на керамическом материале. Начало строительства укреплений на мысу относится к тому времени, когда славянское поселение уже существовало. Именно поэтому в насыпях первого периода встречается славянская керамика боршевского и салтово-маяцкого типов. Среди фрагментов сосудов нет таких, которые помогли бы в установлении более точной даты сооружения этой части укрепления. Какой-либо разницы в керамическом материале первого и второго строительного периода уловить не удалось. И лепная керамика боршевского типа, и керамика салтово-маяцкого типа в той и другой части укрепления сходны. Следовательно, один строительный период отделен от другого сравнительно непродолжительным временем. Второй ров был вырыт одновременно с сооружением деревянных конструкций. Мел из этого рва составляет большую часть засыпки и насыпи вала.

Внешний вал состоял из двух слоев, разделенных угольной прослойкой (рис. 11). Нижняя часть насыпи сложена из чернозема с включением глины и меловой щебенки, верхняя — из чернозема с меловой щебенкой. Высота нижней части насыпи до 0,45 м, общая высота вала до 0,70 м. По расположению остатков углей удалось проследить остатки срубной конструкции. Из-за очень плохой сохранности дерева детали ее устройства уловить не удалось. Можно лишь отметить, что здесь почти вплотную друг к другу были установлены четырехстенные срубы, длина которых около 4 м, ширина около 3 м. Перед валом с наружной стороны проходила небольшая канава, образовавшаяся, вероятно, при его сооружении. В насыпи вала найдена керамика раннего железного века и боршевского типа. Наличие керамики боршевского типа в обеих частях насыпи вала позволяет и это укрепление отнести к славянскому периоду жизни этого поселения.

Суммируя сказанное выше, мы приходим к следующему выводу: как во внутренней, так и во внешней линии укреплений городища Титчиха главную роль играли не рвы, а валы, усиленные деревянными конструкциями. Такие сложные укрепления кажутся неожиданными в свете прежнего представления о примитивности славянских укреплений Подонья.

Конструкция титчихинских укреплений хотя и отличается своеобразием, но по отдельным элементам находит себе аналогии среди славянских крепостей конца I тысячелетия (Судова Вишня, Белгород, Переславль, Киев и др.). В Судовой Вишне были обнаружены остатки деревянной конструкции из четырехстенных срубов [13]. Четырехстенные срубы раскопаны и в валу древнего Переяславля [14]. Основу деревянных конструкций вала древнего Белгорода [15], как и на Титчихе составляли трехстенные срубы, скрепленные в обло с длинными остатками. Длина белгородских срубов (от 3,35 до 4,95 м) примерно такая же, как и титчихинских. Частокол у подножия вала также известен и на других городищах. Он был открыт на склоне рва в древнем Киеве [16] и ряде других укреплений.

Укрепления с деревянными конструкциями срубного типа не являются специфической особенностью данного района. Они были распространены очень широко и появились еще в эпоху раннего железного века [17]. Наличие подобного рода укреплений в интересующем нас районе вполне естественно.

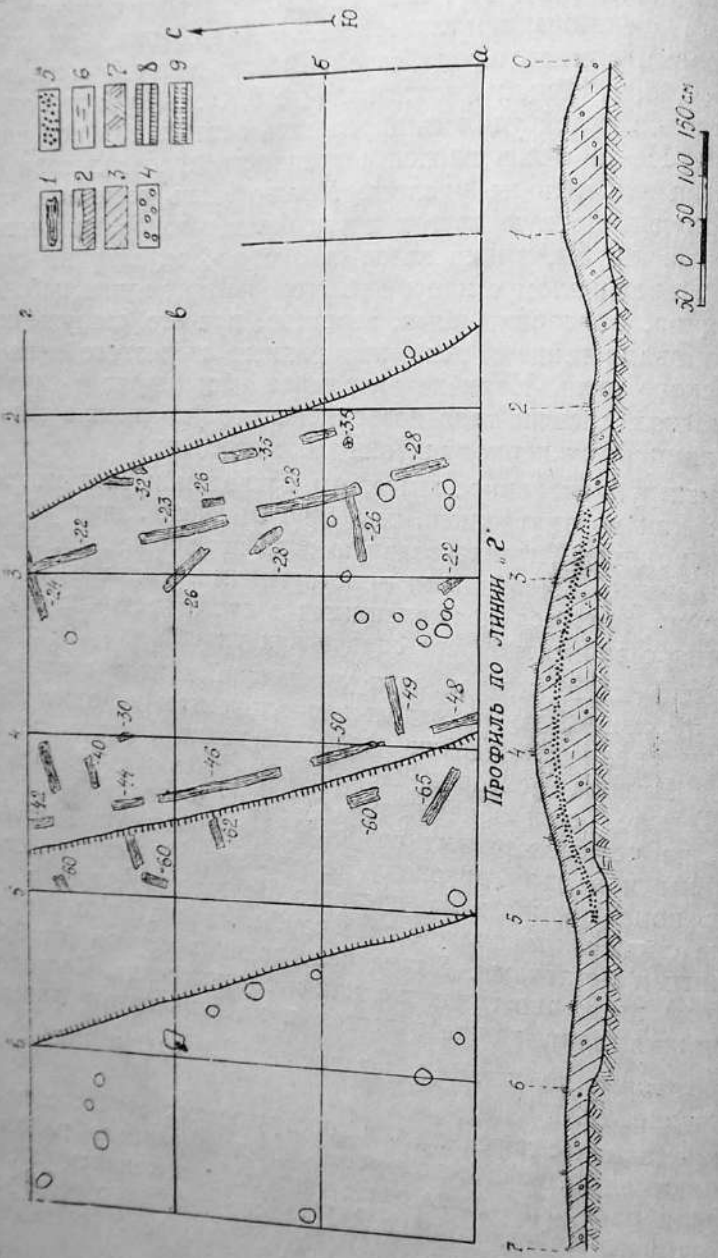


Рис. 11. План и профиль раскопа внешнего вала Титчихинского городища: *1* — дерево, *2* — гумус, *3* — чернозем, *4* — мел, *5* — угольки, *6* — глина, *7* — материк, *8* — вал, *9* — ров

В этом районе славянской земли это были самые восточные поселения, которым постоянно угрожали набеги кочевников.

Картографирование расположения остатков укреплений (см. рис. 1) позволяет говорить, что их сооружали лишь в тех местах, которые подвергались наибольшей опасности. Городища идут как бы цепью по правому берегу Дона до впадения в него р. Воронеж и далее вверх по р. Воронеж. Небезынтересно отметить, что там же, где сооружало свои крепости древнерусское население, позднее, во время строительства Белгородской черты, были воздвигнуты укрепления. Исследователь Белгородской черты В. П. Загоровский указывает, что караульные острожки стояли «на Черкасской поляне», почти против устья речки Хворостани, где-то в районе городища Титчиха, «на Голышевском старом городище»[18]. Важным укреплением на пути татар был монастырь в с. Боршево, городок Костенск и т. д.[19] При строительстве Белгородской черты особенно тщательно укреплялись те места, где проходили пути татар при их движении на русские земли. Не исключена возможность, что татары двигались по путям, проторенным кочевниками в предшествующие столетия.

Помимо городищ, в верхнем Подонье известно в настоящее время более трех десятков неукрепленных селищ. Среди них можно выделить два типа: поселения, примыкающие к городищам, и поселения, существующие вне связи с городищами. Поселений первого типа два. Это селища возле Малого и Большого Боршевского городищ. На обоих проводились небольшие рекогносцировочные раскопки. По характеру материала и типам раскопанных здесь построек эти селища не отличаются от городищ, возле которых они находятся. Есть все основания считать, что они образовались в результате роста населения на городищах.

Селища второго типа открыты преимущественно по притокам Верхнего Дона: Снове, Быстрой Сосне, Воронежу, Красивой Мече, Ворголу. Как мы видим, все они расположены в хорошо защищенном городищами районе верхнего Подонья (см. рис. 1). Ни на одном из них раскопки пока не производились. Однако, насколько можно судить по данным разведки, насыщенность слоев на них очень слабая.

Мы видели, что поселения отличаются друг от друга не только наличием укреплений на них, но и размерами. Наряду с такими большими городищами, как Титчиха, которые насчитывали до сотни западин — остатков полуземляных жи-

лищ, имеются и такие, где жилищ было, вероятно, немногим более десятка (Малое Боршевское городище). Естественно, что место этих поселений и их значение были различными. Если городище Титчиха являлось важным форпостом на южной границе славянских донских поселений, то Малое Боршевское городище представляется нам лишь выселком с Большого Боршевского городища. Разным был на различных поселениях и уровень развития хозяйства, но все же все эти поселения с точки зрения их социально-экономической характеристики могут быть названы не городами — центрами ремесла и торговли, а поселениями сельского типа.

Однако, если посмотреть на большинство из этих поселений глазами их современников, то они назвали бы их городами, поскольку большинство из них были укреплены. «Повесть временных лет» для IX—X вв. называет 23 русских города. Но, как справедливо отметил М. Н. Тихомиров, этот перечень далеко не полный [20]. Видимо, отсутствие в летописи упоминания о городах на Верхнем и Среднем Дону еще не свидетельствует о том, что их там не было.

Небезынтересно было бы попытаться найти в письменных источниках названия «городов» по Верхнему и Среднему Дону. Исследователи уже давно обратили внимание на город Вантит (Ва. т., Вабнит) в сочинениях арабских авторов. Этот город и Ибн Русте, и Гардизи, и «Худуд ал-Алам» располагают на восточной окраине славянского мира. Ибн Русте пишет, что Ва. т. находится «в самом начале пределов славянских» [21]. Гардизи отмечает, что «...на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит» [22]. В «Худуд ал-Алам» также читаем: «Вабнит — первый город на востоке страны славян» [23].

В литературе высказывались различные предположения по поводу того, где следует искать этот город. Назывались Краков (Д. А. Хвольсон), Киев (А. Я. Гаркави). Если версия о Вантите — Кракове не нашла поддержки, то мнение о том, что Вантит — это Киев, разделяется и некоторыми советскими исследователями, в частности А. П. Новосельцевым [24]. Поскольку источники указывают на Вантит как на город, расположенный на восточной окраине славянских земель, то вряд ли это был Киев, который лежит сравнительно далеко от восточной границы славянского мира. Этот город следует искать где-то на берегах Дона и Воронежа, где находился самый восточный рубеж славянской земли. К этому же заключению пришел и Б. А. Рыбаков, который, правда, считал, что городом Вантитом, возможно, было Михайловское городище на р. Воронеж. Он отмечает при этом, что это было городище, которое по периметру оборонительного вала (свыше 2 км) равнялось одному из крупнейших городов Волжской Болгарии — Сувару [25]. Это городище действительно большое, но все же далеко не столь велико, как, допустим, г. Сувар. В определение размеров вала Б. А. Рыбаковым вкралась ошибка. Его протяженность не свыше 2 км, а лишь несколько более 500 м. Кроме того, не исключена возможность, что эти наружные укрепления, так же, как, например, на Архангельском городище, были возведены не славянами, а в эпоху раннего железного века, ибо остатки культуры этого времени на городище имеются. Мы понимаем, что, включаясь в поиски города, который можно было бы назвать Вантитом, высказываем не более, чем очередную гипотезу. Но все же в этом плане нам бы хотелось указать на действительно большое, лучше других укрепленное поселение, которое располагается на южной окраине изучаемого нами района. Это городище Титчиха. Возможно, прав Б. А. Рыбаков, который считает, что клети без очагов вдоль внутреннего вала могли быть своего рода караван-сараем для гостей с товарами [26]. На других поселениях в Подонье подобные клети встречены не были. Все это позволяет высказать предположение, что городище Титчиха могло быть знакомо купцам, и этот город на восточной окраине земли славян мог попасть в поле зрения арабских авторов.

§ 2. Жилища и хозяйственные постройки

Мы располагаем остатками ста жилищ, раскопанных на городище Титчиха, Малом и Большом Боршевских, Кузнецовском, Михайловском городищах и на селище возле Малого Боршевского городища. От жилищ на всех исследованных поселениях сохранились углубленные в материк котлованы. Благодаря тому, что грунт, в котором были вырыты нижние части жилищ, как правило, плотный, котлованы в большинстве своем не потеряли первоначальной формы. Хорошо сохранились отвесные стены, закругленные углы, пол. Их площадь — от 10 до 28 м². В полу котлованов отчетливо прослеживаются столбовые ямки, возле стен во многих жилищах имеются остатки обгорелого дерева от облицо-

ки. Почти в каждом жилом доме встречены остатки печей или очагов. К сожалению, этих данных недостаточно для полной реконструкции жилищ. Одни детали их устройства могут быть восстановлены с большей определенностью, о других придется говорить лишь предположительно.

Жилые постройки были однокамерными. На основании местоположения остатков дерева и пристенных столбовых ям в жилищах древнерусского населения на Дону представляется возможным выделить два основных типа полуземляных жилищ: 1) жилища, при сооружении деревянного каркаса которых применялась столбовая конструкция; 2) жилища со срубом. Типы деревянных каркасов у домов особенно четко выделяются на городище Титчиха (табл. 1). Столбовая конструкция прослеживается в 21 полуземлянке. Она характеризуется столбовыми ямками по углам, а также по одной и более — у середины стены (для опоры матицы крыши) (рис. 12, 13). При этом ямки располагались иногда вплотную к материковым стенам или на незначительном расстоянии от них. Плахи были либо врезаны в столбы, либо заложены за них со стороны материковых стен. При второй системе облицовки между материковой и деревянной стенами нередко встречается забутовка.

Срубная конструкция имела место также в 21 полуземлянке. В этих жилищах отсутствует какая-либо закономерность в расположении столбовых ям, за исключением тех, которые предназначались для столбов, поддерживающих матицу крыши (рис. 14, 15). Примерный диаметр сохранившихся бревен, из которых был срублен сруб, — 10—15 см.

Во всех жилищах, которые просуществовали до конца жизни поселений, имеются печи. По материалу, из которого сложены печи, их можно разделить на пять типов: печи из камней; из глины и камней; из глины; печи, при сооружении которых наряду с другими материалами частично использован материк; и печи, сооруженные только из материкового грунта.

На славянских поселениях Подонья наиболее распространенным типом печей были печи, сложенные либо только из камней, либо из камней и глины. Обращает на себя внимание тот факт, что соотношение подобных печей на различных городищах неодинаково. На Большом Боршевском городище преобладали печи из камня (табл. 2). То же можно сказать и о Кузнецовском городище, в то время как на городище Тит-

Таблица 1

Устройство жилищ на городище Титчиха

Группа	№ жилища	Печи: из камня	Печи: из камня и глины	Печи: глиняные	Печи: с остатком	Система облицовки: столбовая	Система облицовки: срубная	Следы пожара	Датирующие находки
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I	9	+				+		+	лимоновидная бусина и пятилучевое кольцо
	10	+				+		+	
	22	+				+			
	24	+				+			
	38	+				+			
	39	+				+			
	41	+				+			
	17	+					+		
	28	+					+		
	30	+					+		
II	2		+			+		+	лимоновидная бусина
	3		+			+		+	
	4		+			+			лимоновидная бусина, клад монет первой четверти X в. (позднее 923 г.)
	5		+			+			
	6		+			+			
	7		+			+			
	8		+			+			
	11		+			+			
	15		+			+			
	16		+			+			

Окончание табл. I

	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
III	42	—	+	—	—	—	+	—	+	
	43	—	+	—	—	—	—	+	+	
	45	—	+	—	—	—	+?	—	+	
	46	—	+	—	—	—	+	—	+	
	14	—	+	—	—	—	—	+	+	
	19	—	+	—	—	—	—	+	+	
	20	—	+	—	—	—	—	+	+	
	23	—	+	—	—	—	—	+	+	
	26	—	+	—	—	—	—	+	+	
	29	—	+	—	—	—	—	+	+	
	31	—	+	—	—	—	—	+	+	
	32	—	+	—	—	—	—	+	+	
	33	—	+	—	—	—	—	+	+	
	35	—	+	—	—	—	—	+	+	лимоновидная бусина
	36	—	+	—	—	—	—	+	+	
	27	—	+	—	—	—	—	+	+	
IV	12	—	—	+	—	—	+	—	+	
	13	—	—	+	—	—	—	+	+	
V	25	—	—	—	—	+	—	+	+	
	21	—	—	—	—	+	—	+	+	
VI	37	печи нет				—	—	+?	—	
	44	печь?						+	—	
	34	очаг						?	+	

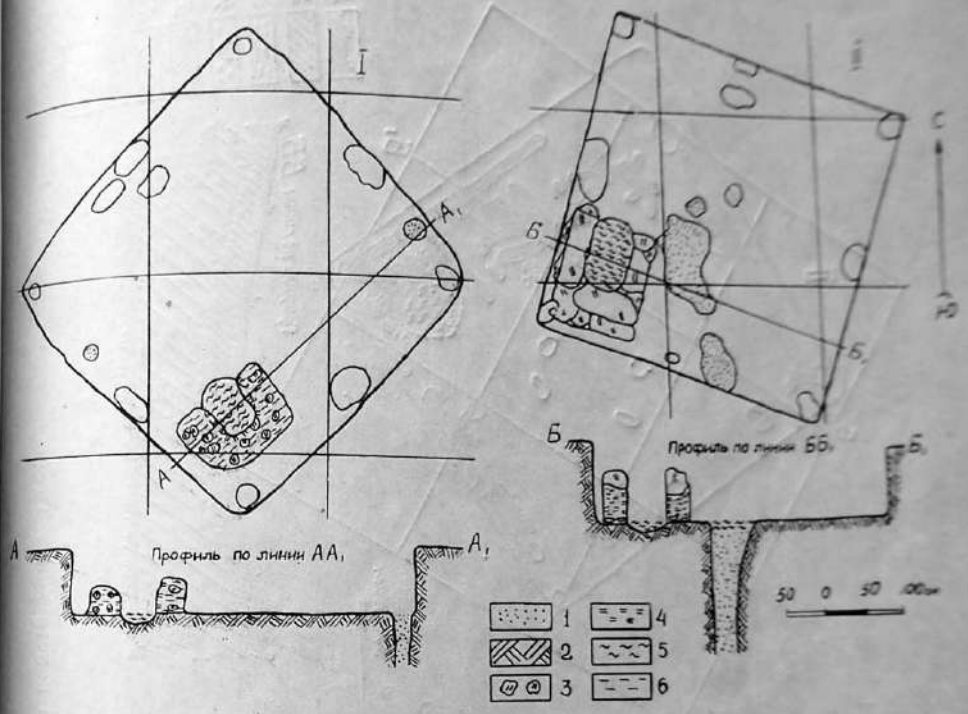


Рис. 12. Планы и профили жилищ со столбовой конструкцией Титчихинского городища: I — жилище 2; II — жилище 6.

1 — песок, *2* — материк, *3* — камни, *4* — обожженная глина, *5* — зола, *6* — глина

чиха наиболее многочисленным являются печи из глины и камней (см. табл. 1). Все печи-каменки оказались разрушенными. Для их сооружения использовались либо песчаник, либо известняк. Камни почти всегда имели естественную форму. Их размеры, как правило, невелики (16 см × 18 см, 18 см × 20 см). Поды печей овальной, реже — округлой формы, углубленные в материк на 5—25 см. Ширина подов — от 48 до 80 см, длина — от 74 до 100 см, диаметр округлых подов — 80—85 см. Лишь в одной печи (полуземлянка 28 на городище Титчиха) основание пода было обмазано слоем глины. В остальных печах поды не имели никаких подмазок.

Печи из камней и глины, кроме городища Титчиха, встречены и в отдельных жилищах на других поселениях. Высота стенок печей до 50 см, толщина 20—40 см. В основании их были поды овальной или округлой формы. По своему устрой-

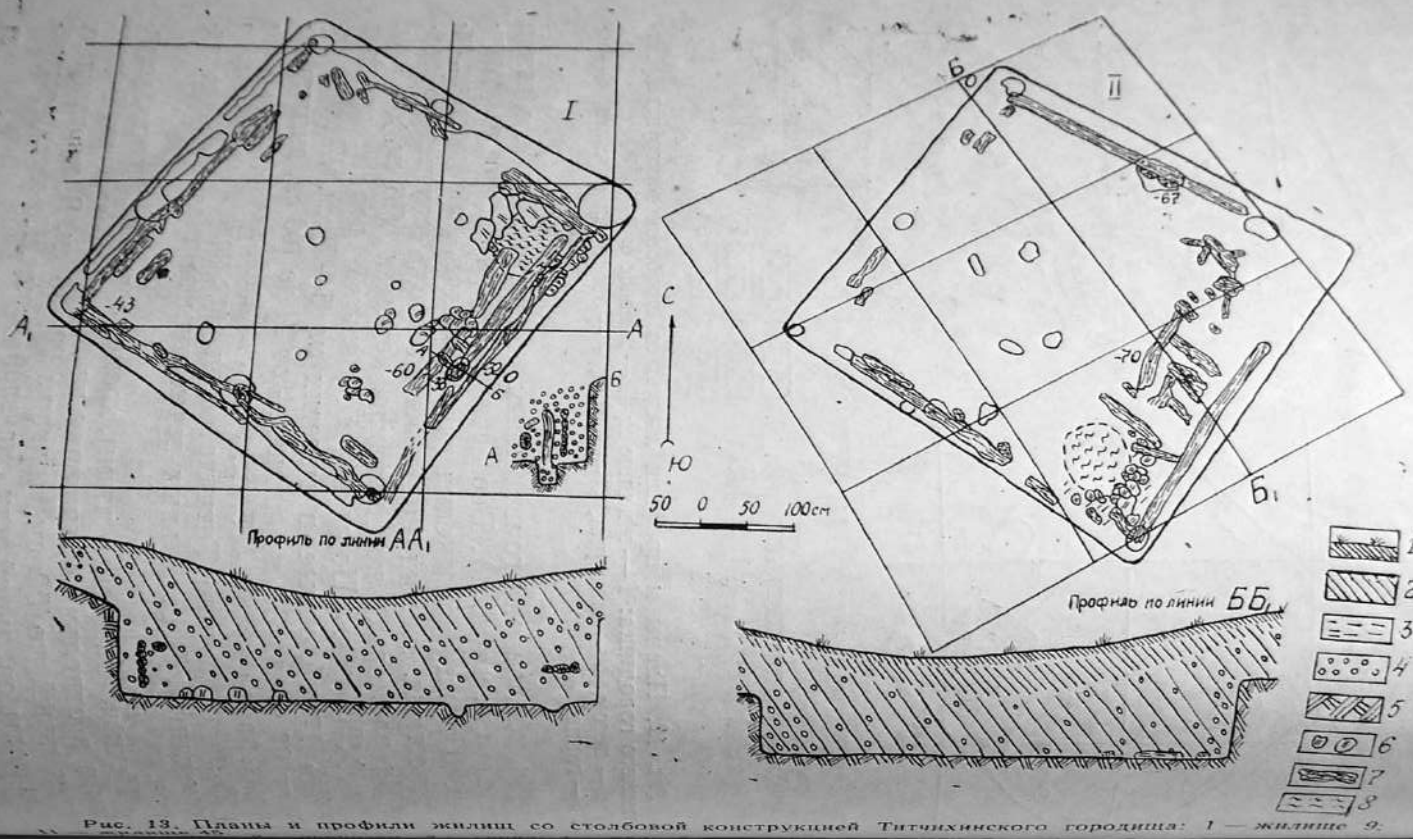


Рис. 13. Планы и профили жилищ со столбовой конструкцией Титчихинского городища: 1 — жилище 9;

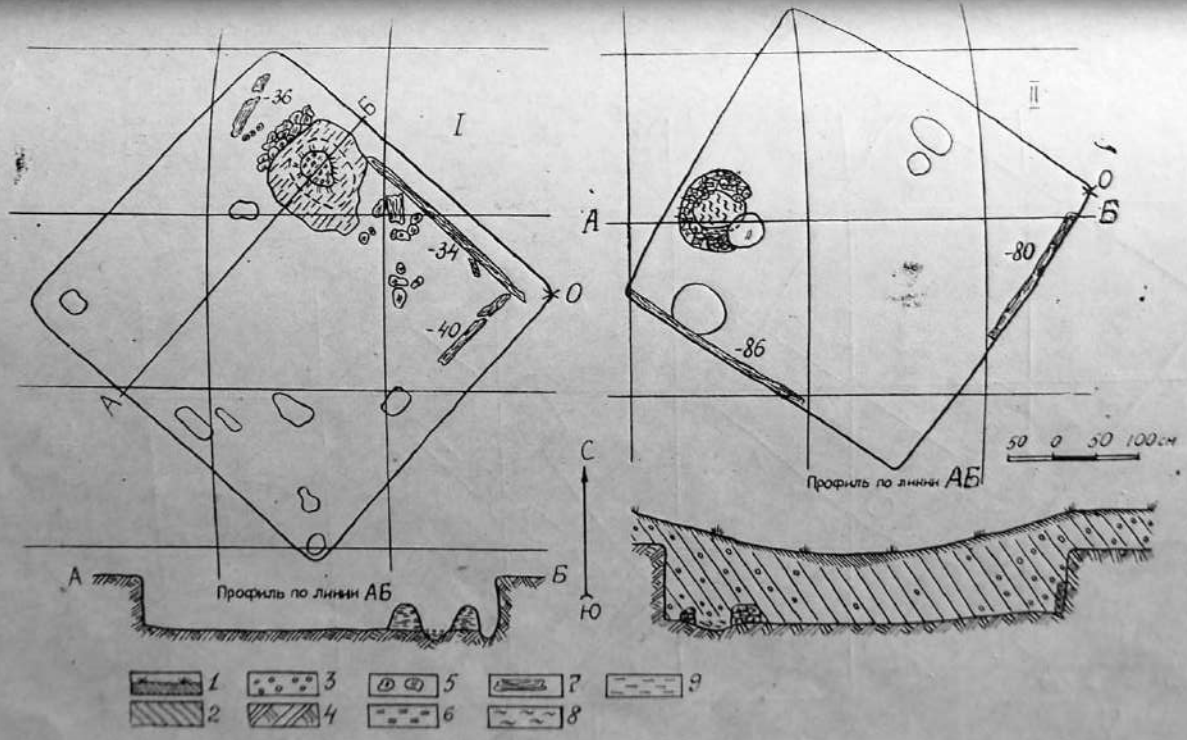


Рис. 14. Планы и профили жилищ со срубной конструкцией Титчихинского городища: I — жилище 13; II — жилище 31.

1 — гумус, *2* — чернозем, *3* — мел, *4* — материк, *5* — камни, *6* — обожженная глина, *7* — дерево, *8* — зола, *9* — глина

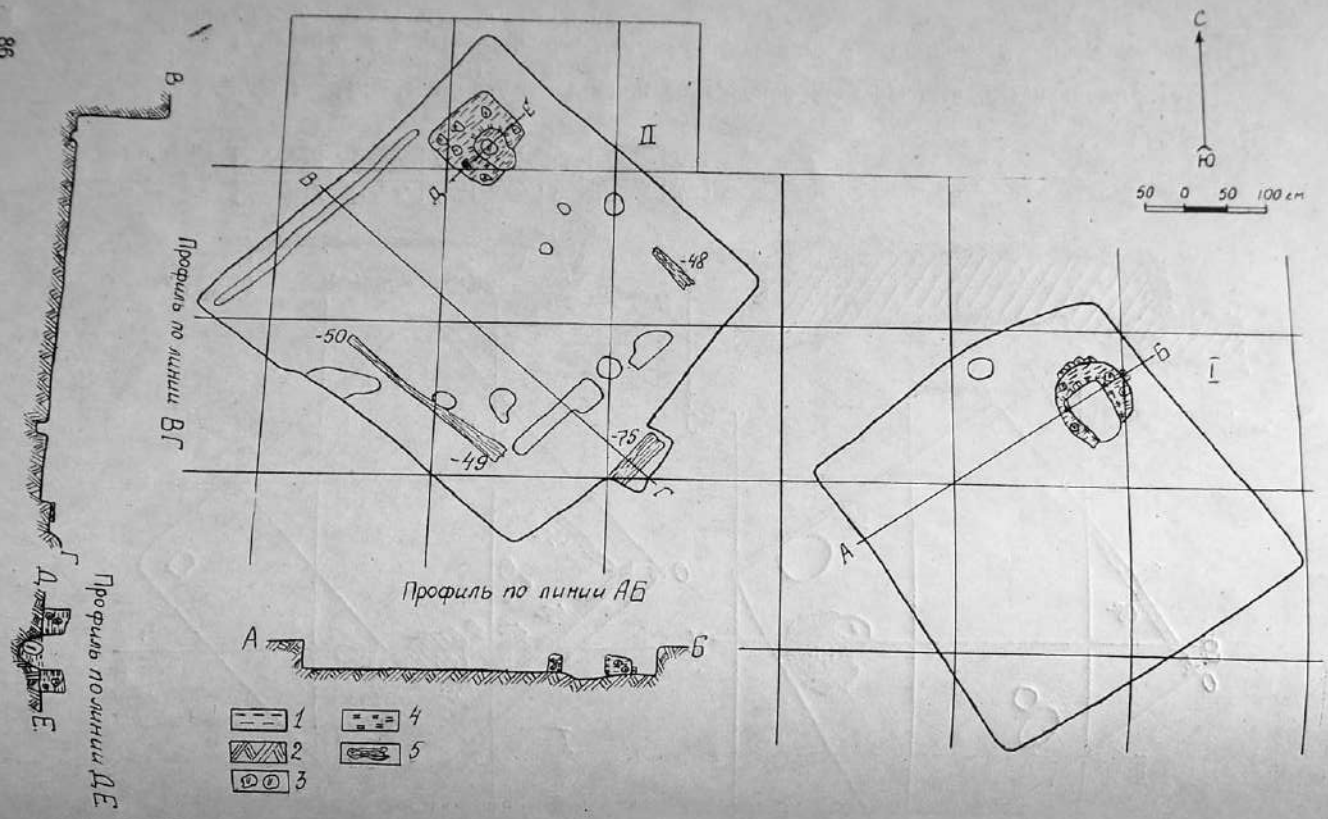


Рис. 15. Планы и профили жилищ со срубной конструкцией городища Титчиха: I — жилище 14; II — жилище 20.
1 — глина; 2 — материк; 3 — камни; 4 — обожженная глина; 5 — дерево.

Таблица 2

Устройство жилищ на Большом Боршевском городище

Группа	№ жилища	Печи: из камня	Печи: из камня и глины	Печи: глинобитные	Печи: частично с останцом	Печи: из материка	Очаг	Система облицовки: столбовая	Система облицовки: срубная	Следы пожара	Датирующие находки
I	2	+	—	—	—	—	—	+	—	—	
	3	+	—	—	—	—	—	—	?	—	
	15	+	—	—	—	—	—	+	—	—	
	21	+	—	—	—	—	—	+	—	+	
	22	+	—	—	—	—	—	+	—	—	амфора VIII—IX вв.
II	7	—	—	—	—	—	+	+	—	—	
III	1	—	+	—	—	—	—	—	+	+	амфора VIII—IX вв.
	5	—	+	—	—	—	—	—	+	+	венгерск. бляшка IX—X вв.
	8	—	+	—	—	—	—	—	+	+	
IV	12	—	—	—	+	—	—	+	—	—	подражание дирхему 913—914 г.
	18	—	—	—	+	—	—	+	—	—	
	19	—	—	—	+	—	—	+	—	—	
V	9	—	—	—	—	+	—	+	—	+	амфора VIII—IX вв.

ству эти печи неодинаковы. Одни из них сложены из глины и мелких камней песчаника. У других печей основу составлял глиняный остов, который снаружи, а иногда и изнутри был обложен камнями песчаника. Камни образовывали и своды печей. У некоторых из этих печей были, кроме того, и свои особенности. В полуземлянке 6 с городища Титчиха глиняный остов покоился не на полу, а на выкладке из меловых камней неправильной формы. В полуземлянке 33 этого же городища из глины была выложена лишь задняя стенка, боковые стенки, так же, как и свод, были из камней песчаника. В печи из полуземлянки 23 того же городища при сооружении стенок к глине было примешано небольшое количество не только камней песчаника, но и черепков посуды. Печь из полуземлянки 1 с Большого Боршевского городища была возведена на глиняной площадке. Задняя ее стенка полностью сложена из камней правильной формы, а устье ее выложено крупными плоскими валунами [27]. Сходным было устройство и печи в полуземлянке 8 этого же городища [28].

Печи, сложенные только из глины, встречены лишь в двух полуземлянках на городище Титчиха (12 и 13). Они сооружались из глины без каких-либо примесей, и лишь за их задней стенкой была выкладка из небольших камней песчаника. Устройство этих печей не похоже на глиняные печи городищ роменского типа, где они вырезались в материке [29]. Отличаются они и от синхронных им глинобитных печей из Саркела-Белой Вежи, в основании которых были деревянные колья [30]. Подобное устройство печей вообще довольно редко. Иногда они встречаются уже в древнерусское время. В качестве примера можно привести печи из «Малого городка» летописного Городеска [31]. Там они также были сооружены без деревянной основы.

Так же редко встречаются на древнерусских поселениях на Дону и печи четвертого типа, при сооружении которых частично использовался материк. Две такие печи встречены на городище Титчиха (см. табл. 1) и три на Большом Боршевском городище (см. табл. 2). Все они оказались разрушенными. В трех полуземлянках при сооружении печей использовался меловой останец, а в одной — останец из глины. Недостающие части стенок возводились из камня или из камня и глины.

Печь, вырезанная целиком в материковом грунте (пятый тип), встречена лишь в одной из полуземлянок Большо-

го Боршевского городища. Эта печь была вырублена в мелу. От нее сохранилось очажное блюдце (60×76 см, глубина — около 8 см), с трех сторон ограниченное меловыми стенками высотой до 40 см [32].

Возникает вопрос, почему на одном и том же поселении печи были сложены из разных материалов. И. И. Ляпушкин считал, что различие в устройстве печей объясняется исключительно условиями, «... в которых данные жилища сооружались, — в зависимости от наличия строительных материалов. В Новотроицком поселении материковая глина, в которой вырезается нижняя, углубленная часть жилища, является прекрасным материалом для сооружения из нее печей, она пластична и огнеупорна. В условиях Большого Боршевского городища котлованы жилищ вырезались в мелу — материале, непригодном для устройства печей; вот почему там сооружались печи-каменки» [33].

Однако, как показали раскопки древнерусских поселений на Дону, выбор материала для сооружения печей не всегда определялся только его наличием. На городищах в одинаковых природных условиях одни жители делали печи только из глины, другие — из камней и глины, третьи — только из камней, четвертые — при сооружении печей использовали материк, пятые делали печи целиком из материка. Это, на наш взгляд, может быть объяснено, во-первых, определенной традицией, сложившейся в данном районе, во-вторых, хронологическим фактором и, наконец, возможно, этнографическими различиями населения исследуемых городищ.

Наряду с печами на изучаемых нами поселениях изредка встречались и очаги. От печей они отличались не только тем, что у них очажное блюдце не было углублено в материк, но также и более примитивной конструкцией стенок. О наличии очага можно было судить лишь по зольному пятну и иногда нагромождению камней возле него. Такие очаги встречены на городище Титчиха, на Большом и Малом Боршевском, на Кузнецковском и Михайловском городищах.

Одновременное существование на одном поселении печей и очагов известно и на других славянских поселениях как на территории нашей страны [34], так и за рубежом [35]. Встречаются подобные очаги и на поселениях салтово-маяцкой культуры [36]. Следует отметить, что эта наиболее примитивная форма отопительного сооружения не характерна для славянских

жилищ. В салтово-маяцких она встречается значительно чаще.

Печи и очаги обычно располагались в одном из углов, реже — возле одной из стен полуземлянки, но также ближе к углу. Из 70 известных сейчас жилищ, где сохранились печи, в 55% случаев они находились в северной половине жилища, в 16% полуземлянок — в западном или восточном углах и в южной половине — в 29% жилищ.

Таким образом, на славянских поселениях Подонья, очевидно, преобладали дома, где печи располагались в северной половине. То же наблюдается и у славян других районов. Так на Опошнянском городище в 72% раскопанных жилищ печи находятся в северной половине, в 21% — в восточном углу и лишь в 7% — в южной части дома. Однако на изученном полностью Новотроицком городище в северной половине дома печи располагаются в 40% жилищ, в 48% полуземлянок они находятся в южной половине, и лишь в 12% жилищ печи располагаются в западном или восточном углах.

Для реконструкции наземной части полуземлянок мы располагаем незначительными данными. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков считали, что «вырубленные в мелу ямы являлись лишь основанием жилищ. В среднем наземные части стен возвышались на 50 см, в тех же случаях, когда ямы были неполными, стены целиком выходили на поверхность». При этом они отмечали, что если у полуземлянок со срубом легче представить себе их наземную часть, то в жилищах с досчатыми стенами наземная часть, вероятно, «чаще всего делалась плетневой» и снаружи засыпалась «толстым слоем земли, вернее, меловой щебенки, которая служила не только для отепления жилища, но и способствовала лучшей сохранности дерева» [37].

И. И. Ляпушкин, изучивший большое число полуземлянок на Новотроицком городище, предлагает несколько иную реконструкцию наземной части жилищ. Он считает, что высота жилищ увеличилась не за счет высоты стен, а за счет крыши, которая опиралась, с одной стороны на сохи, а с другой — на края ямы полуземлянки, допуская при этом, что у срубных жилищ стены сруба могли подниматься выше котлована, но и в этом случае края крыши перекрывали стены и также опирались на землю [38].

Раскопки послевоенных лет не дали каких-либо новых материалов для определенного ответа на этот вопрос. Нам

представляется, что в полуземлянках, котлованы которых были неглубокими, высота жилища определялась высотой не только крыши, но и стен. Маловероятно, чтобы сруб, возвышавшийся над такими котлованами, был полностью скрыт под крышей. Что представляла собою наземная часть домов, облицованных досками-плахами, сказать трудно. Однако вряд ли это был плетень. Никаких данных для этого нет.

Не менее сложным является вопрос о форме крыши. Прежние исследования городищ боршевского типа позволяли прийти к заключению, что крыша в полуземлянках была деревянной, невысокой, двускатной. Ее матица укреплялась на двойных опорных столбах [39]. Последующие раскопки подтвердили ранее сделанное наблюдение, свидетельствовавшее о том, что древнерусское население Подонья крышу над полуземлянками всегда сооружало только из дерева. Для перекрытия ни разу не были использованы ни камыш, ни солома, как это, например, было на Новотроицком городище или в жилищах Старой Рязани [40].

Кроме крыш двускатной формы, которые были характерны и для полуземлянок, раскопанных в последние десятилетия, встречены также полуземлянки, перекрытые односкатной и четырехскатной крышами. О наличии перекрытий подобных форм позволяют судить остатки опорных столбов или столбовых ямок. Как показали раскопки некоторых полуземлянок с городища Титчиха, в них не было той закономерности в местоположении опорных столбов, которое характерно для двускатной крыши. В жилищах с односкатными крышами ряд ям для опорных столбов, поддерживавших крышу, располагался вдоль одной из стен. Наличие четырехскатного перекрытия особенно наглядно прослеживается в полуземлянке 23. Здесь крыша опиралась на четыре угловых столба. Четырехскатные крыши были встречены и на других древних славянских поселениях [41].

В некоторых полуземлянках крыша была обмазана глиной. Крыши, обмазанные глиной, были известны и за пределами боршевской культуры. Они встречены у роменцев [42] и в жилищах XI—XIII вв. древнего Киева [43]. Сверху на крышу наваливалась земля.

Место входа в полуземлянке хорошо определяется в том случае, если сохраняются материковые ступеньки [44], или когда от края жилища до пола в материке вырезался пологий скат, по которому удобно было спускаться [45]. На городищах

боршевского типа лишь в одной полуземлянке (городище Титчиха, полуземлянка 20) были встречены остатки ступенек, вырубленных в материке. В то же время нельзя не обратить внимания на то, что во многих жилищах у стены, примерно против устья печи, находились дополнительные столбовые ямки, не связанные с деревянной облицовкой стен или с крышей. В одних жилищах было по одной, по две, в других — по три и четыре столбовых ямки. Такого рода ямки встречаются и в других жилищах полуземляночного типа. Очевидно, прав В. Д. Белецкий, утверждая, что пространство между этими дополнительными столбами и углом жилища было местом, где находился вход в полуземлянку [46]. В большинстве случаев говорить о месте входа с полной определенностью весьма затруднительно. Однако в тех жилищах, где его удается установить, он, как правило, находится против устья печи. П. А. Раппопорт отмечает, что такое соотношение места входа и печи характерно преимущественно на памятниках до X в. [47]. Заметим, также, что этнографы именно такое расположение входа и печи считают древнейшим и полагают, что оно было распространено в эпоху раннего феодализма на огромной территории расселения восточнославянских (и финских) народов [48].

Пол во всех жилищах был материковый, без каких-либо следов подмазки глиной. Земляные полы типичны для славянских жилищ и в более позднее время. Не случайно у словаков пол назывался zem [49]. В полу жилищ, кроме столбовых ямок, связанных с деревянной конструкцией домов и с устройством печей, встречены ямки другого назначения. В нескольких полуземлянках с городища Титчиха, Малого и Большого Боршевских городищ неподалеку от печей по овалу или по сторонам квадрата располагалось несколько ямок. Нельзя не согласиться с П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым, что в эти ямки устанавливались ножки стола. Иногда вдоль одной из стен полуземлянки прослеживается еще один ряд небольших ямок от столбиков, которые исследователи считали ножками скамьи или лежанки [50]. Следы такого рода скамей или лежанок в виде ямок были обнаружены на Малом Боршевском, Титчихинском и Воргольском городищах.

Наибольшее количество хозяйственных построек, открытых на славянских поселениях Подонья, являются помещениями для хранения продуктов. Наиболее распространенным типом кладовых являются ямы-хранилища. По форме их можно разделить на два типа: округлые и квадратные. Среди округлых есть ямы, у которых диаметр горловины меньше диаметра основания, их принято называть ямами колоколовидной формы; ямы, у которых диаметр горловины и дна одинаков, и ямы, у которых диаметр горловины больше, чем диаметр основания. Ямы квадратной формы встречаются реже, чем округлые. Так, на городище Титчиха, где было раскопано 79 хозяйственных ям, квадратных было лишь пять. И округлые и квадратные ямы небольших размеров и сравнительно неглубокие. Максимальная их глубина около 1,3 м, чаще они были углублены в материк на 0,7—0,8 м.

Горловины ям-хранилищ снаружи закрывались крышками. Над ямами нередко сооружались конические или трехскатные шалаши. Для большей прочности столбики от шалаша устанавливались в ямки, следы которых отчетливо видны в материке. Особенно хорошо они сохранились возле ям 35, 46, 60, 61 и 63 с городища Титчиха.

В ямах хранились различные продукты. В некоторых ямах Большого Боршевского городища сохранились пласты рыбьих костей и чешуя, что позволяет говорить о том, что здесь лежали запасы рыбы. Возможно, в ямах хранились овощи. Многие ямы, вероятно, являлись зернохранилищами.

Хранилища полуземляночного типа на славянских поселениях в Подонье встречаются реже. К настоящему времени известно три таких постройки. Две из них раскопаны на Кузнецовском городище. В обеих обнаружено большое скопление злаков, что позволяет считать эти помещения амбарами. Третья постройка была раскопана на городище Титчиха. Она примыкала к жилищу. Ее размеры невелики (несколько более 2 м²). В этом помещении в горшках хранились какие-то домашние запасы.

Не исключена возможность, что некоторые из наземных сооружений, от которых сохранились лишь столбовые ямки, также использовались как хранилища.

На ранее изученных городищах боршевской культуры (Большое и Малое Боршевские, Кузнецовское и Михайловское) было раскопано около 60 полуземляных построек. При описании жилищ и хозяйственных построек авторы особое внимание уделили их взаимному расположению. По их мнению, для Большого Боршевского городища типичны жилища, соединенные между собой внутренними крытыми переходами. В состав такой компактной группы входили и построй-

ки хозяйственного назначения [51]. Кроме того, на этом поселении встречены и отдельно стоящие жилища. На остальных поселениях раскопаны лишь обособленные жилые и хозяйственные постройки.

Первым, кто, как уже отмечалось выше, усомнился в наличии на Большом Боршевском городище жилищ, соединенных между собою крытыми переходами, был исследователь славянской культуры Днепровского Левобережья И. И. Ляпушкин. На основании анализа чертежей и дневников он, на наш взгляд, достаточно убедительно показал, что никакой системы соединенных между собой жилищ на этом городище не было. Здесь имеются лишь «остатки разновременных, взаимно перекрывающихся жилых и хозяйственных построек» [52].

Наши раскопки послевоенных лет подтвердили правильность заключения И. И. Ляпушкина. На городище Титчиха ни разу не было обнаружено жилищ, соединенных между собой крытыми переходами. Лишь в двух случаях нами были зафиксированы жилища, как бы соединенные между собой: полуземлянки 11, 12 и полуземлянки 21, 27.

Наблюдения в процессе раскопок показывают, что эти как бы соединенные между собою жилища в действительности существовали в разное время, и каждое из них являлось однокамерной постройкой (рис. 16). Более ранней была полуземлянка 11. Жители покинули ее еще до того, как прекратилась жизнь на поселении в целом. Об этом свидетельствует отсутствие в этой полуземлянке следов пожара (обгорелого дерева). Вскоре эта заброшенная постройка была превращена в мусорную яму, и большая ее часть засыпана меловой щебенкой. Не исключено, что полуземлянка 11 была засыпана грунтом, который вынимали из котлована при сооружении полуземлянки 12. Полуземлянка 12 сгорела во время гибели поселения.

Жилища 21, 27 были вырыты в глине. Уровень пола полуземлянки 21 на 0,15 м ниже уровня пола полуземлянки 27 (рис. 17). Полуземлянка 21 частью юго-восточной стенки и юго-западным углом заходила на площадь полуземлянки 27, в результате чего образовался «проход» шириной в 1 м 80 см. Судя по ряду признаков (отсутствие четкой западины над землянкой 27, разное их заполнение, наличие обгорелого дерева лишь в одной из них (21), можно заключить, что эти полуземлянки, как и 11 и 12, являются разновременными.

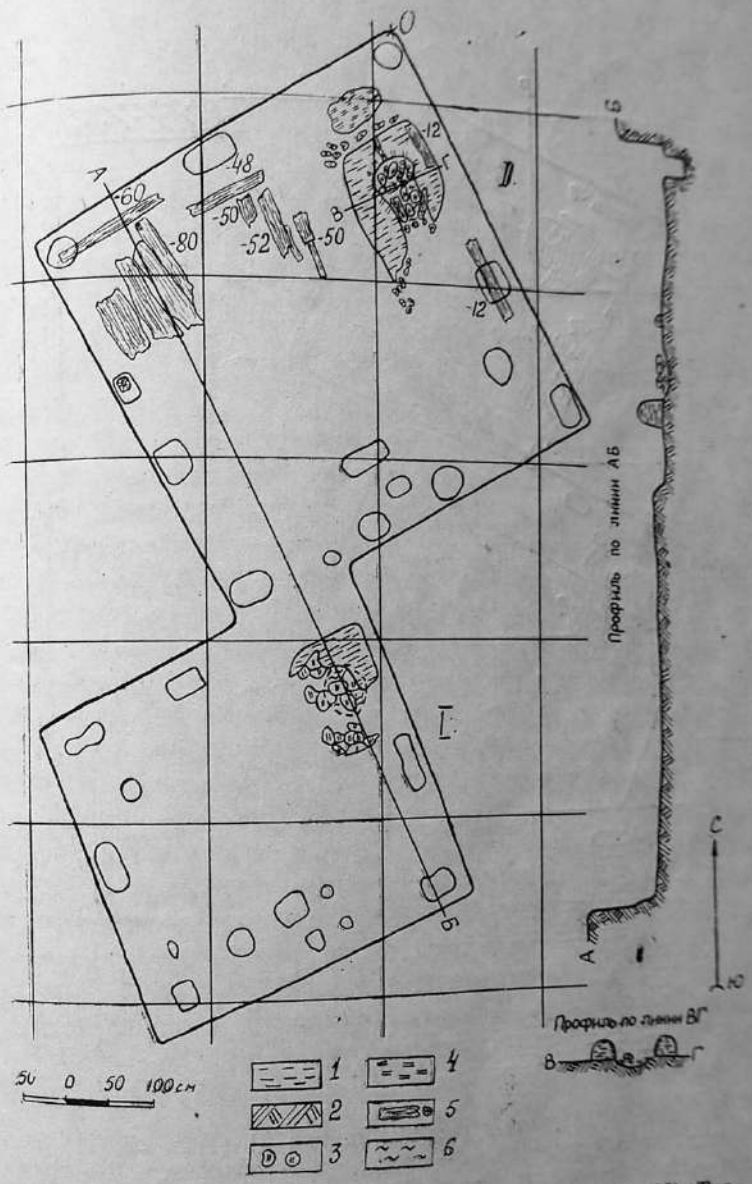


Рис. 16. Планы и разрезы жилищ 11 (I) и 12 (II) Титчихинского городища: *1* — глина, *2* — материк, *3* — камни, *4* — обожженная глина, *5* — дерево, *6* — зола

Сравнивая пары этих как бы соединенных между собою жилищ, можно отметить некоторые общие черты: и в том

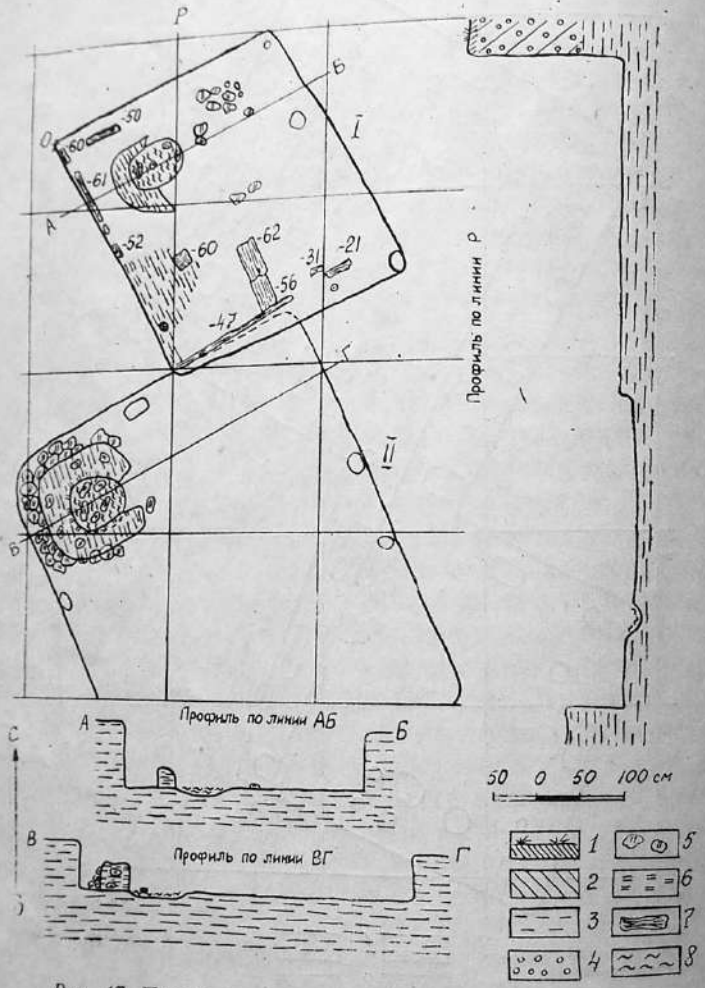


Рис. 17. Планы и разрезы жилищ 21 (I) и 27 (II) Титчихинского городища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — глина, *4* — мел, *5* — камни, *6* — обожженная глина, *7* — дерево, *8* — зола

и в другом случае грунт, заполнявший заброшенное жилище, отличался от грунта, заполнявшего жилище, функционирующее дольше; в заброшенных жилищах не было остатков обгоревшего дерева. После того как жилища были заброшены,

их использовали в качестве мусорных ям. На подобное использование заброшенных жилищ на «Малом городище» указывает и Р. И. Вышежев [53].

Каждый дом представлял собою самостоятельную хозяйственную единицу. Нередко возле жилища располагались хозяйственные ямы-погреба, мусорные ямы и наземные хозяйственные постройки. Размеры хозяйственных помещений невелики. Они предназначались для удовлетворения потребностей лишь одной небольшой семьи. Обособленность отдельных семей особенно наглядно видна в том случае, когда жилище и хозяйственные постройки огораживались забором, как это наблюдалось нами на Титчихинском городище.

Славяне в конце I тысячелетия н. э. осваивали Верхнее и Среднее Подонье фактически заново, поскольку в ту пору здесь, судя по археологическим данным, не было никакого населения. Появление на Дону славянских переселенцев в какой-то мере можно сравнить с колонизацией. Эта колонизация не была реализацией определенной политики государства, заселение этих мест проходило стихийно. Естественно, что поселенцы стремились выбирать для жизни места, наиболее удобные во всех отношениях: для развития земледелия, для занятия различными промыслами, максимально защищенные от внезапного нападения врагов, и, наконец, расположенные вблизи от удобных путей сообщения, которыми в ту пору в первую очередь были реки. Вряд ли можно представить себе этих переселенцев в виде отдельных «робинзонов», людей, которые в одиночку осваивали эти места. По всей видимости, здесь мы имеем картину, аналогичную той, которую зафиксировали этнографы в Закарпатье. В с. Крайниково в Закарпатье в качестве одних из первых переселенцев называют шесть братьев Ковчар, которые явились родоначальниками нынешних 26 семейств [54]. Братья, представляющие мужской состав отдельных семей, объединялись для того, чтобы добраться на новые места и начать там новую жизнь. Вслед за «первопроходцами» сюда переселялись и их семьи. Для каждой семьи сооружалась своя полуземлянка. Такая семья вела хозяйство самостоятельно. Однако, говоря о хозяйственной самостоятельности отдельных семей, нельзя не учитывать, что в условиях жизни в новых местах, на окраинах, где кочевники постоянно угрожали этим поселенцам, родственные семьи, а также просто соседи неизбежно должны были находиться в значительно больших контактах, чем

в истари обжитых, глубинных районах. Безусловно, коллективно приходилось готовить первые поля под посев, устраивать жилье, возводить укрепления. Здесь в большей степени, чем в давно обжитых местах, поддерживались родственные традиции и само родство. Мы не можем определенно говорить о наличии у донских славян патронимии, так как не располагаем даже минимальными письменными источниками. Но все-таки некоторые наблюдения, сделанные по имеющимся в нашем распоряжении археологическим материалам, перекликаются с теми чертами, которые характерны для патронимии. Так, одна из особенностей патронимии проявляется в расположении группами жилищ родственных семей. Такое явление отмечают А. Я. Ефименко и М. В. Владимирский-Буданов для Полесья XVI в. Они указывают, что «дворища» состояли из 5—11 [55], 6—8 [56] индивидуальных семей. Сябры составляли группу из 3—20 дворов, причем преобладающими были группы от 3 до 8 дворов [57]. У закарпатских украинцев принцип расселения патронимий особенно наглядно можно увидеть на примере с. Сокырница. В этом же селе фамилия Сабадаши живет на двух улицах и, кроме того, разбросана по другим частям села; Монычи живут только в восточной части села; Иванычи населяют половину одной из центральных улиц [58]. Подобные компактные поселения отдельных групп родственников, выделившихся посредством сегментации семейной общины, отмечает и Р. Харадзе — исследователь грузинской семейной общины. На одной из приведенных в его работе таблиц дается интересная схематическая реконструкция квартала Хригине в сел. Сулари [59], где отчетливо представлена планировка домов в патронимии. Сходную картину отмечает и исследователь молдавских семейных отношений. В Молдавии источники XV—XVII вв. позволяют выделить так называемый кут, который обладал некоторыми чертами патронимических поселков. Кут насчитывал до десяти дворов. Один кут составлял половину, треть или четверть села [60].

Таким образом, родственные семьи, входившие в состав одной патронимии, селились, как правило, не только поблизости друг от друга, но и нередко занимали как бы свой, отдельный участок поселения. Мы так подробно остановились на этой черте патронимии потому, что и на некоторых славянских поселениях Подонья в расположении жилищ, вероятно, можно было наблюдать в какой-то степени сходную картину. В качестве примера приведем Титчихинское городи-

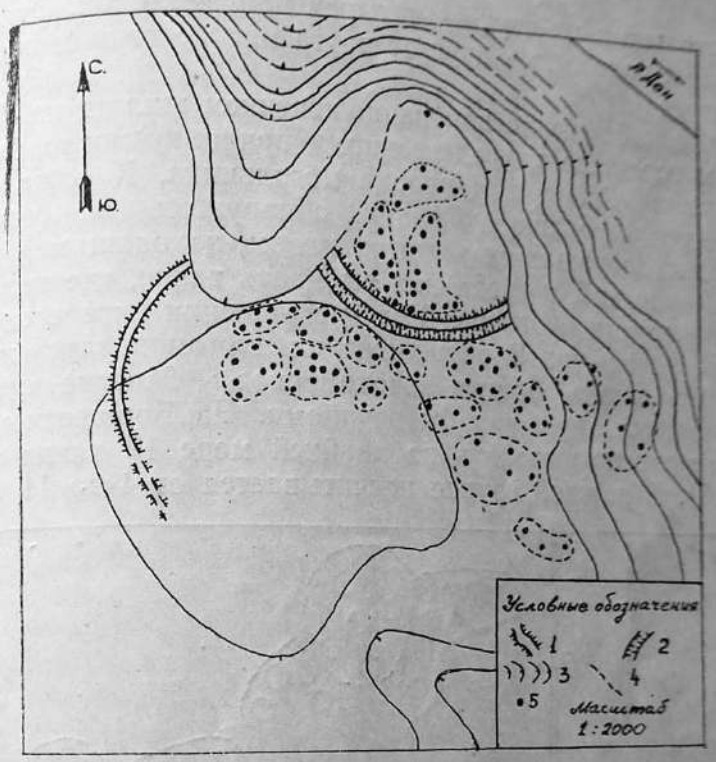


Рис. 18. План расположения западин от жилищ на Титчихинском городище; *1* — вал, *2* — ров, *3* — горизонтали, *4* — границы отдельных групп западин, *5* — западины

ще, где была достаточно большая площадь для того, чтобы размещать постройки по желанию их владельцев. Мы имеем план расположения западин, которые, как показали раскопки, образовались на месте разрушившихся еще в древности жилищ (рис. 18). На восточной окраине плато можно наметить по крайней мере семь групп жилищ, составляющих определенные звенья. Число жилищ в каждой группе — от трех до десяти (три, пять, пять, четыре, шесть, четыре, десять). Такие же группы можно отметить и для западной части плато. Здесь выделяются группы в пять и шесть западин. Расстояние между такими группами 10—30 м. Что касается расположения жилищ на мысу, то эта часть поселения как бы делится на две половины, и в каждой из них, в свою очередь, можно выделить отдельные группы. Аналогичная картина отмечается в урочище Луг I. Там так же, как и на Титчихинском городище, жилища располагались как бы гнезда-

ми, состоящими из двух — четырех полуземлянок. Эти группы жилищ находились друг от друга на расстоянии нескольких метров [61].

Наше наблюдение над расположением жилищ на Титчихинском городище по родственному принципу могло бы найти подтверждение в планировке могильника. К сожалению, возле этого городища могильник обнаружить не удалось. Приходится обращаться к могильникам, находящимся возле других поселений, и среди них выбирать такие, где нет большой скученности курганов. В этом отношении интересен Боршевский могильник. В расположении курганов здесь можно установить некую общую закономерность. Многие курганы располагаются здесь как бы группами. На Боршевском могильнике можно выделить по крайней мере 12 таких групп (рис. 19). В каждой группе насчитывается от 4 до 11 насы-

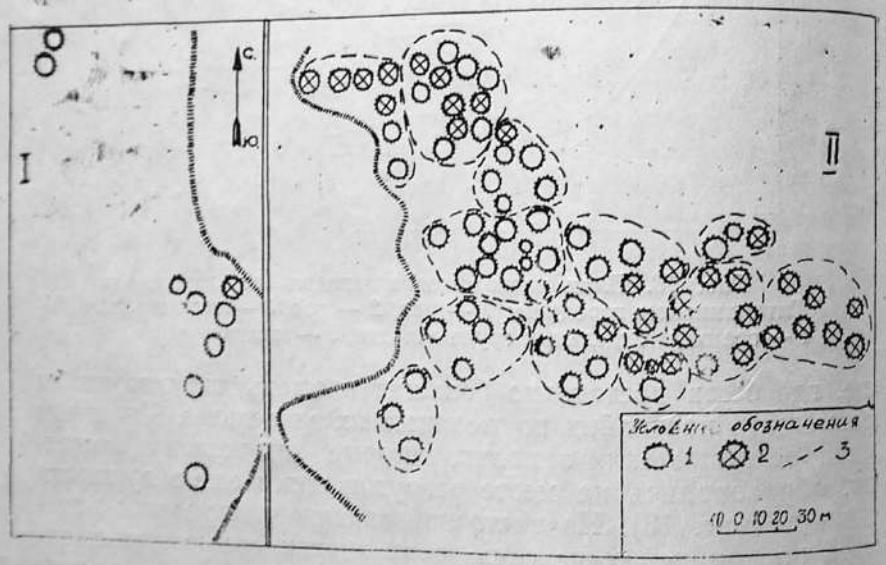


Рис. 19. План Боршевского курганного могильника: I — малая группа; II — большая группа.
1 — курганы, *2* — раскопанные курганы, *3* — примерные границы отдельных курганных групп

пей. Заметим, что наличие такого рода планировки могильника помогает понять, почему жители Большого и Малого Боршевских городищ хоронили своих умерших на одном и том же кладбище и при этом не выделяли отдельной территории для каждого из поселений. Еще П. П. Ефименко и

П. Н. Третьяков выдвинули предположение, что жители Малого Боршевского городища были переселенцами с Большого городища. Переселились, вероятно, какие-то родственные группы, у которых была тесная связь со своими родственниками на Большом городище. Ничего не меняя в погребальных традициях, они лишь образовали свои группы курганов. Такое расположение жилищ на поселении и курганов в могильниках вряд ли можно признать случайным, тем более, что число жилищ в одной группе, так же, как и число курганов, примерно одинаковое. Здесь мы имеем как раз тот случай, когда родственная группа хоронит своих умерших на определенном участке кладбища. Каждый из курганов является коллективной усыпальницей для одной малой семьи, входившей в такую родственную группу. В большинстве своем эти усыпальницы заполнялись не сразу, а по мере того, как умирал кто-либо из членов семьи. Именно поэтому вход в погребальную камеру не имел деревянной стенки, а, вероятно, лишь прикрывался чем-то с тем, чтобы туда не попадала земля.

Наличие какой-то религиозной общности между отдельными семьями проявляется не только в материалах могильника, но, вероятно, и в том, что каждая патронимия поклонялась своему духу-покровителю. Именно это явление и может объяснить тот факт, что в Подонье известно так мало святилищ. Из всех исследованных поселений святилище встречено лишь на Воргольском городище.

Если допустить, что малые семьи на донских городищах сохраняли между собой родственные отношения, то вполне естественно предположить, что в их хозяйстве в значительной мере присутствовало коллективное начало. Судя по уровню развития производительных сил, пашенная земля могла находиться в собственности отдельных семей, которые в состоянии были ее обработать. В собственности отдельных семей, вероятно, находился также и скот, но содержание его и выпас, возможно, были коллективными. В противном случае чем объяснить тот факт, что ни на одном из раскопанных поселений не было встречено хлевов для содержания скота, как это известно, например, по Старой Ладоге. Коллективно выполнялись и все трудоемкие работы. Малые семьи, вероятно, и в Подонье, как и на остальной территории восточнославянского мира, входили в состав сельской или территориальной общины.

§ 3. Датировка поселений

Для воссоздания истории древнерусского населения на Дону очень важно как можно более точно датировать оставленные этим населением археологические памятники. В прямой связи с их датировкой находятся такие вопросы, как причина появления древнерусских поселений в этом крае и их последующая судьба. Нельзя не учитывать времени существования поселений и при решении вопроса об уровне развития социально-экономических отношений у интересующих нас обитателей Подонья. В настоящее время общепризнанной является датировка памятников древнерусской культуры на Среднем и Верхнем Дону VIII—X вв. Разногласия имеются лишь по поводу того, когда прекратилась жизнь на поселениях, были ли они заселены до начала X в. или в течение всего этого столетия [62].

Раскопки последних десятилетий дали новые материалы, что позволяет теперь с большей определенностью датировать эти памятники. При определении того времени, когда на Среднем и Верхнем Дону существовали славянские поселения, нами учитываются не только результаты раскопок самих поселений, но и те материалы, которые были получены во время исследования могильников [63]. Для хронологии всей группы славянских (боршевских) поселений Подонья в целом рассмотрим последовательно все находки, которые могут быть датирующим материалом, а именно — монеты и те вещи, которые достаточно аргументированно, на наш взгляд, датированы на других памятниках (славянских и неславянских).

Начнем с данных нумизматики. Монеты интересующего нас времени на территории Верхнего и Среднего Дона найдены как в процессе археологических раскопок, так и случайно. В настоящее время в этом районе известны четыре клада и отдельные монеты. Самый большой клад монет (323) был обнаружен в 1939 г. в урочище «Цыганок», около с. Девицы Коротоякского района Воронежской области. Обстоятельства находки этого клада неизвестны. В кладе было 299 целых дирхемов и 24 обломка, а также несколько серебряных украшений от поясного набора и серебряный перстень с гладкой сердоликовой вставкой [64]. Изучением монет из этого клада занимались Е. А. Пахомов [65] и А. А. Быков [66]. Ими был определен их династический и хронологический состав. Монеты чеканились при Сасанидах, Омайядах, наместниках Ирана,

Аббасидах, наместниках Табаристана, Идрисидах и Аглабидах. Наибольшее число монет — 209 — чеканилось при Аббасидах. Древнейшая монета клада — драхма Хосрова I — (551 г. н. э.), позднейшая монета — дирхем аббасидского халифа ал-Мутасима (837—838 гг.). Кроме монет, чеканенных при перечисленных династиях, было еще четыре монеты — подражания аббасидским дирхемам и 85 монет, которые, как отмечает А. А. Быков, очень походили на аббасидские, но при специальном изучении таковыми не оказались. А. А. Быков обратил внимание на особенности этих монет, отличающие их от подлинных аббасидских дирхемов. У этих монет имеется полное несоответствие между местом чеканки, датой и типом оборота. Сделаны они из такого же высокопробного серебра, что и халифские монеты. Он полагает, приводя для этого доказательства, что эти монеты были чеканены в халифском монетном дворе в «Земле Хазарской» (Ард ал-Хазар). Подтверждение своему выводу он видит в давнем знакомстве хазар с халифским денежным обращением; в использовании в Хазарии серебряных куфических монет в качестве украшения и для денежного обращения; в принятии ислама хазарским каганатом в 737 г.; в наличии на нескольких типах монет знака, не характерного для традиций халифского монетного двора, но очень похожего на тамгу, изображенную на одном из кирпичей Саркела.

Второй клад найден при раскопках городища Титчиха. В кладе 22 монеты. Монеты были определены С. А. Яниной. Одна из них чеканена в период правления династии Омайядов в городе Васит в 728—729 гг., а остальные — в период правления саманидов в г. Самарканде, аш-Шаше и Андербе с 899 по 922—923 гг. [67].

Третий клад куфических монет был встречен при раскопках Малого Боршевского городища возле одной из полуземлянок. В кладе 98 целых дирхемов и 8 обломков. Как любезно нам сообщила С. А. Янина, в основной своей массе это подражания монетам Исмаила ибн-Ахмада, Ахмада ибн Исмаила и Насра ибн-Ахмада. Подлинных монет 14 экземпляров. Из них: Исмаила ибн-Ахмада (892—907 гг.) — 6, Ахмада ибн Исмаила (913—914 гг.) — 1, Насра ибн-Ахмада (914—943 гг.) — 7; эмиров Волжской Булгарии — 1 экземпляр (с титулом «Эмир барсал», т. е. не позднее 922—923 гг.). С. А. Янина полагает, что клад был зарыт не позднее середины X в.

К сожалению, о четвертом кладе, который был найден в первые годы Советской власти в б. Острогожском уезде, мы почти ничего не знаем. Известно лишь, что это был клад арабских монет весом около 1 кг 250 г. В Острогожский музей жительницей сл. Нижнепокровки в 1925 г. была доставлена одна монета из этого клада. Она датируется IX в. [68].

Кроме кладов встречены и разрозненные монеты. Восемь саманидских дирхемов найдено во время раскопок Титчихинского городища. Наиболее древняя монета 902—903 гг. чеканилась при халифе ал-Муктафи в г. аш-Шаше. При этом же халифе чеканены и еще две монеты. У одной из них (обломок) год обрезан, она чеканилась в г. Андерабе, другая — обломок, где также не сохранилась надпись с указанием года чеканки. Однако, судя по тому, что ал-Муктафи правил в 902—903 гг., эти монеты одновременны с первой. Остальные пять монет чеканились при халифе ал-Муктадире. Одна из них (дважды пробита) чеканена в 911—912 гг. в г. Андерабе, вторая — в 914—915 гг. в г. Самарканде, третья — в 916—917 гг. в г. аш-Шаше. Эта монета дважды пробита и обломана; четвертая чеканилась в том же году, но в г. Андерабе; пятая в 921—922 гг. в г. Самарканде [69].

Три монеты были найдены в с. Борщево Воронежской области. Первая обнаружена при кладоискательских раскопках, на территории села, но где именно — неизвестно. Она чеканилась в период правления династии Саманидов в Самарканде в 914—915 гг. [70]; две другие встречены во время раскопок экспедиции ГАИМК. Одна из них чеканилась в период правления аббасида Мустаина (826—866 гг.), другая оказалась подражанием саманидскому дирхему Насра ибн-Ахмада (914—943 гг.) [71].

Один дирхем был обнаружен во время раскопок Кузнецовского городища [72]. Три дирхема найдены на территории Елецкого района Липецкой области. Точное местонахождение двух из них неизвестно [73]. Третий дирхем встречен во время раскопок Воргольского городища экспедицией Воронежского университета [74]. Один дирхем найден в с. Урыв ныне Кантемировского района Воронежской области. Он чеканен в Ифрикии в 782—783 гг., при халифе Махди, пробит [75]. Три дирхема обнаружены в с. Павловском [76].

Таким образом, в изучаемом нами районе монетные клады и отдельные монеты встречены по р. Дону, Воронежу, Девице и Ворголу, т. е. по среднему и верхнему течению Дона

и его притокам. Больше всего нумизматического материала, кроме р. Девицы, дали городища Малое Боршевское и Титчихинское. В то же время нельзя не отметить, что дирхемы были найдены почти на всех поселениях, где велись раскопки. Это позволяет полагать, что последующие раскопки дадут новые находки куфических монет.

По классификации кладов куфических монет, предложенной Р. Р. Фасмером [77] и в основных чертах поддержанной В. Л. Яниным [78], наши клады должны быть отнесены к кладам 2 и 3-й групп (с 834 по 900 гг. и с 901 по 960 гг.). Девицкий клад, где преобладают аббасидские монеты и встречаются монеты африканской чеканки, является типичным кладом 2-й группы [79], тогда как клады с Малого Боршевского и Титчихинского городищ, где основную массу монет составляют саманидские дирхемы, типичны для кладов третьей группы.

Таким образом, нумизматические данные позволяют нам с полным основанием говорить о том, что боршевская культура просуществовала во всяком случае до второй половины X в., а, если учесть известное «запаздывание» монет в Восточной Европе сравнительно с территориями, на которых они чеканились, то мы смело можем считать конец X в. временем прекращения функционирования славянских поселений в Подонье.

Обратимся теперь к вещевым находкам. Прежде чем перейти к ним, следует отметить, что при установлении времени существования поселений мы не сможем опереться на керамический материал местного производства, ибо попытки выделить среди этой керамики какие-то формы, которые были бы типичны лишь для определенного времени, ни к чему нас не привели.

Если массовый керамический материал не дает, по нашему мнению, никаких данных для датировки, то находки обломков привозной посуды, как правило, могут служить основанием для определения общей даты памятника. Почти на всех поселениях попадается довольно много обломков лощеной салтовской посуды, относящейся к VIII — первой половине X в. Реже встречаются обломки амфор так называемого «салтовского типа» VIII—IX вв., а на городище Титчиха было обнаружено несколько обломков характерных красноглиняных кувшинов, известных в литературе под названием

«тмутараканские». Производство их началось примерно в конце IX в. и продолжалось до начала XI в. [80]

Другой сравнительно часто встречающейся категорией вещей являются бусы: «лимонки», лимоновидные, глазчатые (одна — с выпуклыми глазками), сердоликовые круглые и призматические, датируемые, как известно, X—XI вв. Подавляющее большинство их обнаружено в слое и жилищах Титчихи [81]. Та же дата подтверждается и находками наконечников стрел, относящихся в основном к X — началу XI в. [82] Наконец, для хронологии памятников имеют значение и единичные находки датированных предметов. Таковы бронзовый перстень с четырехлапчатой жуковиной и бронзовая коромыслообразная копоушка с городища Титчиха (VIII — первая половина IX в.) [83], навесной железный двухцилиндровый замок X—XIII вв. [84], тоже с Титчихи, железный топор X в. (по А. Н. Кирпичникову, тип VI) [85] с Малого Боршевского городища, бронзовая трехконечная лунница с Кузнецовского городища (по классификации В. В. Гольмстен IX—X вв.) и др.

Самой поздней находкой является обломок фиолетового стеклянного браслета, обнаруженного в заполнении жилища 17 Титчихи. Датируется он XI—XIII вв., однако найден в полуземлянке вместе с обычной для городища лепной посудой, двумя лимоновидными бусинами и железным ромбовидным наконечником стрелы гнездовского типа. Особенностью этой полуземлянки является широкая и глубокая трещина в меловом грунте, которая пересекала ее с запада на восток. Трещина образовалась после того, как жилище было заброшено. При оседании грунта произошло значительное смещение почвенного слоя внутрь жилища. Этим объясняется то, что наряду с обычными для городища вещами в котлован жилища попал и обломок позднего браслета, находившегося, очевидно, в то время на поверхности. Наличие на городище подобного украшения ни в коей мере не может повлиять на датировку поселка в целом. По времени эта вещь стоит особняком среди других находок и она не принадлежала тем, кто жил в ту пору на поселении. Этот браслет попал сюда значительно позднее, уже после того, как поселение перестало функционировать. Итак, приведенные нами данные не позволяют относить время появления памятников боршевского типа к VIII в. Древнерусские поселения на Дону появились не ранее IX в., причем, возможно, что многие из них

начали свое существование в конце IX в. и даже в X в. Все поселения просуществовали до конца X в.

В прямой связи с предлагаемой датировкой интересующих нас памятников находятся и данные гидронимики. Как показано В. В. Седовым, восточнославянские гидронимы с «I эпентетикум» относятся по времени до IX столетия и были широко распространены именно в тех районах, которые населяли славяне в VI—VIII вв. [86] В Подонье подобные гидронимы пока неизвестны. Вероятно, это не случайно и находит объяснение в истории заселения славянами берегов Дона.

К сожалению, в настоящее время мы не обладаем достаточным количеством материала для определения абсолютных дат каждого из исследованных поселений.

Однако раскопки на городищах Титчиха и Большое Боршевское дают нам возможность сделать первую попытку создания относительной хронологии этих памятников, что со временем поможет исследователям при создании абсолютной хронологии боршевской культуры.

Корреляция типов печей с типами жилищ (с деревянной облицовкой их стен) позволяла нам разделить жилища Титчихи на шесть групп (см. табл. 1): первая из них характеризуется печами-каменками, преимущественно столбовой конструкцией стен; вторая — печами, сделанными из глины и камня и также столбовой конструкцией; третья — печами из глины и камня и срубными жилищами; четвертая — глиняными печами со столбовой и срубной конструкциями стен; пятая — печами, сделанными из материкового останца и срубами; шестая — без печей (с очагом) и с невыразительной конструкцией стен (в одном случае — сруб).

Следует подчеркнуть, что три последние группы выделяются нами пока условно, поскольку представлены они двумя—тремя жилищами и закономерность по этому небольшому материалу установить трудно. Несомненно, выделение этих групп должно быть подкреплено материалами с других поселений. Впрочем, три первые группы также нуждаются в проверке и подкреплении.

Возьмем для этого жилища Большого Боршевского городища (см. табл. 2). Там, как мы видим, первая группа с печами-каменками полностью совпадает со столбовыми жилищами, а печи, сделанные из камня и глины, — со срубами, что подтверждает наблюдения, сделанные на Титчихинском городище.

Характерно, что столбовые жилища с печами-каменками на Большом Боршевском городище не имеют следов пожара, тогда как срубные жилища с печами, сложенными из глины и камня, — все сгоревшие. Это дает, очевидно, основание считать, что первая группа жилищ более ранняя. Они прекратили свое существование еще при жизни поселения и были засыпаны его жителями. Срубные же дома погибли в пожарище, после которого жизнь на городище уже не восстановилась.

Итак, думается, можно столбовые жилища с каменками на Титчихе также считать самыми ранними, а срубные с печами из глины и камня — самыми поздними. Вторая группа — промежуточная: печи в ней уже изменились, а система строительства стен осталась прежней.

Пятую Титчихинскую группу — срубные с останцовыми печами, видимо, можно также считать поздними. На Большом Боршевском городище аналогичных жилищ нет, но печи с частичным использованием останца стоят в столбовых жилищах. Возможно, это означает, что они относятся сравнительно с III боршевской группой к более раннему времени, являясь как бы промежуточной группой. По дирхему 913—914 гг., обнаруженному в жилище 18, всю группу мы имеем право, очевидно, отнести к первой половине X в.

По-видимому, столбовые конструкции в сочетании с печами-каменками также можно отнести к этому времени или даже немного к более раннему, а именно ко второй половине IX — началу X в.

Срубные полуземлянки с печами из глины и камня относятся к самому концу X в.

Интересно распределение жилищ всех шести выделенных групп на большом раскопе городища Титчиха. Создается впечатление, что жилища размещались гнездами. В каждое гнездо входили ранние, средние и поздние постройки. Благодаря описанным выше двум случаям перекрывания одного жилища другим (жилища 11—12 и 21—27) удается, как нам представляется, датировать жилища IV и V групп. Жилище 12 (IV гр.) перерезает жилище 11 (II гр.). Это значит, что оно сравнительно более позднее, возможно, синхронное жилищам III группы.

Жилище 21 (гр. V) врезается в жилище 27, относящееся к самой поздней III группе. Очевидно, что на городище были постройки, возникшие непосредственно перед самой гибелью

поселения. Их немного — семьи этого поколения только начали образовываться и выделяться в отдельные жилища. Этот процесс вычленения новых семей был прерван. Как это видно из данных табл. 1, все жилища сгорели.

Таким образом, все шесть выделенных групп жилищ существовали на городище. И в этом смысле можно говорить, что они синхронны. Однако одни из них были выстроены первыми поселенцами и строителями городища, а остальные возникали на поселении постепенно, очевидно, по мере разрастания патриархальных семей.

Городище Титчиха просуществовало около 150 лет. Основали его, очевидно, славяне, традиционно возводящие столбовые дома с печами-каменками. Новые поколения внесли сначала изменения и усовершенствование в конструкцию печей, а затем и стен. Несомненно, что печи, сложенные с глиной, меньше дымили, а срубы лучше предохраняли от холода.

Намеченная нами схема развития жилищ, безусловно, нуждается в дополнительной проверке. Новые материалы внесут в нее известные коррективы, но, думается, что в основе своей она будет подтверждена. Весьма существенно и то, что намеченная относительная хронология жилищ двух более или менее полно раскопанных городищ в будущем может стать основой для создания абсолютной хронологии всей боршевской культуры.

---

[1] Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891, с. 36; Савелов Л. М. Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде.— Труды ВУАК, 1902, вып. I, с. 115; Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте г. Воронежа.— СА, 1948, X, с. 298.

[2] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, № 8, с. 9—10.

[3] Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873, с. 112; Он же. Древние земляные насыпи и их значение для науки.— В кн.: Древняя и новая Россия. СПб., 1876, № 3, с. 266—272; Антонович В. Б. Попытка группировки городищ по их культурам в бассейне Днепра.— Труды X АС. М., 1900, т. III; Андриашев А. М. Очерки истории Волынской земли до конца XIV ст. Киев, 1887; Падалка П. О древних городках и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губернии.— В кн.: Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1905, вып. 1; Лясковронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевы) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы.— В кн.: Труды XI АС. М., 1901, т. 1; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, 52.

[4] Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, 104, с. 215.

[5] Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья.— СА, 1952, 16, с. 12—13.

[6] Раппопорт П. А. Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X—XIII вв.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 21; Раппопорт П. А., Косточкин В. В. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества.— КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 22; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, 52; Он же. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества.— СА, 1960, 2; Он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, 105; Он же. Оборонительные сооружения Древней Руси.— ВИ, 1970, 11.

[7] Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., с. 22.

[8] Там же, с. 27.

[9] Там же, с. 66—67.

[10] Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г.— Архив ИА, с. 31.

[11] Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII в., с. 24.

[12] Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — САИ. М., 1965, вып. Д1—31, с. 10, табл. 4, 5.

[13] Ратич О. О. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня Львівської області в 1957—1959 рр.— В кн.: Матеріалі дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1962, вып. 4, с. 106.

[14] Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., с. 82.

[15] Там же, с. 75.

[16] Каргер М. К. Древний Киев. М.— Л., 1958, т. 1, с. 100.

[17] Кучера М. П. Про один конструктивный тип давньоруських укреплень в Средньому Подніпрові.— Археологія. Київ, 1969, т. XXII, с. 180.

[18] Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 208, 209.

[19] Там же, с. 212.

[20] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 13.

[21] Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 387.

[22] Там же, с. 390.

[23] Там же, с. 389.

[24] Там же, с. 394.

[25] Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 194.

[26] Там же, с. 194.

[27] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 59.

[28] Там же, с. 63.

[29] Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье, с. 228.

[30] Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1969, 75, с. 92.

[31] Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 10, с. 128.

[32] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 67.

[33] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, 74, с. 168.

[34] Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска, с. 128; Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа.— СА, 1959, 29—30, с. 65; Монгайт А. Л. Древнерусские жилища XI—XIII вв.— СЭ, 1948, № 4, с. 61.

[35] Skružný L. Příspěrvek k třiděni a chronologii slovanskych otopnych Zařizeni na územi ČSSR.— PA, 1963, č. 2, str. 237.

[36] Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА. М., 1967, 142.

[37] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 26.

[38] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 194, 195.

[39] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 10.

[40] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 194; Монгайт А. Л. Древнерусские жилища в XI—XIII вв., с. 66.

[41] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 195; Подобные перекрытия хорошо известны в этнографической литературе: см. Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печорском крае. Псковская область.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия. М., 1960, т. VII, с. 295, 296.

[42] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 194.

[43] Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 323.

[44] Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска, с. 128; Кучера М. П. Древній Пліснеськ, с. 20; Довженок В. И. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумскої області.— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952, т. III, с. 254.

[45] Довженок В. И. Указ. соч., с. 256.

[46] Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи, с. 84.

[47] Раппопорт П. А. Про розвиток планово, структури древньоруських житол лісостепової смури.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. Київ, 1969, с. 105.

[48] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия. М., 1956, т. XXXI, с. 234, 238.

[49] Грацианская Н. Н. Постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX вв.— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия. М., 1960, т. 62, с. 217.

[50] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 30—31.

[51] Там же, с. 18—20.

[52] Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья в VIII—X вв.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 13; Он же. Городище Новотроицкое, с. 179.

[53] Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска, с. 130.

[54] Симоненко И. Ф. Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области.— СЭ, 1947, 1, с. 76.

[55] Ефименко А. Я. Дворищенское землевладение в Южной Руси.— В кн.: Русская мысль. СПб., 1892, с. 4—5.

[56] Владимирский-Буданов М. Формы крестьянского землевладения в Литовско-Русском государстве XVI в.— В кн.: Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Киев, 1892, с. 357.

[57] Косвен М. О. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище.— СЭ, 1950, 2.

[58] Симоненко И. Ф. Пережитки патронимии..., с. 79.

[59] Харадзе Р. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960, т. 1, с. 67—68; Тбилиси, 1961, т. II, с. 105, табл. 5.

[60] Бырня П. П. Кут — древний тип поселения на территории Молдавии.— Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1961, № 5, с. 78.

[61] Березовец Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, М., 1963, 108, с. 155.

[62] Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры.— СА, 1947, IX; Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 8.

[63] Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 142; Она же. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1966, вып. 2.

[64] Вещи из клада хранились в Воронежском областном краеведческом музее и пропали во время Великой Отечественной войны.

[65] Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949, вып. IV, с. 93. При описании клада у Е. А. Пахомова вкралась неточность. Он называет 296 аббасидских монет. В это число им включены, кроме собственно аббасидских монет, также 4 монеты — подражания аббасидским дирхемам и 85 монет, подделанных под аббасидские.

[66] Быков А. А. Новые находки куфических монет.— КСИИМК, 1940, VIII, с. 119; Он же. Девицкий клад куфических монет.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967, с. 66.

[67] Янина С. А. Опись куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха.— В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха, с. 270.

[68] Государственный архив Воронежской области, ф. 904, 1925, оп. 20, д. 1—а, л. 17.

[69] Янина С. А. Опись куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха, с. 270.

[70] Второв Н. О заселении Воронежской губернии.— В кн.: Воронежская беседа. СПб., 1861, с. 267.

[71] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 55.

[72] Смирнов И. Славянское городище под Воронежем.— Архив ЛОИА, ф. 2, 1933, № 215, с. 32. Более точных сведений об этой монете нет.

[73] Эти монеты не определены. Они хранятся в Елецком краеведческом музее.

[74] Монета пока не определена.

[75] Кропоткин В. В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 184.

[76] Спицын А. А. Сводка сведений о древностях Воронежской губ.— Архив ЛОИА, ф. 5, № 148, л. 11.

[77] Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе.— Известия АН СССР. Отделение общественных наук, 1933, № 6—7, с. 173.

[78] Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 81—82.

[79] На схеме В. Л. Янина этот клад помещен к северу от г. Воронежа и ошибочно связан с с. Девица Семилукского района. В действительности же этот клад был найден в с. Девица Коротоякского района, значительно южнее г. Воронежа. В силу этой ошибки В. Л. Яниным неверно определена южная граница распространения этой группы.

[80] Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 52—59.

[81] Москаленко А. Н. Городище Титчиха, с. 118—119, рис. 41, с. 143.

[82] Там же, с. 139, рис. 50.

[83] Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 141, табл. 36.

[84] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 218; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, 32, с. 152; Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75, с. 172.

[85] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, 2.— САИ. М.—Л., 1966, вып. Е 1—36, с. 38.

[86] Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения.— КСИА, М., 1965, вып. 104, с. 3.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Вопросами религиозных представлений донских славян специально никто не занимался. О них говорилось лишь попутно, главным образом в связи с характеристикой погребальных памятников [1]. За последние десятилетия получен новый материал о погребальном ритуале и о других проявлениях язычества у донских славян, что позволяет нам выделить вопрос о религиозных представлениях населения Верхнего и Среднего Дона конца I тысячелетия в особую главу.

В литературе при характеристике погребального ритуала внимание, как правило, фиксировалось лишь на тех деталях, которые чаще повторялись, а иные его особенности оставались в тени. Сложилось представление, что для погребальных памятников Подонья типичны обряд трупосожжения за пределами кургана с последующим погребением праха умершего под курганной насыпью в деревянной камере и кольцевая оградка из столбиков в основании кургана [2]. Основой для подобного представления явился погребальный обряд, встреченный во многих, но далеко не во всех из раскопанных ранее погребений Боршевского могильника. В действительности погребальный обряд славянского населения на Дону значительно более разнообразен. Прежде всего обращает на себя внимание, что далеко не возле всех поселений имеются курганные могильники, следовательно, надо думать, что хоронили и без курганных насыпей. В настоящее время известно семь могильников (см. рис. 1). Все они располагаются вблизи от поселений. Число курганов в могильниках неодинаково. Есть кладбища, насчитывавшие несколько сот насыпей. Такими большими кладбищами являлись, например, Лысогорский могильник, на котором в начале XX в. было свыше

300 курганов, и второй Белогорский могильник, насчитывавший около 500 насыпей. На других древних кладбищах число насыпей не превышает нескольких десятков (Белогорский могильник, Шиловский и т. д.). Некоторые из могильников — Боршевский (см. рис. 19), Белогорский (рис. 20) — состоят

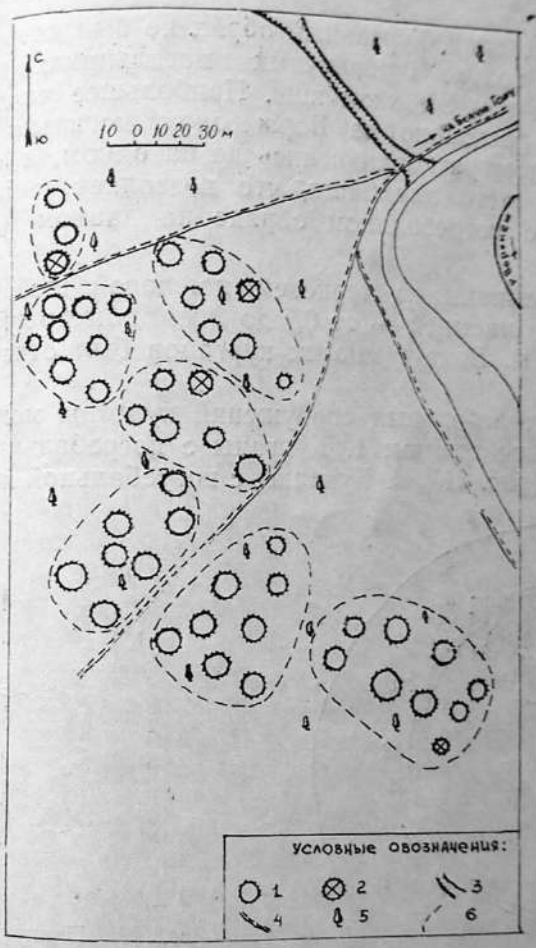


Рис. 20. План Белогорского курганного могильника: *1* — курганы, *2* — раскопанные курганы, *3* — ров Белогорского городища, *4* — тропинки, *5* — лес, *6* — примерные границы отдельных курганных групп

как бы из двух курганных групп: большой и малой курганной группы. Размеры курганов в больших и малых курганных группах сходны. В могильниках и первого и второго типов есть насыпи, окаймленные ровиками, и есть насыпи без ровиков. Что касается датировки курганов из малых групп,

то пока еще рано делать какие-либо окончательные выводы, так как раскопано в каждой группе лишь по одному кургану. Можно лишь отметить, что те материалы, которые получены в результате их исследования, не позволяют считать курганы из малых групп более ранними, нежели погребения в больших могильниках.

Как показали раскопки, курганный обряд не был совершенно идентичен не только в различных могильниках, но иногда и на одном и том же кладбище. Наибольшее число насыпей (36) было раскопано на Боршевском могильнике (см. рис. 19). При этом раскопки велись не на одном, а на нескольких участках этого кладбища, что позволяет составить представление о погребальном обряде на данном могильнике в целом [3].

Все курганы насыпаны из чернозема и меловой щебенки. Высота курганных насыпей — от 0,7 до 2 м, диаметр курганов — от 7 до 14 м. Вокруг многих курганов был отчетливо виден ровик.

По устройству погребальных сооружений курганы можно разделить на четыре группы: 1. Курганы с погребальной камерой и оградкой (рис. 21); 2. Курганы с погребальной камерой без оградки (рис. 22); 3. Курганы с оградкой, но без погребальной камеры (рис. 23); 4. Курганы без оградки и погребальной камеры (рис. 24).

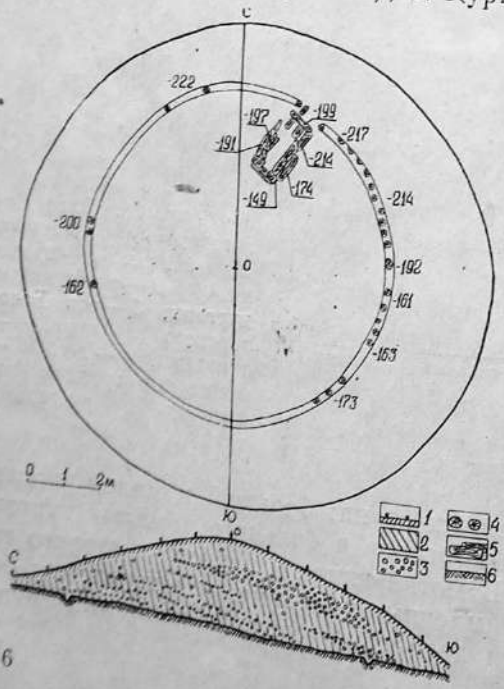


Рис. 21. План и профиль кургана с погребальной камерой и оградкой (1 группа) с Боршевского могильника: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — мел, *4—5* — дерево, *6* — материк

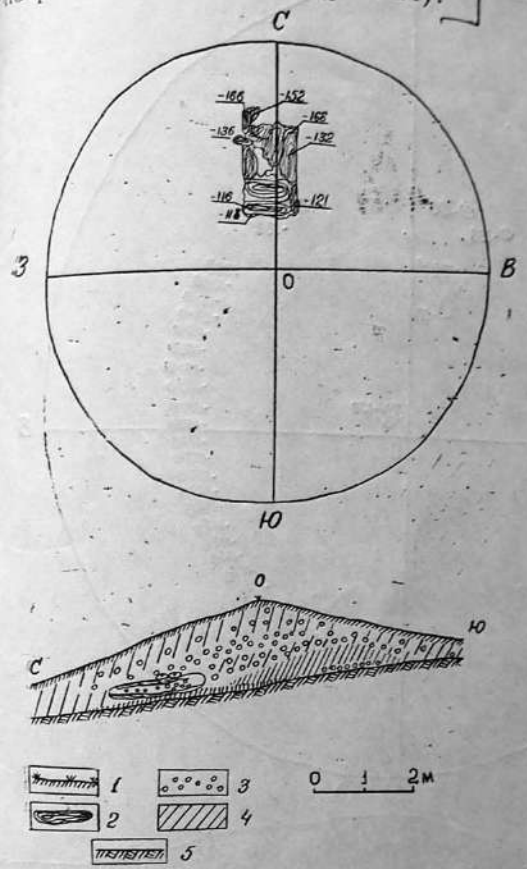


Рис. 22. План и профиль кургана с погребальной камерой (2 группа) Боршевского могильника: *1* — гумус, *2* — дерево, *3* — мел, *4* — чернозем, *5* — материк

Самой большой группой была первая (59% всех погребений), которая характеризуется сплошным ровиком, окружающим насыпь, погребальными камерами, расположенными в северо-восточном секторе кургана, ориентированным, как правило, по оси СВ — ЮЗ, круговыми оградками, безурновыми погребениями внутри камер и сосудами (преимущественно типичными горшками), сопровождающими трупосожжения.

Устройство погребальных камер всюду примерно одинаково. Они представляют собой трехстенные прямоугольные срубы из двух-четырех венцов бревен, иногда обожженных.

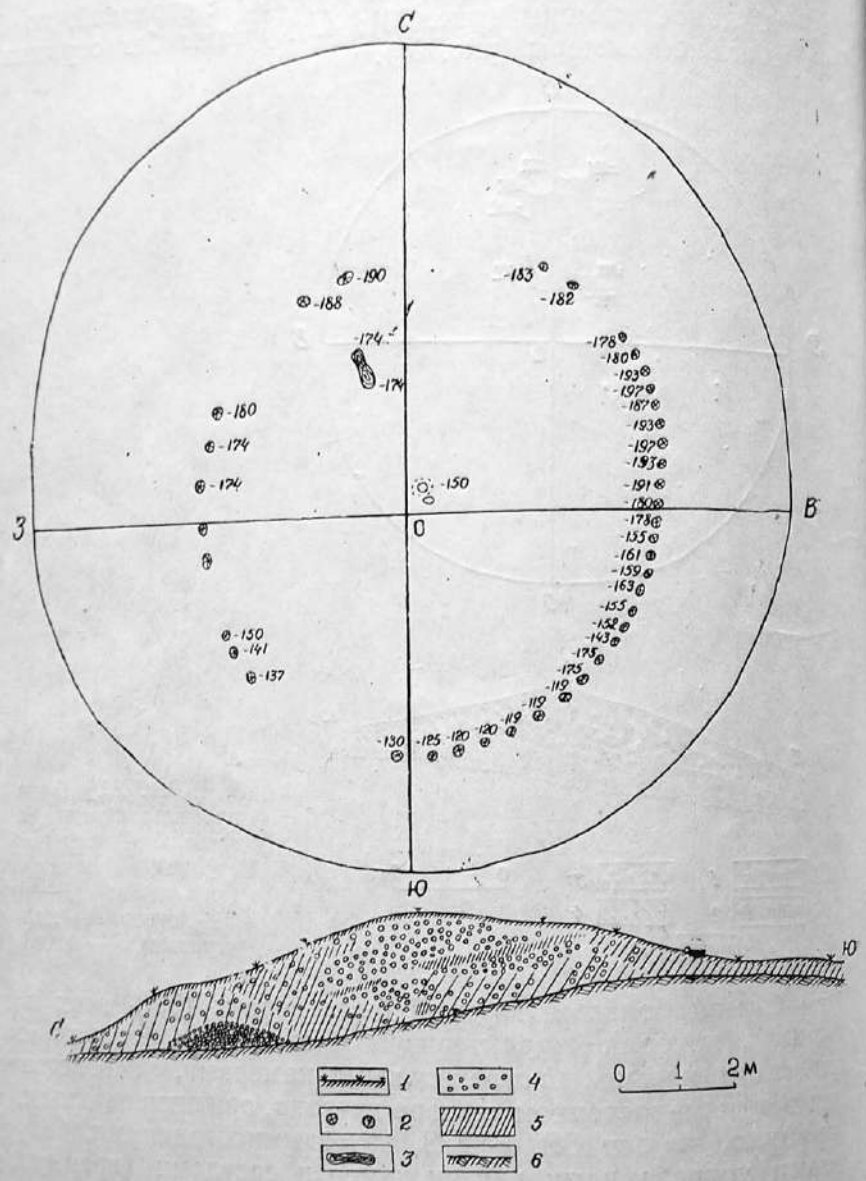


Рис. 23. План и профиль кургана с деревянной оградкой (3 группа) с Боршевского могильника: *1* — гумус, *2* — столбики, *3* — дерево, *4* — мел, *5* — чернозем, *6* — материк

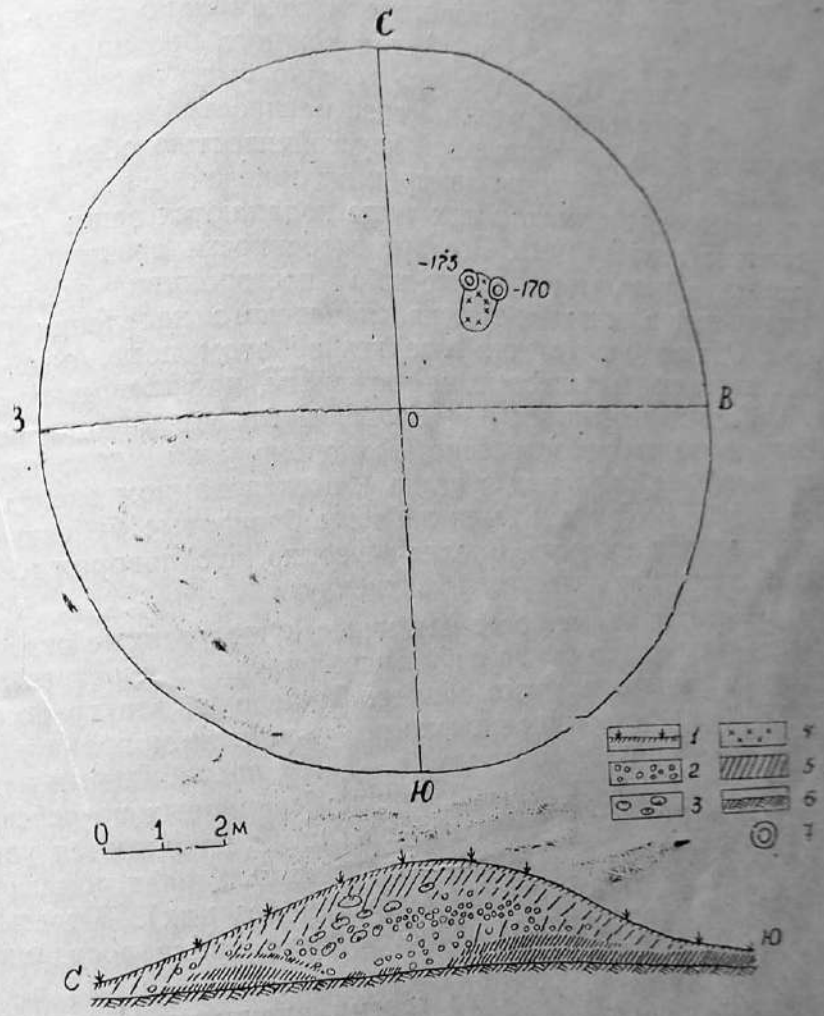


Рис. 24. План и профиль кургана без деревянных конструкций (4 группа) с Боршевского могильника: *1* — гумус, *2* — мел, *3* — камни, *4* — угольки, *5* — чернозем, *6* — материк, *7* — глиняный сосуд

Размеры их: 1,3—2,45×0,75—1,45 м. Иногда две боковые стенки были двойные, т. е. внутри большой камеры помещалась меньшая, имеющая с большой одну (торцовую) общую стенку. Крыши камер досчатые, плоские, нередко обожженные. Примерно половина камер в курганах этой группы ставилась на глинобитные площадки (нередко обожженные). Кроме того, в двух случаях на полу были доски.

Оградки-частокол ставились в специально прорытые для них канавки или же (реже) для каждого бревна рылась отдельная ямка. Оградки также нередко были обожжены.

Три остальные группы, менее распространенные, отличаются от первой значительной неустойчивостью обряда. Нарушается местоположение камер и их ориентировка, появляются погребения в ямах, в них чаще попадаются вещи (помимо горшков нож и бусы). Все эти особенности возникают, возможно, в результате каких-либо посторонних этнических включений в основной массив славянского населения Подонья. Однако определенно говорить об этом пока, основываясь на таком малочисленном материале, преждевременно.

Самым необычным для Боршевского могильника погребением является захоронение (трупоположение) новорожденного ребенка (в насыпи кургана 4, исследованном экспедицией ГАИМК). При нем были найдены бронзовые бубенчики и крестовидная подвеска. Вполне вероятно, что новорожденных детей вообще не подвергали сожжению.

Несмотря на все более или менее существенные отклонения от «классического» погребального ритуала в курганах всех четырех групп есть много общего. Во-первых, это трупосожжение на стороне с последующим захоронением праха умершего под курганной насыпью (в 78% в погребальных камерах). Во-вторых, явное преобладание безурновых погребений. Даже в тех случаях, когда под насыпями попадаются урновые захоронения (в 26% курганов), рядом с ними помещены и безурновые погребения (в камерах и без них). В-третьих, обязательное ритуальное сопровождение праха сосудами с пищей и питьем.

Лысогорские курганы по своему внешнему виду напоминают курганы Боршевского могильника. Вокруг некоторых из них видны следы ровиков (рис. 25). На этом могильнике раскопано в общей сложности свыше 20 курганов. Раскопки производились в западной, южной и центральной частях. Как отмечалось выше, не по всем курганам имеется полная документация, что затрудняет выяснение деталей погребального обряда для каждого из исследованных курганов. Исчерпывающие данные имеются лишь по кургану, раскопанному экспедицией ГАИМК, и по четырем (№ 1—4) насыпям, изучавшимся экспедицией ВГУ. Следуя классификации, принятой нами для боршевских курганов, среди лысогорских можно выделить курганы II группы (с камерой, но без оградки), кур-

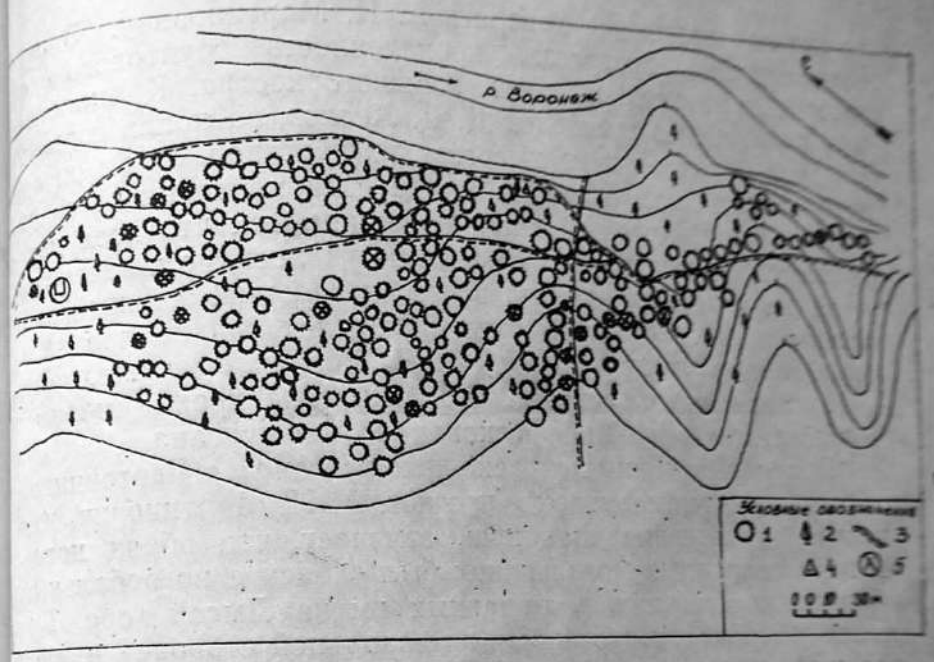


Рис. 25. План Лысогорского курганного могильника: *1* — курганы, *2* — лес, *3* — тропинки, *4* — геодезический знак, *5* — раскопанные курганы

ганы III группы (с оградкой, но без погребальной камеры) и курганы IV группы (без погребальной камеры и оградки). Курганов I группы среди раскопанных насыпей не оказалось.

В кургане 4 было открыто погребение с сожжением на месте кургана. Оно располагалось в насыпи юго-восточного сектора на глубине 0,85 м и представляло собой сравнительно небольшое скопление очень мелких обломков кальцинированных костей, которые концентрировались на площади 0,5×0,7 м; толщина костного скопления 5—7 см. Вблизи от остатков погребения на том же уровне найдены три обломка глиняной сковородки и фрагмент от амфоры. В основании насыпи кургана встречены угли.

В курганах этого могильника, раскопанных А. И. Мартиновичем, в западной половине насыпи на глубине от 0,54 м до 1,16 м на поверхности погребенной почвы также попадались зольные площадки, которые он называл громадными кострищами.

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков с сомнением относятся к выводам Л. И. Мартиновича о наличии кострищ от трупосожжения в лысогорских курганах[4]. Нам представляется,

что нет основания не доверять А. И. Мартиновичу. Значительная толща кострища, прокаленность грунтового слоя указывают на наличие здесь большого костра. К аналогичному заключению пришел и Д. Д. Леонов, раскопав совместно с М. Е. Фосс один из лысогорских курганов, о чем он любезно сообщил нам в личной беседе (документация не сохранилась). Этот курган копался колодцем, так что всех деталей погребального обряда уловить не удалось, но и здесь также на подошве кургана был встречен большой зольный слой толщиною до 10 см, и под ним находился сильно прокаленный в верхней части грунт. Д. Д. Леонов, так же, как и А. И. Мартинович, считает, что сожжение праха умершего совершалось в основании раскопанного им кургана.

Подробных данных о раскопках курганов в Чертовицком и Шиловском могильниках у нас нет. А. И. Мартинович, изучавший эти древние кладбища, отмечает, что обряд погребения в названных могильниках был сходен с погребальным обрядом в курганах, раскопанных им на Лысой горе. Там также в основании курганов в юго-западной стороне [5] имелся зольный слой толщиной до 32 см и более, в котором находились зола, угли и остатки пережженных человеческих костей. Сосуд с кальцинированными костями стоял в насыпном слое в северо-восточной части насыпи. И здесь, как и в Лысогорском могильнике, в насыпях не было встречено никаких украшений и предметов домашнего обихода. Попадались лишь черепки битой посуды и кости крупного рогатого скота. В двух насыпях найдены глиняные пряслица [6].

На Кузнецовском могильнике раскопано два кургана. Высота их 0,7 м и 1 м, диаметр соответственно 8—8,5 м и 9 м. Под восточной полой насыпи в обоих курганах на уровне погребенной почвы находились «кучи пережженных человеческих костей, перемешанных с углем и золой. При костях встречены мелкие обломки глиняных сосудов» [7]. Эти курганы относятся, видимо, к IV группе. Что касается двух Белогорских могильников, то раскопки на них только начаты нами (три кургана раскопаны были в большой группе, один — в малой). Все они относятся к IV группе по нашей типологии. Основной их особенностью является явное преобладание салтовских сосудов в погребениях.

Таким образом, для могильников Верхнего и Среднего Дона был характерен обряд трупосожжения. Судя по исследованным курганам, абсолютно преобладало трупосожжение

на стороне, хотя встречается и трупосожжение в основании курганной насыпи.

Для всех погребений не типично обилие сопровождающих вещей. Почти везде в курганах встречаются лишь сосуды и очень редко — вещи, преимущественно единичные украшения. Курганы с трупосожжением на стороне, где прах умершего покоился либо в неглубокой продолговатой яме, либо в насыпи, составляют единицы.

В то же время для курганов с трупосожжением на стороне можно выделить и такие особенности, как наличие погребальных камер и оградок, либо только погребальных камер и только оградок. Есть курганы, в которых камеры и оградки отсутствуют. При этом обращает на себя внимание некоторая закономерность. Курганы с камерами и оградками наиболее типичны для Боршевского курганного могильника. На Лысогорском могильнике погребальная камера была обнаружена лишь в одном из раскопанных курганов, включая и курганы, изученные А. И. Мартиновичем, а на Белогорском могильнике нам пока неизвестен ни один курган, где была бы не только погребальная камера, но и оградка. Для могильников на р. Воронеж характерна и другая особенность — наличие зольных прослоек и площадок, связанных с проявлением культа огня. Трупосожжение на месте курганов также встречается лишь в названных могильниках.

В заключении описания особенностей погребального ритуала обратимся к некоторым частным вопросам, связанным с погребальными традициями населения Верхнего и Среднего Дона.

Одним из первых возникает вопрос о том, где сжигался прах умершего в том случае, если сожжение проводилось не на месте будущего кургана, а на стороне. Как показали исследования Боршевского комплекса памятников, сожжение умерших совершалось неподалеку от могильника и городища. Между могильником и большим Боршевским городищем был открыт мощный зольный слой, где, по мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, совершалось сжигание трупов умерших [8]. Близ других могильников места трупосожжения пока не обнаружены.

Курганы и оградки имели правильные округлые очертания. Таких почти правильных геометрических очертаний добивались, вероятно, размечая границу будущего кургана с помощью веревки и двух колышков [9].

Особенностью погребального ритуала, которая заслуживает внимания, является наличие под курганами кольцевых оградок. Кольцевые оградки вокруг погребения известны очень широко. Они делались не только из дерева, но и из камня. Достаточно вспомнить кромлехи Франции, Великобритании, Скандинавии, в нашей стране — кромлехи Закавказья; к этому же типу сооружений относятся могилы с каменными оградками в Прибалтике, каменные кладки новгородских сопок. Кольцевые оградки из дерева встречаются на земле восточных славян и не только в интересующее нас время, но и несколько ранее и в последующие столетия [10]. Нам представляется, что в решении вопроса о смысле кольцевых оградок ближе к истине те исследователи, которые видят в них проявление одной из сторон языческого культа [11].

Другая особенность погребального обряда, которая часто наблюдается под насыпью курганов Подонья, — деревянная постройка. В литературе нет единого названия для подобных сооружений. Авторы называют их то ящиками — в том случае, когда это сооружение имеет пол и крышу [12], то срубами [13], то домиками [14], то домовинами [15]. В совместной работе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова проводится аналогия между бдыном летописи и деревянными срубами боршевских курганов [16]. Мы не случайно остановились на пестроте в терминологии для обозначения деревянных построек в курганах интересующего нас района. За этой пестротой в названиях кроется и различный смысл, который вкладывается в их назначение. Когда погребальную камеру называют домиком или теремком, то тем самым стремятся подчеркнуть сходство этой камеры с домом. Особенно четко эта мысль была сформулирована Е. И. Горюновой: «Домики мертвых», теремки, «домовины», поставленные на могильный курган или скрытые в его насыпи, — пишет Е. И. Горюнова, — были отражением реального для данного места и времени жилища» [17]. Такой же точки зрения придерживается и И. П. Русанова, полагающая, что деревянные сооружения в курганах, по-видимому, имитируют жилой дом [18]. Нам представляется, что устройство большинства погребальных камер, обнаруженных в курганах Верхнего и Среднего Дона, нельзя сравнивать с жилищем. Подавляющее большинство камер Боршевского могильника имело продолговатую форму, напоминающую не дом, а скорее гробовище. Все камеры были низкими. Там, где это удалось установить, они, как правило, не поднимались выше 35 см (лишь высота двух камер была равна 40 и 55 см) и имели плоскую крышу. Неправомерно и сравнение этих сооружений с бдыном летописи. Бдын — это наземная постройка, которая сооружалась не в могиле, а над нею. Наиболее древнее упоминание термина «бдын» восходит к завещанию княгини Ольги. Княгиня Ольга завещала Святославу «погрести ся с землею ровно, а могилы не сути, ни тризны творити, ни бъдыня деяти» [19]. «Повесть временных лет» очень последовательно перечисляет обряды, связанные с погребением. Сначала насыпается курган, затем совершается тризна и после этого уже на кургане возводится бдын. Об обычае сооружать над могилой постройки свидетельствуют и другие письменные известия.

В одной из повестей «О зачале царствующего города Москвы» сообщается о том, как князь Данил Суздальский, спасаясь от преследования сыновей боярина Стефана Ивановича Кучки...» побеже подле реки, бояся за собою гонивших людей его... И не имея где прикрытися: пусто бе место в дебрии, и по прилучаю найде в той дебрии струбец мал стоит, под ним же погребен бысть ту некоторый мертвы человек. Князь же влезе в струбец тот, закрывся в нем, забыв страх мертвого. И почи ту нощь темную осеннюю до утрия» [20]. Судя по этому источнику, струбец — это тот же бдын. Он также ставится над могилой. «Струбец» повести — это большая постройка, в которой человек может вполне надежно разместиться.

Обычай сооружать постройки над могилами еще в XIX в. был распространен в Нижегородской, Костромской, Калужской, Черниговской губерниях. В этих наземных постройках погребения не совершались в отличие от деревянных камер в донских курганах, куда помещался прах умерших. Возможно, прав А. Котляревский, который считает, что, согласно верованиям славян, душа умершего после погребения прилетала на могилу, чтобы навестить тело и в таких домиках «могла отдохнуть» [21]. Таким образом, применительно к рассматриваемым погребальным сооружениям нам представляется более целесообразным называть их обобщенным термином «погребальная камера», и лишь условно они могут быть названы «избой смерти» [22].

В целом погребальный обряд населения Подонья в конце I тысячелетия н. э. является прекрасной иллюстрацией погребений, совершенных по языческому обряду, одним из

главных компонентов которого можно назвать культ огня и солнца. Он проявляется и в том, что прах умершего сжигался на костре, и в том, что в основании и в насыпи ряда курганов встречаются следы костров или отдельные угли как символ огня, и в том, что имеются следы огня на некоторых погребальных камерах.

Другим проявлением языческих верований являются святилища, воздвигнутые в честь какого-либо божества, либо посвященные целому пантеону божеств. Языческие святилища на земле восточных славян были обычным местом молений до принятия христианства. Именно об уничтожении таких святилищ сообщается в «Повести временных лет» под 988 г. В этом году Владимир «...повеле рубити церкви и поставляти по мъстомъ, иде же стояху кумири» [23]. По своему устройству святилища не были одинаковыми.

В бассейне Дона также было открыто языческое святилище (рис. 26). Оно располагалось на восточной стороне мыса Воргольского городища. От него уцелели обожженная

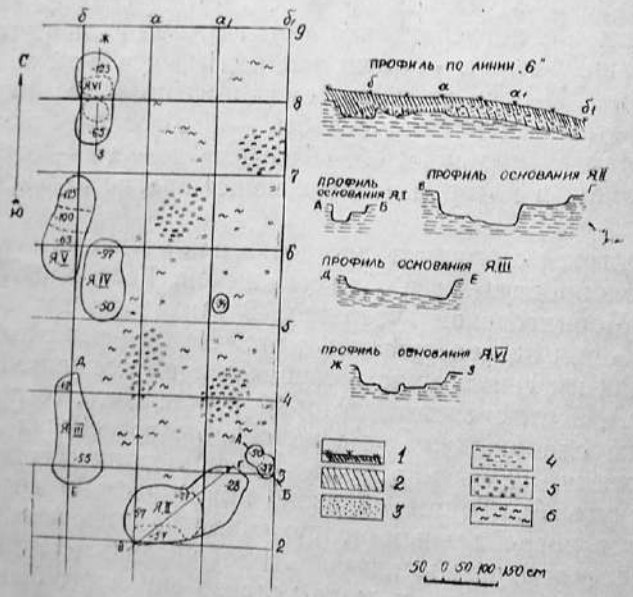


Рис. 26. План, профиль и разрезы ям Воргольского святилища: *1* — гумус, *2* — чернозем, *3* — песок, *4* — глина (материк), *5* — обожженная глина, *6* — зола

глинобитная площадка округлой формы и окаймляющие ее ямы. Святилище сохранилось не полностью. Часть ямы и глинобитной площадки обрушилась в овраг. Длина сохранившейся части площадки около 12 м, ширина была, вероятно, несколько более 6 м, толщина глинобитного слоя 5—6 см. Примерно в центре площадки находится яма диаметром 50 см, глубиной около 40 см. Вблизи нее на поверхности глинобитной площадки были отчетливо видны пятна сильно прокаленной глины, на которых сохранилось значительное скопление золы. Возле ямы лежала часть скелета лошади, среди костей найдены три железных наконечника стрел. На остальных участках площадки зола встречена лишь в незначительных количествах. Здесь же находились отдельные кости животных и несколько вещей: обломок железного ножа, дужка от замка, обломок бронзовой гривны, бронзовая трапециевидная подвеска, стеклянная бусина, два астрагала, обломок глиняного светильника и две глиняные поделки.

Глинобитную площадку окаймляли ямы продолговатой формы. Яма I (0,5×1 м, глубина 0,5 м) почти до половины была заполнена золой. В золе обнаружены мелкие фрагменты от сосудов боршевского типа. Яма II (1,55×3,8 м, глубина 0,77 м) с восточной стороны имеет уступ. Она заполнена золой, которая сверху перекрывалась черноземом и глиной, наползшей с площадки. В зольном слое найдены железный рыболовный крючок, черепки от трех сосудов боршевского типа и один фрагмент стенки сосуда эпохи бронзы. Яма III (0,45×0,3 м, глубина 0,42—0,55 м) в нижней части также заполнена золой. В зольном слое находились обломки от одного сосуда боршевского типа и фрагменты стенок сосудов эпохи бронзы. На дне ямы IV (1,3×3,2 м, глубина 0,5 м — 0,97 м) был углистый слой, в котором найдены отдельные кости животных. В яме V (1,15×2,7 м, глубина 0,65 м — 1,23 м) в нижней части, в зольном слое, найдены обломки жернова, обломок биконического глиняного пряслица, обломок косы, обломок серьги, раздавленный сосуд боршевского типа и фрагмент дна сосуда эпохи бронзы. В центре ямы VI (1,25×2,4 м, глубина 0,65 м — 1,23 м) — две небольшие ямки глубиной 0,1 м — 0,25 м. Нижнюю часть ямы заполняла зола. В золе встречены фрагменты от пяти сосудов боршевского типа и отдельные кости животных.

Данные стратиграфии и характер находок позволяют говорить о том, что площадка и ямы составляют единый ком-

лекс. Время существования этого комплекса определяется датировкой некоторых из найденных здесь вещей: железных наконечников стрел, серьги и бусины, замка и в какой-то мере — глиняной посуды.

Из трех железных наконечников стрел первоначальная форма сохранилась лишь у одного, остальные сильно корродированы. Этот наконечник стрелы плоский, ланцетовидной формы. Подобный тип наконечников стрел был распространен на Руси в IX—XI вв.[24] Серьга сохранилась не полностью. От нее уцелела лишь часть кольца с гиревидной подвеской. Этот тип серьги характерен для салтовской культуры. Ареал распространения таких серег чрезвычайно велик. В средней полосе СССР подобные серьги позже X в. не встречались[25]. Бусина стеклянная, синего цвета, по форме может быть отнесена к бусинам зонного типа. Такие бусы были распространены в X—XI вв.[26] От замка уцелела лишь часть дужки. Судя по ее размерам и форме, она принадлежала цилиндрическому висячему замку. Как можно судить на основании полевых исследований последних лет, висячие цилиндрические замки появляются в X в.[27] Все обломки сосудов принадлежали горшкам, вылепленным от руки из глины с примесью шамота и песка, и находят аналогии среди керамики с поселений Верхнего и Среднего Дона. Датировка отдельных вещей и наличие лепной керамики боршевского типа позволяют отнести описываемый комплекс к самому концу I тысячелетия и связать его с изучаемым нами населением. По данным раскопок, это святилище представляется в следующем виде. В центре его, в ямке, был установлен деревянный идол. Вокруг него на глиняной площадке горели священные костры, огонь разводили и в окружающих площадку ямах. В жертву идолу приносили животных и различные вещи. Как уже указывалось, среди костей животных, найденных на площади святилища, удалось выделить диких и домашних животных: (косули. медведи, бобры, лоси, лошади и крупный рогатый скот). Вероятно, эти животные были принесены в качестве жертв не случайно. Охота играла у населения Подонья весьма существенную роль. Как известно из области этнографии, нередко перед тем, как отправиться на охоту или после удачной охоты охотники совершали ритуальные обряды. Возможно, и здесь имеет место один из таких обычаев.

Жертвоприношения крупного рогатого скота и особенно лошади также не были случайными. На этом же городище

перед строительством внутреннего вала в конце I тысячелетия н. э. (более древняя часть относится к эпохе бронзы) было совершено ритуальное погребение головы лошади. Для этого в древнем валу была вырыта округлая яма диаметром 1 м 20 см, глубиной до 50 см. На ее дне оказался слой углей, которые с ритуальными целями были ссыпаны в яму. Сюда же был положен череп лошади, несколько десятков астрагалов, на большинстве которых есть отверстия для подвешивания, и фрагменты от двух сосудов боршевского типа. Таким образом, на Воргольском городище мы дважды встречаем обряд, связанный с культом лошади.

Культ коня был широко распространен у различных народов, в том числе и у славян, еще с древнейших времен и в некоторых своих проявлениях дожил до недавнего времени[28]. Магическая сила приписывалась не только коню, но и конскому черепу. Череп должен был предохранять жилище, пасеки, огороды от злых духов и приносить счастье. Обычай вешать на шест череп возле дома, огорода, пасеки наблюдался в центральных районах России — в Московской, Курской, Рязанской губерниях еще в 20-х гг. нашего столетия[29]. Череп коня славяне бросали в костер в Иванов день для того, чтобы отогнать от священного огня злых духов[30].

Конская голова служила и как «строительная жертва». Во время археологических исследований в г. Великие Болгары около восточного угла дома XIII в. найден конский череп, который в свое время был тщательно зарыт в ямку и прикрыт каменной плиткой. Этот лошадиный череп, по мнению А. П. Смирнова, являлся оберегом[31]. В древнем Новгороде голова коня «как «строительная жертва» использовалась очень широко. Конские черепа были встречены под домами X—XIV вв. Как полагает В. В. Седов, «строительная жертва» была связана со входом в постройку[32]. К подобной «строительной жертве» прибегали и при сооружении плотин. На Украине в плотину закапывали кобылью голову для того, чтобы болотный (водяной) не разорял ее в половодье[33].

Жертвоприношение, обнаруженное в валу Воргольского городища, восходит к той же традиции совершать «строительную жертву». И в данном случае, вероятно, конской голове придавалась магическая сила, способствующая долговечности и надежности сооружаемого укрепления.

Воргольское городище — это пока единственное в бассейне Дона место, где было открыто языческое святилище.

Специфика этого городища заключается в том, что на нем почти не было жилищ. Это дает основание предполагать, что городище являлось своеобразным культовым центром для жителей окрестных поселений.

Кроме погребальных памятников и святилища, о дохристианских верованиях донских славян свидетельствуют также амулеты, некоторые сюжеты резьбы по кости и скульптурные поделки.

В числе наиболее распространенных амулетов — амулеты из костей различных зверей [34]. Это прежде всего просверленные астрагалы бобра и косули. В литературе высказывалось сомнение по поводу того, что такие астрагалы являлись амулетами, и считалось, что они использовались как игральные бабки [35]. Однако находки амулетов из астрагалов бобра в погребениях, например, Ярославских могильников, полностью рассеивают сомнение относительно их назначения [36].

Наличие на Дону большого числа амулетов из костей бобра нельзя считать случайным. По всей видимости, промысел бобра играл большую роль в жизни живших здесь славян, поэтому они были хорошо знакомы с повадками этих зверьков. Для язычников, у которых вся окружающая их природа была наделена сверхъестественными силами, повадки этих животных казались какими-то необычными. Нам представляется не лишенным истины соображение В. Н. Скалона, что именно с бобрами связано происхождение таких персонажей языческой религии, как водяные, которые якобы имеют среди тростников и омутов свои постройки, по ночам пасут скот и валят деревья, а в лунные ночи хлопают по воде ладонями и т. д. [37] Хорошо известно, что бобры свои домики-хатки строят по берегам глубоких омутов, на болотах, в заросших пойменных озерах и старицах. Для этого они «рубят» молодые деревья, сучья и ветки. Следы бобровых «рубок» отдаленно напоминают следы работы топором. Бобры ведут ночной образ жизни, при передвижении по воде их шорохи и всплески вполне могли быть приняты за хлопки ладонями. К бобровым жилищам ведут хорошо утоптанные тропы, расположенные по пути постоянного передвижения бобров к месту кормежки [38]. Таким образом, черты, которыми язычники наделяют своих водяных, очень легко обнаружить в повадках бобров.

Культ бобра был распространен у различных народов. Амулеты-обереги из бобровых астрагалов встречены среди

древностей финских племен Прикамья, Приуралья, Волго-Окского междуречья, на поселениях Прибалтики [39].

Вторую группу амулетов составляют амулеты из зубов животных и, в частности, амулеты из зубов медведя. Находки подобных амулетов свидетельствуют не только о почитании этих животных местным населением, но и о наделении их сверхъестественными силами, поскольку амулеты должны были защищать от опасности, ограждать от враждебных чар, предохранять от болезней.

В числе различных поделок, связанных с языческими верованиями, интересно изображение рыбы с Титчихинского городища, сделанное на обрубке рога. К сожалению, оба конца этого изделия обломаны. На утолщенной части рога отчетливо видны пасть рыбы, глаза в виде двойных продолговатых округлостей, рельефные жабры. Сохранившаяся часть туловища была почти вся покрыта так называемым циркульным орнаментом, который напоминает чешую. Это изделие найдено на полу одной из полуземлянок неподалеку от печи. Сходное изделие из рога было найдено и на Большом Боршевском городище, известны они и на других славянских памятниках.

Таким образом, у древнерусского населения Подонья мы наблюдаем те же черты дохристианских верований, что и у восточных славян в целом. Однако в языческих традициях изучаемого нами населения имеют место и влияния неславянских обычаев, что особенно ярко прослеживается в отдельных чертах погребального ритуала и в наличии здесь специфического набора амулетов, которые типичны для населения салтово-маяцкой культуры.

---

[1] Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г.— Труды ВУАК. Воронеж, 1908, вып. 4, с. 63; Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, 8, с. 14, 79.

[2] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 240; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 78; Соловьева Г. Ф. Славянские сосуды племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. в. э.— СА, 1956, 25, с. 148; Достижения археологической науки в РСФСР.— СА, 1967, 3, с. 42 (автор соответствующего раздела — Р. Л. Розенфельдт); Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 101.

[3] Как уже отмечалось выше, полная документация имеется далеко не по всем раскопанным курганам. Поэтому в основу анализа погре-

бального обряда нами будут положены преимущественно результаты раскопок курганов экспедицией ГАИМК и университета.

[4] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 110.

[5] В доклад А. И. Мартиновича на XIV археологическом съезде вкралась ошибка. Там указывается, что зольные площадки располагались в юго-восточной стороне кургана. В то же время А. И. Мартинович отмечал, что погребальный обряд повторяет Лысогорский. На Лысогорском могильнике зольный слой А. И. Мартинович встречал в юго-западной стороне насыпи, что дает основание полагать, что и в чертовицких курганах зольная площадка размещалась также под западной полой кургана.

[6] Мартинович А. И. Хазарское городище в Воронежской губернии.— Труды XIV АС. М., 1911, т. 3, с. 113. Наличие обряда погребения, выявленного А. И. Мартиновичем, судя по данным других могильников, не исключает и иного варианта погребального обряда на этих же древних кладбищах.

[7] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 112.

[8] Там же, с. 82.

[9] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, 11, с. 29.

[10] Изюмова С. А. Курганы у дер. Тризново.— СА, 1961, 2, с. 252; Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв.— САИ, 1966, вып. Е 1—24. 14; Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны.— КСИИМК, 1959, вып. 74, с. 84.

[11] Лавров Н. Ф. Религия и церковь.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.— Л., 1951, т. II, с. 73; Русанова И. П. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области.— КСИА, 1967, 110.

[12] Спицын А. А. Воронежская губерния.— Отчет ИАК за 1905 г. СПб., 1908, с. 83; Третьяков П. Н. У истоков древней Руси.— По следам древних культур. М., 1953, с. 21.

[13] Третьяков П. Н. У истоков древней Руси, с. 21; Лавров Н. Ф. Религия и церковь, с. 73.

[14] Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена.— МИА, 1941, 6, с. 86; Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки..., с. 51.

[15] Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 297; Он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 64.

[16] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 114.

[17] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 78.

[18] Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв., с. 14.

[19] Повесть временных лет. М.— Л., 1950, ч. II., с. 316.

[20] Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 209, 216, 217.

[21] Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, с. 120, 244.

[22] Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях.—В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 43.

[23] Повесть временных лет. М.— Л., 1950, ч. 1, с. 81.

[24] Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65, с. 164.

[25] Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, с. 21.

[26] Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, 55, с. 167.

[27] Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 146—147.

[28] Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, с. 631; Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ. М., 1926, вып. 1, с. 7.

[29] Городцов В. А. Указ. соч., с. 24.

[30] Афанасьев А. А. Указ. соч., с. 635.

[31] Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951, с. 204, табл. VII.

[32] Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 25.

[33] Афанасьев А. А. Указ. соч., с. 635.

[34] Амулеты, типичные для населения салтово-маяцкой культуры, охарактеризованы в четвертой главе.

[35] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 48.

[36] Фехнер М. Б. Предметы языческого культа.— В кн.: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963, с. 87.

[37] Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951, с. 136.

[38] Барабаш-Никифоров И. И. Звери юго-восточной части Черноземного Центра. Воронеж, 1957, с. 243.

[39] Фехнер М. В. Предметы языческого культа, с. 89.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ И НАСЕЛЕНИЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ближайшим соседом донских славян с юга было население, оставившее салтово-маяцкую культуру. Памятники салтово-маяцкой культуры вплотную подходят к славянским поселениям. Это городища, селища, кочевья и могильники, расположенные по берегам Дона и его притокам [1]. Установлен район распространения памятников этого типа, определена их хронология. Выяснен характер социально-экономических отношений и особенности религиозных представлений. В настоящее время исследователи пришли к достаточно единодушному мнению, что культура салтово-маяцкого типа в Подонье не была единой. В северном лесостепном ареале преобладал аланский этнический компонент, в южном степном — болгарский. Основные сведения об этой культуре содержатся в работах С. А. Плетневой [2], Д. Т. Березовца [3].

Одним из сложных и мало разработанных вопросов является вопрос взаимоотношений населения салтово-маяцкой культуры со славянским миром, хотя следует отметить, что он неоднократно поднимался в работах ученых, занимавшихся салтово-маяцкой культурой.

Взаимоотношениями интересующей нас донской группы славян с населением салтово-маяцкой культуры специально никто из исследователей не занимался. Главной причиной этого было недостаточное количество материала, которым располагали ученые. И теперь, после проведения значительных полевых работ на боршевских памятниках у нас нет пока достаточных данных для решения этой проблемы в целом.

Характер материальной и духовной культуры алано-болгарского и славянского населения Подонья весьма различен,

хотя и те и другие были земледельцами. Причины этого явления лежат в разных источниках формирования их культур. Большую роль в образовании салтово-маяцкой культуры сыграли аланы с Северного Кавказа. Как справедливо замечает С. А. Плетнева, в Подонье «они (аланы. — *А. М.*) принесли с собой уже сложившийся земледельческо-скотоводческий уклад жизни и некоторые ремесла» [4].

Мы не будем здесь подробно касаться всех аспектов хозяйственной деятельности населения салтово-маяцкой культуры, отметим лишь, что уровень развития их хозяйства в ряде его отраслей (в частности в гончарном ремесле) был выше, чем у их соседей — донских славян.

Совершенно естественно, что между славянским и аланским населением Подонья существовали тесные контакты. Наиболее наглядными показателями таких контактов могут явиться вещи салтово-маяцкой культуры, встреченные на памятниках Подонья. Это прежде всего керамика (рис. 27).

Рис. 27. Керамика салтово-маяцкого типа со славянских памятников Подонья

Керамика салтово-маяцкой культуры встречается и на поселениях и в могильниках. На поселениях это, как правило, мелкие обломки сосудов, тогда как в могильниках находятся целые экземпляры. Насколько можно судить по исследованным памятникам, распространение керамики салтово-маяцкого типа на славянских поселениях Верхнего и Среднего Дона не одинаково.

На Титчихинском городище эта керамика составляет 10% керамического материала.

На Малом Боршевском городище [5] посуда салтово-маяцкого типа составляет всего 1,5%. На Большом Боршевском городище подобная посуда имеется, но в очень ограниченном числе [6]. Единичные экземпляры ее найдены на Кузнецовском городище [7]. На Михайловском городище, где раскопки носили разведочный характер, из 50 фрагментов керамики лишь 3 принадлежат сосудам салтово-маяцкого типа [8]. На Воргольском городище этой керамики вообще нет. На Белогорском городище керамики салтово-маяцкого типа в сравнении со славянской в процентном отношении больше, чем на других поселениях.

Таким образом, посуда салтово-маяцкого типа в значительном числе встречена лишь на Белогорском и Титчихинском городищах, т. е. с одной стороны, в наиболее южном районе распространения славянской культуры, где славяне ближе всего соседствуют с населением салтово-маяцкой культуры, и, с другой стороны, в нижнем течении р. Воронеж.

Исходя из классификации керамики салтово-маяцкой культуры, предложенной С. А. Плетневой [9], среди имеющегося в нашем распоряжении керамического материала можно выделить кухонную, столовую и тарную посуду.

На Верхнем и Среднем Дону встречены и кухонные горшки, вылепленные на круге. Они известны на Белогорском, Кузнецовском и Титчихинском городищах. Это горшки яйцевидной или шаровидной формы с округлым венчиком, в большей или меньшей степени отогнутым наружу. В тесте сосудов встречается примесь мела и песка. Обжиг сосудов равномерный. Черепок в изломе серый, поверхность темно-серая. По тулову они орнаментированы либо горизонтальными, либо волнистыми линиями, по венчику — косыми насечками или гребенчатым штампом. Горшок такого типа с Кузнецовского городища сохранился почти полностью. Он имеет яйцевидную форму и слегка отогнутый наружу венчик. Горшок вылеплен из глины с примесью песка. В верхней части тулова и по плечикам он орнаментирован желобчатыми линиями и рядами отпечатков гребенчатого штампа.

К кухонной посуде следует отнести и обломок сковородки, встреченной на Титчихинском городище. Она сделана на гончарном круге из плотной, хорошо промешанной глины с примесью песка. Ее наружная стенка украшена орнаментом из волнистых линий.

В интересующем нас районе известна и столовая посуда салтово-маяцкой культуры. Представлена она преимущественно в обломках, за исключением тех сосудов, которые происходят из погребений. Бросается в глаза такая закономерность. На памятниках, расположенных по берегам Дона, лощеная керамика почти не встречается, тогда как, например, на Белогорском городище ее довольно много. На данном этапе исследования определенно можно говорить лишь о двух видах этой посуды — кувшинах и кружках. Кувшины (серого и красного обжига) характерной, расширяющейся ко дну формы. Все они имеют ручку и слив и украшены пролощенными полосами и врезными линиями. Отношение их высоты к наибольшему диаметру тулова примерно 1 : 1. Прочерченные линии как бы выделяют наиболее широкую часть тулова сосуда, а иногда и его плечики; широкие лощеные полосы украшают тулово в его наиболее округлой части. Они нанесены в продольном направлении. Узкие полоски лощения подчеркивают нижнюю часть кувшинов. На плечиках сосудов эти полосы ограничены врезными линиями. Подобные кувшины лучше всего известны по Белогорскому могильнику. Встречались также они и на некоторых городищах (Большое Боршевское, Белогорское и т. д.).

Кружки представлены лишь одним целым экземпляром с Лысогорского могильника.

Остатки тарной посуды — амфор и кувшинов — дошли до нас в обломках. Наибольшее их число встречено на Титчихинском городище, хотя известны они и на других поселениях (Большое Боршевское).

Преобладающим типом тарной посуды на Верхнем и Среднем Дону являются кувшины. Это высокие стройные красноглиняные сосуды с удлиненным горлом и небольшим дном, с плоской ручкой, прикрепленной одним концом к горлу, другим к плечику. Красноглиняные кувшины, как отме-

чает С. А. Плетнева, были особенно широко распространены на Таманском городище, на некоторых поселениях Восточного Крыма и Саркела [10].

Амфоры встречены не на всех раскопанных поселениях. Их обломки найдены на Титчихинском, Большом Боршевском и Белогорском городищах. Судя по имеющимся в нашем распоряжении обломкам, амфоры подобного типа были широко распространены на поселениях салтово-маяцкой культуры в Подонье и Приазовье [11].

В обзор керамики салтово-маяцкого типа следует включить также и два фрагмента лепной посуды с прочерченными на них знаками. Оба встречены на Титчихинском городище [12]. На одном из них по сырой глине процарапан знак из трех перекрещивающихся линий. Близкие по начертанию знаки встречались и ранее, в частности в Саркеле-Белой Веже [13] и на кирпичах из укрепления у с. Цар Крум [14]. Второй знак очень неопределенных очертаний также имеет некоторое сходство со знаками, обнаруженными в Саркеле.

Говоря о распространении на славянских поселениях керамики салтово-маяцкого типа, нельзя не упомянуть о пряслицах, сделанных из черепков этой посуды. Наибольшее число (25) подобных пряслиц встречено во время раскопок городища Титчиха. Они составляют примерно 30% от всех пряслиц конца I тысячелетия н. э. с этого поселения. На городище была встречена и заготовка для пряслица такого рода. Ее диаметр — 3 см. Так же, как и обломки сосудов салтово-маяцкого типа, они встречаются по всей раскопанной площади.

Подобные пряслица найдены и при раскопках других поселений. На второе место после Титчихинского городища можно поставить Большое Боршевское городище (13 экземпляров). На остальных поселениях находки их единичны. В целом же в сравнении с другими районами, заселенными восточными славянами, в бассейне Верхнего и Среднего Дона эти пряслица встречаются значительно чаще.

Металлические вещи, характерные для салтово-маяцкой культуры, представлены на поселениях Верхнего и Среднего Дона лишь очень незначительным числом украшений. На городище Титчиха их встречено всего пять: два бронзовых перстня, одна подвеска, одна копоушка и одна сердцевидная пременная бляшка.

На других поселениях металлических вещей салтово-маяцкой культуры еще меньше. На Дону они не были встречены ни на Архангельском, ни на Большом Боршевском городищах. Среди исследованных городищ по р. Воронеж одна металлическая вещь салтово-маяцкого типа встречена на Белогорском городище. Это перстень со стеклянной жуковиной, закрепленной крестообразно расположенными лапками. Такие перстни известны на памятниках салтово-маяцкого типа. Самым северным поселением, куда проникали металлические изделия салтово-маяцкого типа, является Воргольское городище. Здесь был найден обломок литой серьги с удлиненной подвеской, имеющей на конце шишечку.

Кроме металлических украшений, на поселениях интересующего нас района встречены и украшения из стекла. На Титчихинском городище это два обломка браслетов. Они сделаны из черного стекла, в сечении круглые. Их диаметр 5,5 см, толщина 0,7—0,9 см. Подобные браслеты известны в хазарском слое Саркела-Белой Вежи. Они бытуют на всем протяжении существования города и особенно часто встречаются в слоях IX—X вв. З. А. Львова полагает, что в хазарское время в Саркеле было собственное производство неинкрустированных черных стеклянных браслетов простейших форм [15].

В главе о религиозных представлениях древнерусского населения Подонья мы характеризовали типичные для этого населения амулеты и подчеркивали, что основную их массу составляют просверленные амулеты бобра и косули. В то же время здесь встречаются также амулеты из зубов и пястных косточек лисы и собаки, из длинных фалангов задних заячьих лапок. Например, среди нескольких десятков обычных для славян амулетов на городище Титчиха такие амулеты представлены по одному экземпляру каждого вида. Один из подобных амулетов найден на Большом Боршевском городище.

К амулетам, широко распространенным у населения салтово-маяцкой культуры, следует отнести и упомянутую выше круглую подвеску. В работе С. А. Плетневой подробно анализируются близкие по форме амулеты, которые она связывает с символикой солнца [16].

Таким образом, на Верхнем и Среднем Дону встречаются различные вещи, характерные для салтово-маяцкой культуры. В целом создается такое впечатление, что изучаемый нами район Подонья находился в больших контактах с насе-

лением этой культуры, нежели славянские поселения Днепровского Левобережья и Верхней Оки. С одной стороны, это были торговые связи, о чем можно судить по находкам обломков амфор, тарных кувшинов и гончарных сосудов других типов. С другой стороны, связь была и иного плана. Находки на некоторых поселениях лепной керамики и керамики, сделанной лишь с подправкой на круге, позволяют высказать предположение о каком-то довольно длительном пребывании «салтовцев» на этих поселениях, ибо трудно допустить, чтобы подобная посуда специально приобреталась славянами у их соседей. Наибольшее число лепной посуды, как отмечалось выше, было встречено во время раскопок Белогорского городища. Она найдена там наряду с обычной керамикой боршевского типа. Там же выявлены остатки полуземляночных помещений с открытыми очагами. На полу этих построек встречена лепная и гончарная керамика только салтово-маяцкого типа. Во время раскопок вала во всей его толще была встречена не только лепная керамика боршевского типа, но и обломки от сосудов салтово-маяцкой культуры, сделанные от руки и на гончарном круге. Здесь же найден обломок красноглинной округлодонной амфоры с рифлением, плоское пряслице из черепка салтово-маяцкого типа, обломок серпа, наконечник стрелы, перстень с жуковинкой, железные пряжки, несколько сильно коррозированных железных вещей, костяные поделки и раздробленные кости животных. Мы так подробно остановились на перечислении находок из насыпи вала, чтобы показать, что к моменту его создания поселение на Белой горе уже существовало.

Создается такое впечатление, что на Белой горе еще до сооружения укреплений было поселение, где жили не только славяне, но и носители салтово-маяцкой культуры. Такое сосуществование славянского населения и населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, известно и по другим памятникам. Д. Т. Березовец отмечает такой факт для Битицкого городища [17], М. И. Артамонов — для Саркела [18]. На Северном Донце славяне жили в непосредственном соседстве с салтовцами и, как полагает С. А. Плетнева, были не только близкими, но и мирными соседями [19]. По всей видимости, аналогичную картину мы наблюдаем и на Белогорском поселении. Наличие такого совместного славяно-аланского поселения наложило отпечаток и на погребальную традицию. Курганы на Белогорском могильнике, как мы видели, отличаются от основной массы славянских погребений.

На Титчихинском городище также не исключено наличие салтовского населеня, о чем свидетельствуют отдельные находки обломков лепной, подправленной на круге керамики и специфических, характерных для салтово-маяцкой культуры амулетов. Отметим лишь, что амулеты салтово-маяцкого типа из кости встречены: один — во втором штыке на мысу, другой — в заполнении полуземлянки на плато, обломок металлического амулета — в слое на мысу.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить скорее о добрососедских, чем о враждебных отношениях алано-болгарского и славянского населения Верхнего и Среднего Дона.

---

[1] Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1967, 142.

[2] Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75; Она же. Средневековые поселения верховьев Северского Донца.— КСИИМК, 1960, вып. 79; Она же. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961; Она же. Подгоровский могильник.— СА, 1962, 3; Она же. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.— СА, 1962, 1; Она же. От кочевий к городам, и др.

[3] Березовець Д. Т. Слав'яни й племена салтівської культури. Археологія. Київ, 1965, XIX.

[4] Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 185—186.

[5] Раскопки экспедиции П. П. Ефименко дали всего несколько обломков сосудов салтово-маяцкого типа (Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, № 8, с. 75), поэтому за основу мы берем данные исследования экспедиции ВГУ.

[6] Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 44.

[7] Там же, с. 95.

[8] Там же, с. 109.

[9] Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 103.

[10] Там же, с. 133.

[11] Там же, с. 129.

[12] Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 166, рис. 55.

[13] Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи, с. 233, рис. 18, *6*.

[14] Антонова В. Аулът на Омуртаг при с. Цар Крум. Археология. София, 1963, кн. 2, с. 53, рис. 9, *19*.

[15] Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75, с. 310, 321.

[16] Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 175.

[17] Березовець Д. Т. Слов'яни й племена Салтівської культури, с. 53.

[18] Артамонов М. И. Саркела-Белая Вежа, с. 62.

[19] Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая наше исследование, мы хотим сделать некоторые выводы и высказать ряд соображений.

Славянское население, оставившее памятники боршевского типа, появилось на Верхнем и Среднем Дону и его притоках не ранее IX в. Эта территория осваивалась славянами не единовременно. Вероятно, это был длительный процесс, продолжавшейся и в течение всего X в. и прекратившийся лишь в самом конце I тысячелетия н. э., когда население покинуло эти места.

Заселение Дона большим массивом славянского населения, по всей видимости, следует считать продолжением той волны славянского передвижения, которая привела их и на Верхнюю Оку. Переселенцы нашли на Дону свободные земли и благоприятные условия для развития земледелия, скотоводства и различных промыслов.

Основу хозяйства населения на интересующей нас территории, как и вообще в славянском мире в это время, составляло пашенное земледелие. В их хозяйстве, как и повсеместно у славян, главную роль играли изделия из железа. Местные кузнецы изготовляли из него различные орудия труда, оружие и вещи, необходимые в быту. По технологии определенные виды кузнечных изделий, изготовленных местными мастерами, не отличались от подобных изделий мастеров из древнерусских городов X—XI вв. Однако здесь еще нет стандартизации форм, присущей развитому ремеслу [1].

Наличие на поселениях привозных вещей с территории Хазарского каганата, монеты из Средней Азии и Ближнего Востока свидетельствуют о том, что это население не было оторвано от внешнего мира. Река Дон в ту пору являлась

одной из важных торговых артерий. В целом уровень развития хозяйства у славянского населения на Верхнем и Среднем Дону был таким же, как на поселениях сельского типа в других районах восточнославянского мира.

Однако хозяйство донских славян имело и свою специфику. Она проявлялась прежде всего в значительной роли охоты. В этом районе ее удельный вес был более ощутим, чем на остальной территории славянской лесостепи. Другую особенность хозяйства донских славян составляло то, что глиняная посуда вплоть до конца X в. в своем большинстве была вылеплена здесь от руки, и лишь отдельные сосуды подправлялись на гончарном круге. Объяснение этому, вероятно, следует искать в относительно малой заселенности района Верхнего и Среднего Дона, в результате чего местные гончары не могли бы обеспечить сбыт своего товара.

Единственным типом древнерусских жилищ на Дону являлись однокамерные полуземлянки. Их материковые стены всегда облицовывались деревом. Пол в них материковый, без каких-либо следов подмазки. Основным типом отопительных сооружений являлись печи-каменки, сложенные либо только из камней, либо из камней на глиняном растворе. В то же время как исключение встречаются печи из материка, из глины, печи, при сооружении которых материк использовался лишь частично. Наряду с печами сооружались и очаги, но они имелись лишь в незначительном числе жилищ.

Население укрепляло свои поселки не только рвами и земляными валами, но и специальными деревянными конструкциями, которые возвышались над валом, а иногда устанавливались и по дну рва. Камень и глину как материал для строительства укреплений здесь практически не использовали.

Древнерусское население Подонья, как и вообще восточные славяне, вплоть до конца X в. было языческим. Это наиболее ярко проявляется в погребальном обряде. Единым для подавляющего большинства погребений являлось трупосожжение на стороне с последующим погребением праха умершего на заранее размеченной округлой площадке, преимущественно в восточной ее части. Над погребением возводился курган. Вместе с останками погребенного ставились сосуды, вещей в погребениях почти нет. В то же время имеются курганы, в которых погребальный ритуал более сложен. В них встречаются камеры и оградки или только каме-

ры, или только оградки, зольные прослойки в насыпи и в основании, камни и т. д. Эти последние особенности присущи не всем погребениям. Встречены также единичные погребения праха сожженного в неглубокой продолговатой формы могильной яме и в насыпи кургана. Известны курганы с сожжением умершего на месте будущей насыпи.

Мы перечислили здесь лишь основные, наиболее характерные черты, присущие культуре славян, живших на Верхнем и Среднем Дону. Она представляется нам своеобразной и несколькой разноликой. Поэтому культуру донских славян мы не можем безоговорочно называть культурой древнейших вятичей. Тем более у нас нет основания отождествлять ее с культурой северян или радимичей.

В связи с особенностями культуры славянского населения на Верхнем и Среднем Дону следует остановиться на понятии «роменско-боршевская культура», к которой многие исследователи относят и изучаемые нами памятники.

Понятие «роменско-боршевская культура» было введено в научный оборот И. И. Ляпушкиным [2]. Как известно, название этой культуре дано по двум к тому времени лучше изученным группам памятников: у г. Ромны Сумской области и в с. Борщево (в археологической литературе ошибочно оно названо Боршево) Воронежской области. В противоположность мнению тех исследователей, которые подчеркивали различие в культуре населения, оставившего памятники боршевского и роменского типов, И. И. Ляпушкин говорил об их тождестве [3].

Первоначально в качестве сходных черт в роменской и боршевской культурах им отмечались местоположение поселений в недоступных местах, жилища-полуземлянки, общий тип керамики, захоронение в курганах с деревянными камерами. При этом И. И. Ляпушкин в качестве признаков, особенно подчеркивающих родство обеих культур, называл наличие у роменцев, как и у боршевцев, глиняных тарелок (сковородок), якобы нигде на поселениях этой поры (кроме Салтова) не встречающихся, а также сосудов, орнаментированных вертикальными желобками (каннелюрами), которые известны только на роменских и боршевских городищах [4]. Впоследствии И. И. Ляпушкин снова возвращается к характеристике роменско-боршевской культуры и несколько конкретизирует ее. Теперь в качестве основных черт им отмечаются: «1) укрепленный тип поселений в пограничных со степью районах и неукрепленный в областях, удаленных от степи; 2) полуземляночный тип жилищ с печами-каменками или печами, вырезанными в материковой глине; 3) лепная по преимуществу керамика (характерные типы сосудов — горшки, миски, сковородки, большие сковородки); 4) господствующий обряд захоронения — трупосожжение; 5) примитивность и архаизм культуры» [5].

Понятие «роменско-боршевская культура» широко вошло в научный оборот. Принял его и П. Н. Третьяков, который в своих предшествующих работах отличал роменское население (северян) от донского населения (вятичей) [6], а в одной из последних работ говорит о тождестве культуры всего днепро-донского населения и объединяет его вслед за И. И. Ляпушкиным в единую роменско-боршевскую культуру [7]. Однако в отличие от И. И. Ляпушкина, П. Н. Третьяков не считает возможным в качестве этнографического признака, характерного для роменско-боршевской культуры, выделять городища и селища, ибо тот или иной тип поселения предопределяется прежде всего исторической обстановкой. С этим нельзя не согласиться. В подтверждение этнографического единства всей этой территории им приводятся особенности погребального обряда и керамики. Говоря об особенностях погребального обряда, П. Н. Третьяков указывает на наличие по всему этому району курганов с деревянными камерами и оградками. Типичной формой посуды он считает высокие горшки с отогнутым наружу венчиком, сужающимся конусообразным туловом и относительно узким плоским дном. Этот тип посуды, по его мнению, характерен для верхнего течения Десны, Оки и Дона, он преобладает и на левобережье Среднего Днепра. В качестве другой особенности посуды роменско-боршевского типа П. Н. Третьяков отмечает то, что около 50% сосудов здесь имеют орнаменты [8]. Орнамент, пишет он, наносился по плечикам зубчатым (гребенчатым) штампом или штампом из «перевитой веревки». Венчик по краю нередко украшался отпечатками пальцев или защипами.

Таким образом, исследователи, объединяющие в единую роменско-боршевскую культуру район лесостепи Днепро-Донского междуречья и Верхней Оки, заселенный славянами, подчеркивают сходство материальной и духовной культуры на всей этой территории.

Действительно, на этой огромной территории проживало славянское население со сходным уровнем социально-эко-

номического и духовного развития. При этом мы имеем в виду культуру поселений сельского типа, а не городов. Это сходство во многом предопределяется не только одинаковыми природными (зона лесостепи), но и историческими условиями. Зона лесостепи благоприятствовала развитию земледелия, скотоводства и различных промыслов. Этими же природными условиями определялись и сходные типы жилых построек. Жилища в данном районе всегда в большей или меньшей степени углублены в землю. Сходство имелось и в том, что все жители этой территории были язычниками — поклонялись силам природы, обожествляли огонь. Культ огня особенно ярко проявляется в погребальном ритуале. Во всей этой зоне умершие перед погребением предавались огню. Над местом погребения возводился курган. Однако это единство еще не является основанием для объединения славянского населения огромного района в единую археологическую культуру. Под археологической культурой в изучаемый период, на наш взгляд, следует понимать этнографическое единство родственного в этническом отношении населения, проживающего на локальной территории в определенное время. Говоря об этнографическом единстве, мы имеем в виду не столько сходство в уровне развития хозяйства и общественных отношений, сколько те особенности, которые составляют специфику культуры только данного населения. Такая специфика культуры наиболее ярко проявляется в особенностях погребального обряда, в некоторых деталях устройства жилищ (печи, пол и т. д.), в керамическом материале.

Говоря о погребальном ритуале, мы не можем согласиться с П. Н. Третьяковым, считающим, что погребальные камеры и оградки были в равной мере характерны для всей территории, на которой выделяется роменско-боршевская культура. Однако на самом деле чаще всего они встречаются на Верхней Оке, в бассейне Среднего и в значительно меньшей степени Верхнего Дона [9]. В целом же на территории роменско-боршевской культуры только по погребальным памятникам можно выделить по крайней мере четыре этнографических района: район северян, вятичей, радимичей и близких к вятичам, но не тождественных им донских славян.

О характерных чертах погребального обряда у славян на Дону мы только что говорили. Что же касается вятичей на Оке, то для них типично трупосожжение с последующим погребением сожженного праха в основании кургана [10]. Здесь

встречаются погребальные камеры и оградки, но, как и на Дону, они не обязательны для всех погребений, так же, как и зольные прослойки в основании курганов и в насыпи, ни как принадлежность ритуала; ориентировка погребений бывает различной. Наряду с обычной для славян ориентировкой встречается и ориентировка меридиональная; есть курганы с сосудами, поставленными вверх дном. Все эти черты являются отражением балтских и угро-финских традиций в культуре вятического населения.

Для погребальной традиции на собственно северянской территории типично трупосожжение на стороне с последующим погребением урны с прахом в насыпи кургана.

Радимический погребальный обряд находится еще в стадии изучения, но уже сейчас можно сказать, что радимичи сжигали своих умерших в отличие от вятичей и северян не в стороне от места погребения, а в основании (В. В. Седов) или в насыпи (Г. Ф. Соловьева) курганов [11]. Остатки трупосожжения часто не сгребаются в кучку. В некоторых курганах радимического типа встречены деревянные камеры и так называемые «огненные кольца».

Мы не будем здесь столь же подробно останавливаться на специфике в устройстве жилищ и керамическом материале. Отметим лишь, что при большом сходстве посуды на всей этой территории, как нам кажется, имеются и свои различия, которые особенно наглядно проявляются именно в наиболее массовом виде посуды — горшках. Так, например, если сравнить преобладающую форму горшков с земли вятичей и северян, то бросается в глаза, что при равной высоте горшки из земли вятичей приземисты, несколько тяжеловаты, тогда как у горшков с северянской территории более вытянутые пропорции. Кроме того, на земле северян имеются свои специфические типы горшков, которые нехарактерны для вятичей. При сходных компонентах орнамента и здесь наблюдается различие. Орнамент на северянской посуде более четкий, чем на вятической. Им украшались не только обрез венчика и плечики, но и внутренняя сторона венчика и значительно чаще, чем у вятичей, стенки сосудов.

Естественно, что вятичи, северяне и радимичи не жили изолированно, поэтому нет ничего удивительного в том, что какие-то компоненты, скажем, вятической культуры можно увидеть на земле северян. Это относится преимущественно только к порубежным районам и не меняет картины в целом.

Таким образом, под понятием «роменско-боршевская культура» в действительности скрываются различные археологические культуры, свойственные северянам, радимичам, вятичам и донским славянам. Поэтому термин «роменско-боршевская культура» именно как археологическая культура, нам думается, не имеет права на существование. Его можно применять лишь как синоним древнерусского сельского населения Днепро-Донского лесостепного междуречья и верховьев Оки в конце I тысячелетия н. э.

В исследовании о славянских поселениях Среднего и Верхнего Подонья надо было бы специально рассмотреть причины, по которым население оставило свои поселки, и остановиться на вопросе о том, куда оно переселилось. К сожалению, каких-то новых материалов, которые позволили бы с определенностью ответить на эти вопросы, мы не имеем. Раскопки довоенных, так же, как и послевоенных лет дали на поселениях сходную картину. Все они оказались оставленными их жителями, которые унесли с собою весь свой скарб. Ни на одном из этих поселений не зафиксировано каких-либо явных следов сражения или осады, как это отмечает, например, И. И. Ляпушкин на Новотроицком городище [12]. Все это позволяет считать, что городища были оставлены жителями в относительно спокойной обстановке.

Источники не дают ответа и на вопрос о том, почему были оставлены обжитые и благодатные в природном отношении места. По всей видимости, правы те исследователи, которые связывали запустение этих поселений с участившимися в конце X века набегами печенегов. Если полагать, что пути движения кочевников на запад с течением лет особенно не менялись, то печенегам, так же, как позже татарам, были известны многочисленные «перелазы» через Дон и Воронеж, о которых в связи с татарами упоминается в ряде документов Разрядного приказа. Они были у р. Хворостани, у с. Боршево, Архангельского, Костенок, Устья, у Воронежа [13] и в ряде других мест, т. е. славянские поселения по Дону и Воронежу находились непосредственно на пути продвижения печенежских орд. Постоянная угроза разорения и угона в рабство заставила древнерусское население в конце X в. покинуть эти места.

В связи с этим возникает вопрос о том, куда ушло население из этого края. Естественно полагать, что древнерусское население с берегов Дона и Воронежа ушло куда-то в менее доступные для кочевников места. Это, вероятно, были лесные районы. А. Л. Монгайтом было высказано предположение, что древнерусское население Подонья постепенно переселялось на среднее течение Оки [14]. Для того чтобы принять или отвергнуть это предположение, надо иметь факты. Очень важно было бы проследить путь продвижения населения с Дона на Оку, увидеть на Оке черты, присущие культуре донских славян. К сожалению, и по сей день мы не располагаем надежными данными.

---

[1] Вознесенская Г. А. Обработка черного металла на городище Титчиха.— В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 251.

[2] Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры.— СА, 1947, IX, с. 126; Он же. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, 74, с. 167.

[3] Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры, с. 126.

[4] Там же, с. 128.

[5] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 168. После раскопок на Новотроицком городище И. И. Ляпушкин отказался от характеристики роменско-боршевской культуры как примитивной и архаичной (там же, с. 170).

[6] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 239.

[7] Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— СА, 1969, 4, с. 82—84.

[8] Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки, с. 83.

[9] Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1966, вып. 2, с. 140.

[10] Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, 163, с. 136.

[11] Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим данным VIII—XIV вв. н. э. (Вятичи, радимичи, северяне).— СА, 1956, 25, с. 141.

[12] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 188.

[13] ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола № 30, л. 9. Ола № 651, л. 92, 93; Там же. Книга Белгородского стола № 30, л. 9. О материалах Разрядного приказа нам сообщил В. П. Загоровский, за что мы выражаем ему свою благодарность.

[14] Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.— СА, 1953, 18, с. 181; Он же. Рязанская земля. М., 1961, с. 329.

ЛИТЕРАТУРА*

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Первый набросок.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.— Полн. собр. соч., т. 39.

Авдусин Д. А. Ровики славянских курганов.— В кн.: Древности Восточной Европы. — МИА, 1969, 169.

Алихова А. Е. Особый тип сооружений на городище Кузина гора.— СА, 1958, 3.

Алихова А. Е. Из истории Мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э.— В кн.: Из древней и средневековой истории Мордовского народа. Саранск, 1959.

Андрияшев А. М. Очерки истории Волынской земли до конца XIV ст. Киев, 1887.

Антонович В. Б. Попытка группировки городищ по их культурам в бассейне Днепра.— В кн.: Труды X АС. М., 1900, т. III.

Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе.— ПИДО, 1935, № 10.

Артамонов М. И. Белая Вежа.— СА, 1952, 16.

Артамонов М. И. Серкел-Белая Вежа.— МИА, 1958, 62.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.

Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

Арциховский А. В. Беседовские курганы.— КСИИМК, 1947, вып. 21.

Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865.

Барабаш-Никифоров И. И. Звери юго-восточной части Черноземного центра. Воронеж, 1957.

Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882.

* Список литературы составлен А. З. Винниковым.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885.

Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75.

Березовец Д. Т. До питання про літописних сіверян. Археологія. Київ, 1953, т. VIII.

Березовец Д. Т. Поселения уличей на Тясмине.— МИА. М., 1963, 108.

Березовец Д. Т. Слав'яни и племена Салтівської культури. Археологія. Київ, 1965, XIX.

Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы.— АСГЭ. Л., 1973, вып. 15.

Бломквист Е. Ф. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовици. Київ, 1977.

Бобринский А. А. Гончарство восточной Европы. М., 1978.

Брайчевский М. Ю. Об антах Псевдомакария.— СЭ, 1953, 2.

Брайчевский М. Ю. Походження Русі. Київ, 1968.

Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Быков А. А. Новые находки куфических монет.— КСИИМК, 1940, VIII.

Быков А. А. Девицкий клад куфических монет.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967.

Бырня П. П. Кут — древний тип поселения на территории Молдавии.— Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1961, № 5.

Валукинский Н. В. Археологические раскопки около Воронежа.— ИЖ, 1938, 6.

Валукинский Н. В. По следам древних предков. Воронеж, 1940.

Валукинский Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа.— СА, 1948, 10.

Вейнберг Л. Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.

Вестберг Ф. Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, 1908, февраль.

Винников А. З. Керамика Малого Боршевского городища.— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1972, вып. 4.

Винников А. З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронежем.— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977, вып. 6.

Винников А. З. Орнаментация боршевской керамики.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Винников А. З. Белогорский курганный могильник конца I тыс. н. э. на реке Воронеж.— В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979.

Владимирский-Буданов М. Формы крестьянского землевладения в Литовско-русском государстве XVI в.— В кн.: Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Киев, 1892.

Вознесенская Г. А. Обработка черного металла на городище Титчиха.— В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Воронежская губерния. Исследования А. А. Спицына.— В кн.: Отчет ИАК за 1905 год. СПб., 1908.
Второв Н. О заселении Воронежской губернии.— В кн.: Воронежская беседа. СПб., 1861.
Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» Летописного Городеска.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 10.
Ганусенко И. М. Воротьба східних слов'ян за вихід до Чорного моря. Київ, 1966.
Геннинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV в. Киев, 1881.
Голубовский П. В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XII вв. Киев, 1884.
Голубовский П. В. Болгары и Хазары — восточные соседи Руси.— Киевская старина, 1888, 7 (июль).
Гольмстен В. В. Лунницы Российского исторического музея. М., 1914.
Голубева Л. А. Киевский некрополь.— МИА, 1949, 11.
Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.
Городцов В. А. Дако-Сарматские элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, М., 1926, вып. 1.
Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, 94.
Грацианская Н. Н. Постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX вв.— Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия. М., 1960, т. 62.
Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
Готье Ю. В. Железный век Восточной Европы. М.— Л., 1930.
Громова В. И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа.— В кн.: Ефименко П. П. и Третьякова П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, 8.
Грушевский М. Історія України — Руси. Львів, 1904, т. 1.
Грушевский М. Спірні питання староруської этнографії.— В кн.: Статьи по славяноведению. СПб., 1904.
Грушевский М. Киевская Русь. СПб., 1911, т. 1.
Деопик В. Б. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв.— СА, 1961, 3.
Довженок В. И. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області— Археологічні пам'ятки. Київ, 1952, т. III.
Довженок В. И. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.
Ефименко А. Я. Дворищенское землевладение в Южной Руси.— В кн.: Русская мысль, СПб., 1892.
Ефименко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону.— Сообщения ГАИМК, 1931, вып. 2.
Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, 8.
Журжалина Н. П. Датировка древнерусских привесок-амулетов.— СА, 1961, 2.
Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1884.
Изюмова С. А. Курганы у д. Тризнова.— СА, 1961, 2.

Изюмова С. А. Вятическое погребение в Тульской области.— СА, 1957, 3.
Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной.— СА, 1964, 2.
Изюмова С. А. Курганы у с. Доброе Тульской области.— СА, 1970, 1.
Каргер М. К. Древний Киев. М.— Л., 1958, т. 1.
Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, 2.— САИ. М.— Л., 1966, вып. Е1—36.
Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (по археологическим материалам).— МИА, 1959, 65.
Ковалев С. И., Некрасов Е. К., Равдоникас В. И., Смирнов И. И. Краткое введение в историю докапиталистических формаций.— Известия ГАИМК, 1934, вып. 39.
Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, 32.
Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954.
Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, 1955, 22.
Косвен М. О. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище.— СЭ, 1950, 2.
Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
Котляревский А. О. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
Кропоткин В. В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
Кропоткин В. В. Караванные пути в Восточной Европе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
Куза А. В. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Древние славяне и их соседи (МИА, 1970, 176).
Кучера М. П. Про один конструктивный тип давньоруських укреплень в Средньому Подніпров'і. Археологія. Київ, 1969, т. XXII.
Лавров Н. Ф. Религия и церковь.— В кн.: История культуры древней Руси. М.— Л., 1951, т. 2.
Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ. М., 1965, вып. Д1—31.
Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75.
Львова З. А. К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы в VIII—X вв.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв.— Учен зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1923, вып. 3, т. 1.
Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам.— МИА, 1941, 6.
Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв.— КСИИМК, 1946, вып. 12.
Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры.— СА, 1947, 9.

Ляпушкин И. И. Старослов'янське поселения VIII—XIII ст. на території м. Полтави.— Археологічні пам'ятки, 1949, т. 1.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья.— СА, 1952, 16.
Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей.— Вестник Ленингр. ун-та, 1956, 20.
Ляпушкин И. И. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв.— КСИИМК, 1957, вып. 68.
Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, 74.
Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона— МИА, 1958, 62.
Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница.— МИА, 1958, 62.
Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа.— СА, 1959, 29—30.
Ляпушкин И. И. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны.— КСИИМК, 1959, вып. 74.
Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, 104.
Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, 152.
Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
Лясковронский В. Б. Городища, курганы и длинные (змиевы) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы.— Труды XI АС. М., 1901, т. I.
Мавродин В. В. Древняя Русь. Л., 1946.
Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.
Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов.— Известия ИАК, СПб., 1911, вып. 43.
Макаренко М. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу.— В кн.: Niedeluv sbornik. Прага, 1952.
Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963.
Марков Е. Л. Хазарские городища на р. Воронеж.— Русский вестник, 1891, т. 217, ноябрь.
Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г.— Труды ВУАК. Воронеж, 1908, вып. 4.
Материалы по истории Мордвы VIII—XI вв.— Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952.
Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65.
Милютин А. И. Следы древнего поселения близ с. Подклетного Воронежского уезда.— Труды ВУАК, 1904, вып. 2.
Монгайт А. Л. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани.— КСИИМК, 1947, вып. 17.
Монгайт А. Л. Древнерусские жилища XI—XIII вв.— СЭ, 1948, № 4.
Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.— СА, 1953, 18.

Монгайт А. Л. Старая Рязань.— МИА, 1956, 49.
Монгайт А. Л. Абу Хамид ал Гарнати и его путешествие в Русские земли в 1150—1153 гг.— История СССР, 1959, 1.
Москаленко А. Н. Архангельское (Голышевское) городище.— КСИИМК, 1952, вып. 48.
Москаленко А. Н. Из древнейшего прошлого Гремяченского района (по археологическим данным).— В кн.: Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области. Воронеж, 1953.
Москаленко А. Н. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской области в 1954 г. (Предварительное сообщение).— Труды Воронежского ун-та, 1955, вып. 3, т. 42.
Москаленко А. Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955.
Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1956, вып. 62.
Москаленко А. Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона.— В кн.: Славянский сборник, выпуск исторический. Воронеж, 1958, 1.
Москаленко А. Н. Воронежский край в эпоху первобытно-общинного строя и установления феодализма.— В кн.: Очерки истории Воронежского края с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1961.
Москаленко А. Н. Об уровне развития хозяйства боршевской культуры.— В кн.: Совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам Центрально-черноземного экономического района. Первая научная сессия. (Тезисы докладов и сообщений). Воронеж, 1962.
Москаленко А. Н. Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, вып. 1.
Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
Москаленко А. Н. Святилище на р. Воргол.— СА, 1966, 2.
Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1966, вып. 2.
Москаленко А. Н. К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.
Москаленко А. Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
Москаленко А. Н. К вопросу о роменско-боршевской культуре.— В кн.: Тезисы пленарних і секційних доповідней. Одесса, 1972.
Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте).— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966, т. 64.
Москаленко А. Н., Винников А. З. Городище и курганный могильник на Белой горе под Воронежем.— АО 1967 года. М., 1968.
Москаленко А. Н., Винников А. З. Раскопки Лысогорского могильника.— АО 1968 года. М., 1969.
Недошивина Н. Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей.— В кн.: Труды ГИМ. М., 1960, вып. 37.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Никольская Т. Н. Городища VIII—X вв. Воронежской области.— ВДИ, 1950, № 4.
Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка.— СА 3, 1957.
Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, 72.
Никольская Т. Н. Городище у дер. Николо-Ленивец.— СА, 1962, 1.
Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Труды ГИМ. М., 1956, вып. 32.
Очерки по истории Русской деревни.— Труды ГИМ. М., 1959, вып. 33.
Падалка П. О. О древних городах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губернии.— Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1905, вып. 1.
Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949, вып. IV.
Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, 62.
Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75.
Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца.— КСИИМК, 1960, вып. 79.
Плетнева С. А. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
Плетнева С. А. Подгоровский могильник.— СА 1962, 3.
Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.— СА, 1962, 1.
Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА. М., 1967, 142.
Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях.— В кн.: Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973.
Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.
Пряхин А. Д. Археологические памятники боршевской культуры на р. Воргол.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, вып. 1.
Раппопорт П. А. Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X—XIII вв.— КСИА АН УССР. 1955, вып. 4.
Раппопорт П. А., Косточкин В. В. К вопросу периодизации истории древнерусского военного зодчества.— КСИИМК, 1955, вып. 59.
Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, 52.
Раппопорт П. А. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества.— СА, 1960, 2.
Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, 105.
Раппопорт П. А. Про розвиток планово структури древньоруських житол лісостепової смуги.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. Київ, 1969.

Раппопорт П. А. Древнерусские жилища.— САИ, Л., 1975, вып. Е, 1—32.
Ратич О. О. Древньоруські виробиз кості і рогу знайдені на території Галицької і Волиньскої земель.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1962, вып. 2.
Ратич О. О. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня Львівське області в 1957—1959 рр.— В кн.: Материали и дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1962, вып. 4.
Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным.— СА, 1960, 1.
Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв.— САИ, 1966, вып. Е1—24.
Русанова И. П. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области.— КСИА, 1967, 110.
Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.
Рыбакоу Б. А. Радзімічы.— В кн.: Працы сэкцыі археолёгіі. Менск, 1932, т. III.
Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1939, 1.
Рыбаков Б. А. Ремесло Руси. М., 1948.
Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, 11.
Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— СА, 1953, 18.
Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.
Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969.
Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.
Савелов Л. М. Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде.— Труды ВУАК, 1902, вып. 1.
Савелов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении.— Труды XII АС. М., 1905, т. 1.
Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873.
Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и их значение для науки.— В кн.: Древняя и новая Россия. СПб., 1876.
Световидов А. Н. К истории ихтиофауны р. Дона.— В кн.: Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, 8.
Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде.— КСИИМК, 1957, вып. 68.
Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— МИА, 1960, 92.
Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения.— КСИА. М., 1965, вып. 104.
Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, 163.
Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) — МИА, 1959, 65.
Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.
Симоненко И. Ф. Пережитки патронимии и брачные отношения украинцев Закарпатской области.— СЭ, 1947, 1.
Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951.

Сміленко А. Т. Слов'яни та их сусіди в степовому Подніпров'і (II—XIII ст.). Київ, 1975.
Смирнов А. П. Волжские булгары.— Труды ГИМ, М., 1951, вып. XIX.
Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, 28.
Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962.
Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, 1956, 25.
Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, 75.
Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП, 1899, август.
Спицын А. А. Новые сведения о городищах Дьякова типа.— Зап. отделения русской и славянской археологии. СПб., 1905, вып. 1, т. VII.
Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории.— В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.
Спицын А. А. Основные русские племена (по данным археологии).— В кн.: Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.
Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.
Тимощук Б. О. Слов'яни північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.
Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.
Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947.
Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— СА, 1937, IV.
Третьяков П. Н. Северные Восточнославянские племена.— МИА, 1941, 6.
Третьяков П. Н. Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии.— СЭ, 1948, 2.
Третьяков П. Н. У истоков древней Руси.— В кн.: По следам древних культур. М., 1953.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963.
Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966.
Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— СА, 1969, 4.
Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.
Третьяков П. Н. Вопросы и факты археологии восточных славян.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытнообщинного строя, рабовладения и феодализма. М., 1970.
Третьяков П. Н. Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э.— СА, 1974, 2.
Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея.— СА, 1961, 1.
Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе.— Известия АН СССР. Отделение общественных наук, 1933, № 6—7.
Фехнер М. В. Предметы языческого культа.— В кн.: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963.
Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, 89.
Цалкин В. И. Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси.— МИА, 1956, 51.
Цалкин В. И. Результаты определения костных останков животных из раскопок городища Титчиха.— В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха, Воронеж, 1965.
Цалкин В. И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ.— СА, 1969, 4.
Чеботарева Н. Ф. Разведка 1968 года по реке Снова.— В кн.: Сборник научных студенческих работ. Воронеж, 1970, вып. 2.
Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей.— ЖМНП, 1899, апрель.
Шахматов А. А. Несколько слов по поводу статьи проф. Е. Ф. Будде.— ЖМНП, 1899, сентябрь.
Шахматов А. А. Южные поселения вятичей.— Известия Академии наук. СПб., 1907.
Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, вып. 11.
Шахматов А. А.Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.
Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
Шовкопляс У. Т. Основи археології. Київ, 1964.
Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
Шрамко Б. А., Цепкин Е. А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв.— СА, 1963, 2.
Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, 55.
Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов).— МИА, 1959, 75.
Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.— Известия АН СССР, серия история и философия. М., 1946, т. III, № 5.
Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
Янина С. А. Опись куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха.— В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печерском крае. Псковская область.— Тр. института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия. М., 1960, т. VII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия.
АС — Археологический съезд.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВОМК — Воронежский областной музей краеведения.
ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Институт археологии Академии наук СССР.
ИА УССР — Институт археологии Академии наук УССР.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИЖ — Исторический журнал
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР о докладах и полевых исследованиях.
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК о докладах и полевых исследованиях.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3
Предисловие 5

Глава первая
Историография и источники 7
§ 1. Историография 7
§ 2. Источники 23

Глава вторая
Поселения 58
§ 1. Городища и селища . . . 58
§ 2. Жилища и хозяйственные постройки 79
§ 3. Датировка поселений . . 102

Глава третья
Погребальный обряд и религиозные представления 114

Глава четвертая
Донские славяне и население салтово-маяцкой культуры 134
Заключение 142
Литература 150
Список сокращений 160